

И. О. Ковалевич
О. И. Ревуцкий

**РУССКОЕ ОККАЗИОНАЛЬНОЕ
СЛОВОПРОИЗВОДСТВО
В РЕЧИ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ
(СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

МГПУ им. И.П.Шумкина

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина»

И. О. Ковалевич, О. И. Ревуцкий

РУССКОЕ ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВОПРОИЗВОДСТВО
В РЕЧИ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ
(СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

МГПУ им. И. П. Шамякина

Мозырь
МГПУ им. И. П. Шамякина
2017

УДК 811.161.1'373.611
ББК 81.2Рус-2
К56

Авторы:

- И. О. Ковалевич**, кандидат филологических наук (введение, перечень условных обозначений и сокращений, главы 1–3, выводы по главам, заключение, библиографический список, словник (с. 3–127, с. 134–181));
- О. И. Ревуцкий**, кандидат филологических наук, доцент (глава 3, пункт 3.3.2.3 (с. 127–134))

Рецензенты:

доктор филологических наук, доцент,
заведующий отделом современного белорусского языка
Центра исследований культуры, языка и литературы НАН Беларуси
В. П. Русак;

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего
и русского языкознания УО «Белорусский государственный
педагогический университет имени Максима Танка»
Г. А. Камлевич

Ковалевич, И. О.
К56 Русское окказиональное словопроизводство в речи детей и взрослых (сравнительно-сопоставительный аспект) / И. О. Ковалевич, О. И. Ревуцкий. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2017. – 182 с.
ISBN 978-985-477-608-8.

В монографии устанавливаются изменения в способах, типах и моделях окказионального словопроизводства в речи детей и взрослых. Выявляется связь и преемственность словотворческих процессов. Прослеживается тенденция к возрастанию морфемно-деривационной и семантической сложности окказиональных производных и к изменению их функциональной направленности. Устанавливается связь выявленных изменений с факторами контекстуального характера.

УДК 811.161.1'373.611
ББК 81.2Рус-2

ISBN 978-985-477-608-8

© Ковалевич И. О., Ревуцкий О.И., 2017
© УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2017

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ И СОКРАЩЕНИЙ

Принятые в работе сокращения

а) сокращения имён поэтов, писателей, публицистов

Амел.	М. Амелин
Ан.	И. Анненский
Аник.	О. Аникина
Апухт.	А. Апухтин
Аст.	В. Астафьев
Ахмад.	Б. Ахмадулина
Беш.	О. Бешенковская
Брод.	И. Бродский
Бун.	И. Бунин
Васс.	А. Вассерман
Вит.	А. Витухновская
Возн.	А. Вознесенский
Выс.	В. Высоцкий
Ганд.	В. Гандельсман
Гандлевск.	С. Гандлевский
Герм.	Ю. Герман
Год.	М. Годенко
Горб.	А. Горбунова
Гриц.	А. Грицман
Гуз.	Н. Гузеева
Дост.	Ф. Достоевский
Дубин.	С. Дубинина
Евт.	Е. Евтушенко
Ес.	С. Есенин
Ждан.	И. Жданов
Забол.	Н. Заболоцкий
Задорн.	М. Задорнов
Зах.	Б. Заходер
Звер.	И. Зверев
Ив.	В. Иванов
Касс.	Л. Кассиль
Кенж.	Б. Кенжеев
Кирс.	С. Кирсанов
Клим.	Г. Климова
Конч.	Н. Кончаловская

Куц.	Т. Куцубова
Манд.	О. Мандельштам
Март.	Л. Мартынов
Матв.	Н. Матвеева
Маяк.	В. Маяковский
Меж.	А. Межиров
Мес.	В. Месяц
Мих.	С. Михалков
Москв.	Т. Москвина
Наг.	Ю. Нагибин
Ник.	Г. Николаева
Павл.	В. Павлова
Прас.	А. Прасолов
Пур.	А. Пурин
Рабин.	В. Рабинович
Рожд.	Р. Рождественский
Салим.	В. Салимон
Сах.	С. Сахарнов
Сев.	И. Северянин
Сельв.	И. Сельвинский
Слуцк.	Б. Слуцкий
Сол.	С. Солоух
Сопр.	А. Сопровский
Стад.	И. Стаднюк
Стрел.	В. Стрелец
Федорч.	С. Федорченко
Хал.	В. Халупович
Хл.	В. Хлебников
Ход.	В. Ходосевич
Цв.	М. Цветаева
Цветк.	А. Цветков
Чупр.	С. Чупринин
Шир.	В. Ширали

б) сокращения названий периодических изданий

NT	The New Times
АиФ	Аргументы и факты
Взгл.	Взгляд
Изв.	Известия
Ком.	Коммерсантъ

ЛГ	Литературная газета
Мир нов.	Мир новостей
МК	Московская правда
МК	Московский комсомолец
НГ	Новая газета
Нов. изв.	Новые известия
Ог.	Огонёк
Проф.	Профиль
РГ	Российская газета
РЖ	Русский журнал
Рус. N.	Русский Newsweek
СБ	Беларусь сегодня
Сов. сп.	Советский спорт
Сп.-экс.	Спорт-экспресс
Эксп.	Эксперт

Основные термины

Генерализация – распространение словообразовательного процесса на слова с другими лексико-семантическими и/или морфологическими характеристиками в пределах одной и той же части речи.

Дериват – то же, что производное слово.

Деривация – процесс создания одних языковых единиц (дериватов) на базе других, принимаемых за исходные.

Контаминация – совмещение нескольких основ (чаще двух), сопровождающееся их частичным усечением или наложением, в результате которого создаётся новое слово.

Лексический окказионализм – это производное слово, характеризующееся коннотацией необычности, искусственности, которая обусловлена выходящим за рамки норм словопроизводства и словоупотребления сочетанием морфем.

Неологизм – слово или оборот, созданный (возникший) для обозначения нового (прежде неизвестного) предмета или для выражения нового понятия.

Речевая сфера – сфера функционирования речи, соотносимая с определенной областью коммуникации и соответствующим ей функциональным стилем.

Реэтимологизация – способ окказиональной деривации, по-новому представляющий отношения словообразовательной производности, в результате чего слово фонетически изменяется в сторону сближения с мотивирующим при сохранении понятийного тождества.

Сверхгенерализация – распространение словообразовательного процесса на слова, принадлежащие к другим частям речи.

Сквозной словообразовательный ряд окказионализмов – группа окказиональных слов, которая получает распространение в других речевых сферах.

Словообразовательная модель – схема словопроизводства, характеризующаяся семантической и формальной общностью словообразовательной базы и средства словообразования.

Словообразовательная пара – объединение двух слов, связанных отношениями словопроизводства, одно из которых является мотивирующим, а другое – мотивированным.

Словообразовательный тип – схема строения некоторого ряда производных слов, характеризующихся общностью части речи производящей основы, семантического и формального соотношения между производным и производящим, общностью словообразовательного значения.

Способ словообразования – словообразовательная единица, объединяющая ряд типов, характеризующихся одним и тем же видом форманта (например, префикс, суффикс, постфикс), в отвлечении от конкретных материальных воплощений этого форманта в разных типах.

Другие условные обозначения

/ используется для разделения интонационных и синтаксических сегментов в границах предложений из устной разговорной речи, а также для разделения стихотворных строк в поэтических текстах.

// используется в качестве знака, указывающего на границы предложений в устной разговорной речи.

≈ используется в качестве знака, указывающего на приблизительный возраст коммуникантов.

ВВЕДЕНИЕ

Окказиональные слова привлекают внимание отечественных и зарубежных учёных. Интерес к этой проблеме с годами не ослабевает, поскольку в изучении данной категории лексики выявляются всё новые направления. Окказионализмы исследуются в аспекте словообразования ([75], [76], [120], [205] и др.), лексикологии ([20], [224], [225] и др.), лексикографии ([89], [209] и др.), психолингвистики ([37], [154], [197]), стилистики ([3], [9], [15], [16], [34], [45], [55], [64], [68], [74], [80], [92], [160] [173]) и других дисциплин.

Проводятся исследования окказионального словотворчества в речи разных возрастных категорий русскоязычного населения. Существует много работ, исследующих окказиональное словотворчество детей, как правило, дошкольного возраста в психолингвистическом и лингвометодическом направлениях ([54], [104], [207], [223], [226], [246], [251] и др.). Среди исследований окказиональных словообразовательных процессов в речи взрослых основное место занимают работы стилистического плана, посвящённые словотворчеству публицистов, писателей и поэтов ([3], [9], [10], [15], [31], [40], [50], [78], [79], [80], [130], [165], [172], [175], [179] [206], [227], [234] и др.).

Мало исследована, в частности, проблема окказионального словопроизводства детей и взрослых в сопоставлении, хотя учёными не раз высказывались мнения о том, что между словотворчеством отмеченных возрастных категорий коммуникантов существует определённая взаимосвязь и преемственность. В своей известной книге «От двух до пяти» К. И. Чуковский обращает внимание на факты совпадения отдельных детских новообразований со словами из некоторых русских говоров [231, с. 65]. На явления сходства и соотносимости окказиональных словотворческих процессов в речи детей и взрослых указывают в своих работах также Е. А. Земская [76, с. 240], В. В. Лопатин [120, с. 120–121], Е. Г. Озерова [149, с. 19], Р. М. Фрумкина [213, с. 127–128], С. Н. Цейтлин [226, с. 165].

С учётом сказанного в настоящей монографии ставится задача исследования словотворчества детей и взрослых с функциональной, системно-деривационной, контекстуальной и стилевой точек зрения. Проводится изучение словообразовательных процессов в разговорной речи детей и в речи взрослых, дифференцированной по стилевой принадлежности: в разговорном стиле, в стиле публицистики и художественно-литературном стиле (преимущественно поэтической речи). Проводится системное описание деривационных процессов с учётом частеречной принадлежности словообразовательных основ и видов словообразовательных формантов. В исследуемых сферах речи устанавливаются изменения в процентном соотношении производных слов, образованных разными

способами. Выявляются общие тенденции словотворчества, факты распространения одних и тех же деривационных процессов в разных сферах речи и появления моделей словопроизводства, специфичных для каких-либо отдельных речевых сфер. Прослеживается изменение функционального статуса окказиональных слов, убывание производных номинативного характера и возрастание количества экспрессивно-образных дериватов, создание которых в книжных стилях носит чётко осознанный характер.

В связи с тем, что по некоторым вопросам теории окказиональных слов имеются разные точки зрения, в монографии даётся уточнённое понимание признаков окказиональных слов в оппозициях «окказионализм» – «неологизм», «окказионализм» – «потенциальное слово», «окказионализм» – «художественный троп».

Материалом для настоящего исследования послужили окказиональные слова из речи детей и взрослых, извлечённые методом сплошной выборки из устных высказываний информантов в процессе непосредственного речевого общения и из материалов Интернет-переписки за период 2008–2017 гг., текстов различных жанров публицистики (газетные статьи ведущих российских и русскоязычных белорусских изданий за период 2008–2017 гг., пародии, фельетоны, телевизионные юмористические передачи), поэтических произведений преимущественно второй половины XX – начала XXI века. Частично привлекались материалы и из произведений прозаических жанров.

ГЛАВА 1

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ СЛОВА КАК ОСОБЫЙ РАЗРЯД ЛЕКСИКИ

1.1 Лексический окказионализм и его признаки

Понятие «лексический окказионализм» отличается значительной сложностью. Окказиональные слова имеют связи с другими категориями лексики и допускают рассмотрение с разных точек зрения, в силу чего подходы к данным единицам и наборы присущих им признаков у разных исследователей расходятся.

Термин «окказионализм» впервые был введён в лингвистический обиход Н. И. Фельдман в 1959 г. после опубликования статьи «Окказионализм и лексикография», в которой высказывается необходимость размежевания подобных новообразований и других лексических единиц, в частности неологизмов [209, с. 67]. Помимо термина «окказионализм», существует ещё целый ряд номинаций данного понятия: индивидуальные слова, индивидуально-авторские неологизмы, индивидуально-стилистические неологизмы, контекстуально-речевые неологизмы, речевые неологизмы, одноразовые неологизмы, литературные неологизмы, слова-самоделки, слова-беззаконники, слова-экспромты, поэтические неологизмы, эгологизмы, авторские новообразования, (детские) словообразовательные инновации, (детские) словотворческие инновации, онтонеологизмы (по отношению к детским окказионализмам) [210, с. 67], [120, с. 40], [130, с. 16], [212, с. 291], [56, с. 10].

Приведённые наименования отражают разные ракурсы изучения окказионализмов, которые рассматриваются с точки зрения словообразовательной производности (ср.: словообразовательные инновации) [156, с. 4], ненормативности по отношению к языковому узусу (ср.: слова-беззаконники) [72], речевой принадлежности (ср.: речевые неологизмы, контекстуально-речевые неологизмы) [147, с. 119], [212, с. 291], функциональной одноразовости (ср.: одноразовые неологизмы) [169, с. 68], наличия творческого начала (ср.: слова-самоделки) [210, с. 67], с точки зрения жанрово-стилевой ограниченности и стилистической значимости (ср.: литературные неологизмы, поэтические неологизмы, индивидуально-стилистические неологизмы) [175, с. 9], [217, с. 108], индивидуальной принадлежности (ср.: индивидуальные слова, индивидуально-авторские

неологизмы, эгологизмы, авторские неологизмы) [66, с. 13], [138, с. 420], [6], [139], возрастной отнесённости (ср.: онтонеологизмы) [91, с. 20], структурно-семантической новизны (использование термина «неологизм»).

Окказиональные слова определяются лингвистами как единицы, характеризующиеся определённым набором свойств, которые делают данные единицы отличными от других. Вопросы классификации окказионализмов, наличия у них главных и факультативных признаков обсуждаются в работах многих учёных: Ю. Н. Антюфеевой [5], А. И. Басовой [15], И. Л. Загрузной [68], Е. А. Земской [75], А. Г. Лыкова [124], [225], В. В. Лопатина [120], Д. Б. Масленникова [131], Н. И. Фельдман [210], Э. И. Ханпиры [214], Н. В. Шабовича [232] и др. В зависимости от того, какой признак (признаки) выделяется в качестве ведущего, зависит и трактовка данного понятия. Так, Н. М. Шанский определяет окказиональные слова как «словные морфемосочетания, существующие в качестве определённых нормативных единиц только в том или ином контексте и не обладающие, тем самым, основным свойством любой единицы языкового стандарта – воспроизводимостью» [184, с. 69]. Н. И. Фельдман также подчёркивает качество контекстуальной зависимости окказиональных новообразований, что препятствует им стать языковыми единицами [210, с. 66]. Н. А. Янко-Триницкая характеризует окказионализмы как речевые новообразования, которые создаются в условиях конкретной ситуации и обуславливаются конкретной задачей [248, с. 463]. Е. А. Земская в качестве основополагающего признака называет их ненормативный характер [170, с. 239].

Одним из наиболее полных в числе названных источников является диссертационное исследование А. Г. Лыкова [124]. Автор данной работы выделяет две группы присущих окказиональным словам признаков, одни из которых являются общими для окказиональных и канонических (узуальных) слов, а другие присущи только окказионализмам. К числу специфических признаков окказиональности А. Г. Лыков относит такие, как принадлежность к речи, функциональная одноразовость, творимость, зависимость от контекста, экспрессивность, номинативная факультативность, синхронно-диахронная диффузность, индивидуальная принадлежность, словообразовательная производность, ненормативность и др. [124, с. 11]. Автор указывает также на особенности восприятия окказионализмов как слов необычных, «диких». Исследование окказионализмов проводится учёным преимущественно на материале художественной литературы и публицистики.

Типологические признаки, выделяемые А. Г. Лыковым, положены в основу исследований Ю. Н. Антюфеевой [5], Н. Г. Бабенко [10], Ю. И. Жабаевой [66], Д. Б. Масленникова [131], Н. В. Шабовича [232] и др. Следует отметить, что правомерность некоторых выдвигаемых А. Г. Лы-

ковым признаков окказиональности другими исследователями ставится под сомнение. Это касается речевой принадлежности, функциональной одноразовости, синхронно-диахронной диффузности, речевой принадлежности и т. д.

Возражения против трактовки окказиональных слов исключительно как речевых единиц высказывают О. А. Габинская [37], Л. И. Плотникова [148], И. С. Торопцев [200], которые допускают способность таких слов переходить в разряд средств языка, аргументируя это примерами из идиостиля отдельных авторов [28, с. 41].

Спорным является также признак функциональной одноразовости окказиональных слов. О непринципиальности указанного свойства говорит О. А. Габинская, подтверждая своё мнение высказыванием И. С. Торопцева по поводу возможного запоминания носителем языка созданного им деривата и его последующего воспроизведения в своей речи [37, с. 48]. О способности новообразований к многократному употреблению в речи одного и того же носителя языка высказывается также Н. В. Шабович [232, с. 6]. Ю. Н. Антюфеева, которая, рассматривая окказионализмы как разновидность неологизмов, допускает многократное воспроизведение данных слов по ряду причин: наличие одной реалии в серии книг одного и того же автора, например автора-фантаста, более «удобная» звуковая форма окказионализма в сравнении с узуальным эквивалентом и др. [5, с. 36].

Выводимый из понимания окказионализма как функционально одноразовой единицы признак синхронно-диахронной диффузности (по А. Г. Лыкову) вызывает несогласие со стороны Ю. Н. Антюфеевой и Л. И. Плотниковой. Как отмечает Ю. Н. Антюфеева со ссылками на Л. И. Плотникову, повторное воспроизведение окказиональных слов можно рассматривать как начало существования данных слов в плоскости диахронии [5, с. 37].

Индивидуально-авторская отнесённость окказионализмов, предполагающая конкретное авторство, по мнению Е. А. Земской, не является характерным признаком для новообразований в речи детей и разговорной речи взрослых [76, с. 240]. Ю. Н. Антюфеева, признавая наличие индивидуального начала у всех окказиональных слов, высказывается о способности данного признака к затуханию, что является условием перехода потенциально-окказиональных новообразований в разряд неологизмов [5, с. 37]. Ю. Н. Пацула указывает на отсутствие у некоторых окказионализмов отнесённости к конкретному лицу, что, по мнению автора, не влияет на статус окказиональности [152, с. 20].

Таким образом, большинство признаков окказионализмов, отмеченных в работах А. Г. Лыкова, относятся к числу общепризнанных (экспрессивность, зависимость от контекста, производный характер, не-

нормативность, необычность и др.), в то время как некоторые другие (функциональная одноразовость, индивидуальная принадлежность, синхронно-диахронная диффузность и др.) признаются не всеми исследователями. Данное обстоятельство позволяет выдвинуть положение о том, что некоторые признаки окказиональности присущи не всем без исключения окказионализмам. К числу основополагающих признаков, позволяющих расценивать слово как окказиональное, считаем целесообразным относить такие, как принадлежность к речи, номинативная факультативность (с точки зрения языка), своеобразие морфемной структуры. Таким образом, окказионализм понимается нами как производное слово, которое характеризуется коннотацией необычности, искусственности, обусловленной выходящим за рамки норм словопроизводства и словоупотребления сочетанием морфем. Мы поддерживаем точку зрения авторов, которые высказываются о необязательности признаков индивидуальной принадлежности окказионализмов, их функциональной одноразовости и полной синхронно-диахронной диффузности.

1.2 Соотношение окказионализма с другими категориями лексики

1.2.1 Окказионализм и неологизм

В современной лингвистике, в частности в таком разделе лексикологии, как неология, уже на протяжении нескольких десятилетий ведутся дискуссии по поводу соотношения понятий «неологизм» и «окказионализм». В качестве основной причины подобных споров в лингвистических кругах выступает тот факт, что выше представленные категории лексических единиц характеризуются определённой необычностью формы и содержания, что создает эффект впервые услышанного и прочитанного и даёт повод для трактовки таких единиц как новых [120, с. 63], [235, с. 106–109].

Анализ работ в рамках данной проблематики даёт основание говорить о существовании двух подходов к решению обозначенной проблемы. Представители одного направления (Н. А. Лаврова, Р. Ю. Намитокова, Л. И. Плотникова, Ю. Н. Пацула, М. И. Фомина, Н. М. Шанский, Н. Elsen, L. Lemnitzer и др.) предлагают широкое толкование понятия «неологизм» и включение в данную группу лексических единиц

окказионального характера. Так, например, Н. М. Шанский под неологизмами понимает слова, которые, «появившись в языке в качестве определённых значимых единиц, ещё не вошли или никогда не входили и не войдут в активный словарный запас языка с целью номинации новых реалий либо в целях образности и экспрессии». Учёный выделяет неологизмы номинативного характера, а также номинативно-стилистические, или индивидуально-стилистические, неологизмы, к числу которых относит так называемые окказиональные слова, созданные писателями и публицистами [224, с. 108]. Н. А. Лаврова, М. И. Фомина и др. также ставят знак равенства между двумя разновидностями лексем (неологизмами и окказионализмами), при этом подчёркивают стилистическую функцию вторых, указывая на присущую им экспрессию [110, 224–228], [156, с. 291]. Е. В. Сенько делит неологизмы на три группы по характеру называемой ими реалии и способу её вербализации, выделяя лексические инновации в языке (собственно неологизмы), лексические инновации в речи (окказионализмы) и потенциальные неологизмы [178, с. 19–21].

Р. Ю. Намитокова, включая окказиональные слова в категорию неологизмов, выделяет ряд критериев, позволяющих разграничивать разные единицы, обладающие качествами новизны: вхождение / невхождение новых слов в язык или речь, преднамеренность или случайность их создания в речевой деятельности, сфера употребления данных слов в речевом пространстве, их заданность / незаданность языковой системой, степень стандартности новообразований. По её мнению, неологизмы относятся к фактам языка, в то время как новообразования характеризуются речевой отнесённостью. Последние, в свою очередь, подразделяются на авторские и неавторские, которые содержатся в разговорной речи детей и взрослых и решают синонимичные коммуникативные задачи [139, с. 12–15].

Наряду с пониманием окказиональных слов как особого рода неологизмов, существует и другая точка зрения, согласно которой окказионализмы так или иначе отграничиваются от единиц неологии или даже представляют собой слова, не относящиеся к категории неологизмов (О. И. Александрова, Н. Г. Бабенко, В. В. Лопатин, А. Г. Лыков, А. А. Сивова, Э. И. Ханпира, L. J. Brinton, W. U. Dressler, R. Fisher и др.). Так, В. В. Лопатин ссылается на то, что неологизмы способны утрачивать изначально присущую им новизну в отличие от окказиональных слов, если последние не вошли в языковой узус и не стали регулярными единицами [120, с. 65]. L. J. Brinton и E. C. Traugott вводят понятие «институционализация» для обозначения стадии, когда окказионализм переходит в разряд неологизмов, где в качестве основного критерия выступает его широкое употребление [250, с. 45]. А. Г. Лыков высказывает точку зрения по поводу синхронно-диахронной диффузности окказиональных новообразований,

согласно которой новообразования данного типа не соотносимы с понятием времени [124, с. 17]. Окказионализмы, по мнению учёного, всегда выступают в качестве новых единиц (т. е. вечных неологизмов) и вступают в противопоставление с каноническими словами. Новизна, таким образом, в отношении окказиональных слов, согласно утверждению автора, понимается как их постоянная «необычность» и «диковинность» [125, с. 34]. О. И. Александрова главный критерий разграничения обозначенных категорий лексем видит в выполняемых ими коммуникативных функциях. По мнению учёного, неологизмы как единицы номинативного характера выполняют интеллектуально-коммуникативную функцию, в то время как окказиональные слова выступают в качестве характеризующих (предикативных) средств [3, с. 42–43]. Н. Г. Бабенко указывает на обусловленность неологизмов внеязыковой действительностью, а также их последующей распространённостью в языке, в то время как окказионализмы не претендуют на вхождение в языковой узус и не проявляют особой тенденции к широкому использованию [10, с. 7].

Рассмотрев изложенные разными авторами точки зрения, считаем целесообразным высказать ряд соображений на природу окказионализма как единицы, соотносимой с понятием «неологизм». Прежде всего отметим, что критерии разграничения данных единиц по параметрам номинативности и экспрессивности вызывают возражения, поскольку обе категории слов, т. е. новые, претендующие на вхождение в узус, и окказиональные (искусственные), могут, на наш взгляд, выполнять как номинативные, так и экспрессивные функции, о чём подробнее будет сказано в следующем разделе. Например, слово *расхлябанность*, пришедшее в публицистику из профессиональной рабочей терминологии (ср.: *расхлябались все винты*) и прошедшее стадию неологизации, вошло в узус в первоначально присущей ему экспрессивной функции, которая проясняется в сопоставлении с его стилистически нейтральными синонимами (ср.: *недисциплинированность, неорганизованность*). Мотиваторами данного субстантива стали областные северновеликорусские глаголы *расхлябать* и *расхлябаться* [28, с. 171–172]. Наряду с этим стадию неологизации проходят и такие сугубо номинативные слова, как научные и технические термины. Окказионализмы, в свою очередь, в речи отдельных категорий носителей языка проявляют способность к чистой номинации. Однако следует отметить, что индивидуальная потребность в данном случае противостоит потребности языковой. Это позволяет трактовать окказиональные слова как единицы, характеризующиеся номинативной факультативностью (по А. Г. Лыкову) [125, с. 25–26].

Что касается разграничения окказионализмов и неологизмов по критериям вхождения или невхождения их в языковой узус (Н. Г. Бабенко [10] и др.), то этот критерий едва ли можно считать достаточно чётким,

т. к. однозначно предсказать, войдёт ли новое слово в узус или нет, в подавляющем большинстве случаев невозможно. Вызывает возражение также трактовка окказионализма как слова, живущего вне времени, что объясняется его «необычностью» и «диковинностью» (по А. Г. Лыкову). Можно согласиться, что «необычность» и «диковинность» препятствуют вхождению окказионализма в узус, однако такая возможность в принципе не исключается. Доказательством тому являются глаголы *стушеваться* и *лимонничать*, «изобретённые» Ф. М. Достоевским и получившие последующее широкое распространение. С именем М. Е. Салтыкова-Щедрина связывают происхождение таких слов, как *головотья* и *головотьяство*, *пенкосниматель*, *благодарность*. Особенно показательны в данном отношении лексические новообразования Н. М. Карамзина, например: *благотворительность*, *будущность*, *влюблённость*, *вольнодумство*, *достопримечательность*, *промышленность*, *человечный* и др. [148, с. 31]. В этой связи можно считать, что факт вневременности окказионализмов относителен, хотя возможности вхождения окказиональных (т. е. искусственных, необычных) слов в языковой узус ограничены и пути вероятного их утверждения в качестве канонических единиц весьма своеобразны. Нередко лексические инновации, оставаясь за пределами кодифицированного языка, характеризуют лексикон отдельных лиц, являясь приметой их идиостиля.

Кроме того, материалы нашего исследования показывают, что окказиональные дериваты способны функционировать в речи небольших групп (семья, трудовой коллектив, группа людей, объединённых общностью интересов и т. д.). Например, ребёнок создаёт какой-либо дериват, который заимствуется взрослыми и употребляется на протяжении длительного времени, являясь стилистическим синонимом по отношению к узуальному эквиваленту и имея характер своеобразной экспрессемы (ср.: *банконасы* вместо *ананасы*, *травмокат* вместо *самокат*). Показательным в данном отношении является так называемый «мамский язык», в пределах которого создаются многочисленные новообразования, объединённые тематикой материнства и употребляемые разными участницами клубов, как правило, виртуальных: *пузожители* (о вынашиваемых детях), *хотелки* (о женщинах, планирующих беременность), *беременюшки* и т. д.

Анализ разных подходов к категориям «новое – неновое» и «окказиональное – узуальное» позволяет прийти к следующему: отмеченные разными исследователями разграничительные признаки (номинативность / экспрессивность, принадлежность к языку или речи, отношение к параметрам временное / вневременное) являются в известной степени относительными и в некоторых случаях пересекающимися. По этой причине при определении статуса нового или необычного (т. е. окказионального) слова следует учитывать то, каким набором

перечисленных признаков обладает данная единица, и то, насколько полно и отчётливо они проявляются. При этом основополагающими признаками окказиональных слов, отграничивающими их от слов-неологизмов, считаем целесообразным рассматривать такие признаки, как принадлежность к речи, индивидуальная обусловленность, номинативная факультативность (с точки зрения языка), необычность формы, выражающаяся в достаточно чётко ощутимом контрасте составляющих их морфем.

1.2.2 Окказионализм и потенциальное слово

Одной из проблем, связанной с теорией окказиональных слов, является проблема соотношения понятий «окказионализм» и «потенциальное слово». Известно, что окказионализм как словообразовательный дериват предполагает наличие деривационной схемы (модели), по которой он был образован. Данные схемы могут соответствовать имеющимся в языковом узусе словообразовательным типам либо расходиться с ними.

Принимая во внимание данный критерий, ряд учёных-лингвистов (Ю. Н. Антюфеева [4], Е. А. Земская [75], Н. В. Титова [196], Э. И. Ханпира [214], П. В. Царёв [221] и др.) считают целесообразным отграничивать окказиональные слова от потенциальных, видя в последних наличие специфического признака, который определяется большой вероятностью вхождения таких слов в узус. По мнению Е. А. Земской, к категории потенциальных лексем следует относить номинативные единицы, созданные по высокопродуктивным моделям без каких-либо нарушений словообразовательных типов. Подобные слова, как отмечает автор, раскрывают потенциальные возможности языка и реально могут появиться при первой же необходимости [76, с. 228]. Отличительной чертой окказиональных новообразований Е. А. Земская считает нарушение деривационных моделей при их создании [75, с. 187]. Того же мнения придерживается и Э. И. Ханпира, определяя потенциальное слово как лексическую единицу, образованную по «языковой модели высокой продуктивности, а также слово, уже возникшее по такой модели, но ещё не вошедшее в язык», в отличие от окказионального слова, «которое образовано по языковой малопродуктивной или непродуктивной модели, а также по окказиональной (речевой) модели и создано на определённый случай либо с целью обычного сообщения, либо с целью художественной» [214, с. 1].

Известна и такая точка зрения, в соответствии с которой в качестве основы для разграничения окказиональных и потенциальных слов рассматривается фактор зависимости от контекста. Так, например,

П. В. Царёв считает, что потенциальными словами являются такие, которые обладают семантической прозрачностью и легко обнаруживаемой выводимостью значений из семантики их компонентов (основ и аффиксов) [221, с. 21]. Основание для выделения двух отмеченных лексических категорий Н. В. Титова видит в их соответствии / несоответствии нормам, касающимся разных языковых уровней. Если потенциальные слова предполагают нарушение лексических норм, то при образовании окказионализмов, по мнению учёного, имеет место нарушение словообразовательных норм [196, с. 10].

Несколько по-иному к данной проблеме подходят такие исследователи, как В. В. Лопатин [120], А. Г. Лыков [125], Д. Б. Масленников [131], Е. В. Сенько [178], Н. И. Фельдман [210], Н. В. Шабович [232] и др., которые считают подразделение необычных, искусственных, аномальных слов на окказиональные и потенциальные несущественным или даже некорректным, что объясняется отсутствием достаточно чётких оснований их разграничения, т. к. и те, и другие единицы сближаются по ряду существенных признаков. Так, В. В. Лопатин указывает на новизну, свежесть, оригинальность как потенциальных, так и окказиональных слов [120, с. 71]. Согласно Е. В. Сенько и Н. В. Шабовичу, неудачность термина «потенциальное слово» мотивируется тем, что речевые новообразования должны изучаться в их отношении к словарю языка, а не к его словообразовательной системе [178, с. 18].

Принимая во внимание изложенные точки зрения и их аргументацию и опираясь на конкретный речевой материал, попытаемся выработать к данной проблеме собственное отношение. Согласно словарному определению, «потенциальный» толкуется следующим образом: 1) «существующий в потенции, в скрытом виде» [181, с. 451]; 2) «существующий в потенции, скрытый, не проявляющийся, но готовый обнаружиться при определённых условиях; возможный, вероятный» [182, ст. 1598]; 3) «существующий в потенции, возможный» [149, с. 463]. Из этого вытекает, что выражение «потенциальное слово» следует рассматривать как такое, которое имеет большие шансы на то, чтобы прочно войти в узус. Основа для такого перехода видится рядом учёных (Е. А. Земская, Э. И. Ханпира, П. В. Царёв и др.) в принадлежности данных слов к регулярным словообразовательным моделям.

Оппозиция «окказионализмы – потенциальные слова», основывающаяся на учёте регулярности – нерегулярности словопроизводства, иначе говоря, словообразование с нарушением или без нарушения словообразовательных норм, вполне правомерна. Однако определение «потенциальное слово» вызывает возражение, поскольку создание слова по речевой модели не может считаться определяющим условием вхождения в узус. В качестве подобных факторов могут выступать большой авторитет

и широкая известность автора, впервые употребившего это слово, актуальность информации, с которой данная лексическая единица связана, особая выразительность новообразования и многое другое. Любой из этих факторов может обусловить вхождение в узус слов, образованных по нерегулярным моделям, например, *канцелярит* К. И. Чуковского (ср.: бронхит, плеврит, артрит), *свистопляска* М. П. Погодина, *небосклон* И. И. Мартынова, *отсебятина* К. П. Брюллова и др. [44, с. 81], [28, с. 627, с. 365, с. 422]. С другой стороны, нельзя не отметить и того, что многие окказионализмы, образованные по регулярным моделям, остаются за пределами узуса, как, например, характерные для разговорной речи *овчарёнок*, *таксёнок*, *пекинесёнок*, *персёнок* и др., поскольку этому препятствуют факторы стилистического порядка – их ярко выраженный разговорный характер, а иногда и наличие коннотации «детскости». Вероятными стилистическими причинами объясняется и то, что отмеченные Е. А. Земской слова *возражатель*, *ломатель оров* и т. п. вот уже более шестидесяти лет остаются за пределами узуального словоупотребления, и основания, которые могли бы вывести их в разряд узуальных, до сих пор отсутствуют [76, с. 230].

Представляется недостаточно убедительным и выдвигаемый некоторыми сторонниками выделения категории потенциальных слов нормативный критерий. Хотя точка зрения Н. В. Титовой о соответствии / несоответствии обоих видов новообразований разным видам норм (лексическим и словообразовательным) вызывает определённый интерес, такой подход нельзя считать чётко обоснованным. Также важно отметить то, что понятие нормы, строго говоря, относится к реализованным возможностям языка, а не к тому, что может так или иначе предполагаться и прогнозироваться (К. С. Горбачевич, Н. С. Валгина, В. А. Ицкович, Э. Коссериу) [48, с. 49], [23, с. 41], [81, с. 12], [93, с. 236].

Таким образом, в настоящей работе мы предлагаем рассматривать окказиональные слова достаточно широко, относя к данной категории все лексические единицы, созданные на особый случай в процессе коммуникативной деятельности, что в принципе и исходит из их названия (*occasio* – случай). Слова, которые в ряде работ трактуются как потенциальные, мы включаем в разряд окказионализмов, отличительной приметой которых является образование по моделям, формально не выпадающим из группы языковых, но так или иначе связанным с отступлением от языковых норм сочетаемости морфем, между которыми обнаруживаются известные семантические и стилистические расхождения.

1.3 Виды окказионализмов с функциональной точки зрения

К вопросу о специфичности окказиональных слов многие исследователи подходят с точки зрения выполняемых данными единицами функций, т. е. номинативной или экспрессивной. Однако относительно специфичности проявления данных функций мнения специалистов расходятся. Как пишет Е. А. Земская, окказионализмы выполняют в речи одновременно экспрессивную и номинативную функции [76, с. 229]. В таком же ключе высказывается и Н. М. Шанский, который называет окказиональные слова номинативно-стилистическими неологизмами [235, с. 109]. Известна и точка зрения, согласно которой строгое разграничение окказионализмов по выполняемым ими функциям не представляется возможным (Л. А. Введенская, Т. В. Дыбина, И. И. Щеболева) [27, с. 86].

О номинативности и экспрессивности окказиональных слов говорит и А. Г. Лыков, который считает номинативность данных единиц факультативной [127, с. 25–26]. Принимая эту точку зрения, внесём некоторые пояснения, касающиеся обусловленности указанного свойства факторами коммуникативного порядка, в частности целями общения говорящих, наличием или отсутствием у них общего словарного запаса и общих речевых умений и способностей. Если, например, многие детские окказионализмы рассматриваются взрослыми как факультативные, т. е. не являющиеся обязательными с позиции языковой нормы и выступающие коррелятами к уже имеющимся в языке узуальным словам, то, с точки зрения самих детей, никогда не использовавших и не понимавших канонических соответствий, их новообразования выполняют функцию полноценных номинативных единиц, в которых отражаются реалии окружающей действительности: *Мама/ купи мне **шитку**// Одежду шить/**Шитка**¹⁾//* (4 г. 5 м.). Подобное явление также в определённой степени актуально и для разговорной речи взрослых: *Положи на место **скреплер**//* (о степлере) (разговорная речь взрослых.). Коммуникант уверен, что говорит правильно, т. к. ему не известен узуальный эквивалент. В обратном случае мы бы имели экспрессивную единицу, созданную в целях исключительно стилистических. Данное утверждение соотносится с мыслью В. В. Виноградова об обусловленности экспрессивной семантики лексемы наличием в языке нейтральных синонимов [29, с. 12–13].

В понимании функций окказионализмов мы будем исходить из следующего. Номинативные дериваты называют новые, ранее не известные коммуникантам реалии или являются результатом поиска и

¹⁾ Здесь и далее высказывания коммуникантов передаются без авторской корректировки.

создания собственных номинатов. Создателям подобных окказионализмов могут быть известны нормативные наименования, а предпочтение собственным новообразованиям может отдаваться по разным причинам. В разговорной речи взрослых факультативные номинативы обыкновенно являются показателями не стремления «улучшить» нормативное, а недостаточным словарным запасом. Подобные ошибочные употребления касаются, прежде всего, мало известных говорящим предметов и явлений. Если в речи детей младшего дошкольного возраста подобные слова характеризуют определённый этап их речевого развития, то в речи взрослых такого рода новообразования расцениваются как речевые ошибки. Окказионализмы номинативного характера также могут использоваться в качестве стилистических средств, получая при этом добавочный заряд экспрессии, своеобразной игры в «детскость» или необразованность.

Окказионализмы, которым присуща экспрессивная функция, сближаются с другими единицами лексики, порождающими эффект необычности из-за нарушения речевого стандарта. При этом степень экспрессивности может варьироваться в пределах выдвигаемой В. И. Шаховским оппозиции «сильнее – слабее» [165, с. 28].

Качество экспрессивности окказионализмов, как и узуальных слов, может совмещаться с качествами эмоциональности, оценочности и образности. Эмоциональность, согласно определению В. К. Харченко, является психологической категорией, связанной со способностью говорящих выражать как положительные, так и отрицательные эмоции [165, с. 25]. Для данной категории релевантна оппозиция «хорошо – плохо» [165, с. 25]. В группе окказионализмов данное качество часто выражается дериватами со значением ласкательности (ср.: *рюкзачонок, пузырьта, сочонок* – из детской речи). Оценочность, по мнению В. К. Харченко, являясь категорией функциональной, отражает отношение коммуникантов к определённым объектам, явлениям. По нашим наблюдениям, ярко выраженную оценочность имеют, например, дериваты с формантами *-ишк-, -ик-, -к-, -онок* и др., развивающими значение уничижительности, а также суффиксом *-ищ-*, выражающим значение увеличительности (ср.: *У тебя/ может и зарплата/ а у меня/ зарплатак//; Такое кредитище мы никогда не выплатим/!*).

Образность, в отличие от экспрессивности и оценочности, определяется как отражательная категория, основу которой составляет ассоциативность. При этом возможны ассоциации не только между обозначаемыми предметами и связанными с ними лексическими значениями слов, но и между звуками и их сочетаниями: *Песочу* (о Сочи; хотя там нет песка), *Кефировна* (о Никифоровне; хотя вполне возможно, что она не любит кефир).

Все приведённые в данном разделе характеристики могут совмещаться и обнаруживаться одновременно в виде какого-либо сочетания у одних и тех же окказиональных слов, так же как и узуальных [217, с. 68].

1.4 Окказионализм и троп

Исследованию окказионализмов в аспекте образности и экспрессии посвящена достаточно обширная литература ([10], [14], [34], [55], [214] и др.). Однако семантический механизм троповости окказиональных слов специально не рассматривался.

Учение о тропах зародилось еще в античные времена. Многие исследователи вслед за античными авторами (Аристотель, Цицерон и др.) рассматривают троп как перенос наименования, что находит отражение в словарях [191, с. 559]. В настоящее время учение о тропах развивается в разных направлениях. Одним из таких является риторическое, которое сосредоточено на возможно более полном описании инвентаря тропов и на поисках семантических нюансов, служащих основой для выделения новых типов и подтипов, в результате чего количество тропов и фигур в трудах по риторике нередко приближается к ста [166, с. 112].

В современной метафорологии получило распространение и направление, ставящее цель выделить в системе тропов такой, который занимает доминирующее положение и включает в себе признаки, в той или иной степени присущие всем другим тропам. Роль такого синкретичного тропа в трудах многих исследователей отводится метафоре (Н. Д. Арутюнова, М. Блэк, В. Г. Гак, М. Джонсон, Дж. Лакофф, В. Н. Телля, А. П. Чудинов) [113, с. 31–32], [230, с. 13], [19]. С нашей точки зрения, этот перспективный в своей основе подход не безупречен, поскольку в известной степени расходится с психологической классификацией тропа [113, с. 27–28]. Трудно, например, считать метонимию, которая основывается на переносе по смежности, а не по сходству, разновидностью метафоры.

Более правомерным считаем принятый многими исследователями (А. Вежбицка, И. Р. Гальперин, Ю. М. Лотман, Л. Н. Рыньков) подход, согласно которому все (или, по крайней мере, основные) виды тропов имеют общий признак семантической двуплановости, который, в зависимости от вида тропа, может проявляться по-разному [39, с. 274], [121, с. 172], [164, с. 104–107]. Принцип семантической двуплановости тропа чётко охарактеризовал Ю. М. Лотман, отметивший, что «эффект тропа образуется не наличием общей «семы» <...> а вкраплённостью их в несовместимые семантические пространства и степенью семантической

удалённости несовпадающих «сем». Семантическая удалённость может образовываться за счёт разных аспектов непереводимости замещающего замещаемым» [121, с. 172]. Семантическую двуплановость тропов Ю. М. Лотман связывает с выдвинутым Р. О. Якобсоном в качестве основополагающего для поэтического языка принципом параллелизма [244, с. 110–132].

В современной науке о тропах наметилась тенденция к расширенной трактовке данной категории. По мнению целого ряда исследователей, понятие тропа не замыкается рамками лексики, а носит универсальный характер и охватывает единицы разных языковых уровней. Такая точка зрения имеет достаточно давнюю историю (Г. О. Винокур, В. Вундт, А. А. Потебня, Б. В. Томошевский и др.). В настоящее время такой подход используется в качестве основы исследований Н. А. Кожевниковой [86], С. Б. Кураша [107], О. Н. Лагуты [113], С. М. Мезенина [242], О. И. Ревуцкого [165, с. 130–134], Е. Г. Сомовой [188], С. А. Хахаловой [219], Е. И. Шендельс [232, с. 55] и др. В своей статье «Дзезяне метафарычнага механізму на розных моўных узроўнях» С. Б. Кураш считает целесообразным рассматривать троп в качестве образного средства, выходящего за рамки лексико-семантического уровня и распространяющегося на другие уровни языка и речи (фонетику, словообразование, грамматику, текст и интертекст) [107, с. 161–162]. Разделяя данную точку зрения, О. И. Ревуцкий приходит к выводу, что значительная часть окказиональных слов обладает свойством семантической двуплановости, что даёт основание причислять их к тропам. Семантическая двуплановость окказиональных слов, по мнению этого автора, имеет двойную природу: с одной стороны, она достигается семантической контрастностью объединяющихся в составе окказионализма морфем, а с другой – корреляцией семантики окказионального слова и его узуального прообраза [160, с. 76].

На тропеический характер окказиональных дериватов указывает также Э. И. Ханпира, утверждая, что их смысловая структура может содержать сосуществующие скрытые метафоры и сравнения [214, с. 4]. Данная точка зрения соотносится с высказыванием Н. А. Кожевниковой о способности тропов к обратимости, в частности, к переходу метафорического словосочетания в окказионализм и наоборот: *змеи кудрей – змеекудрый* [86, с. 215]. Разумеется, подобные преобразования возможны не всегда, однако тесная связь названных тропов очевидна.

В дополнение к сказанному считаем нужным отметить, что, как и другие тропы, окказионализмы могут дифференцироваться на основе психологической классификации с учётом ассоциаций по сходству, смежности и контрасту. Такой подход позволяет соотносить разные виды окказиональных слов не только с метафорой или сравнением, но и с метонимией, оксюмороном, иронией и т. п.

Тропеическая образность наиболее полно обнаруживается в окказионализмах, образованных в результате ретимологизации и контаминации. Новообразования данного типа характерны как для речи детей, так и для речи взрослых. Тропеическая образность не чужда и окказиональным дериватам, созданным посредством аффиксации, основосложения, аббревиации. Например, таковыми являются слова, в которых корневая морфема семантически не вписывается в понятийную сферу, к которой принадлежит словообразовательная база узуального коррелята (ср.: *нож* – *ножixa* – *ножонок*). Чётко отграничить окказионализмы-тропы от окказионализмов-нетропов не всегда возможно. Для этого нужно учитывать особенности личности создателя окказионализмов, возрастной фактор, особенности речевой ситуации. Так, например, окказионализмы, создаваемые детьми, взрослым могут показаться экспрессивно-образными, в то время как дети этого не осознают.

Признание за окказионализмами тропеических качеств делает актуальным исследование данных единиц именно с этой точки зрения, причём не только в словотворчестве поэтов, но и в словотворчестве лиц, не имеющих прямого отношения к поэзии, включая детей.

Выводы

1. Лексический окказионализм определяется по совокупности признаков, главными из которых являются такие, как принадлежность к речи, номинативная факультативность (с точки зрения языка), своеобразие морфемной структуры. Обосновывается положение об окказионализме как производном слове, которое характеризуется коннотацией необычности, искусственности, обусловленной выходящим за рамки норм словопроизводства и словоупотребления сочетанием морфем. Признаки индивидуального авторства, функциональной одноразовости и синхронно-диахронной диффузности рассматриваются в качестве необлигаторных.

2. Окказиональные слова включаются в систему «окказиональное – узуальное», в то время как для неологизмов актуальна оппозиция «новое (пассивный словарный запас) – неновое (активный словарный запас)». Однако квалификация слова как окказионального не исключает его из параметров «новое – неновое». Такие слова способны входить в активный словарный запас, хотя в силу ряда причин их возможности в этом плане ограничены.

3. Выделение в группе окказионализмов особого подряда потенциальных слов не имеет достаточных оснований, поскольку факторы, predisposing вхождение окказионального слова в узус, весьма различны и соответствие окказионализмов регулярным словообразова-

тельным типам в этом плане не может считаться определяющим условием вхождения в узус по сравнению с другими факторами, например, экстралингвистическими.

4. Окказионализмы, равно как и узуальные (канонические) слова, способны выполнять как номинативные, так и экспрессивные функции. Новообразования номинативного характера создаются говорящими (главным образом, детьми) для заполнения ниш в их тезаурусе и лексиконе. Экспрессивные окказионализмы являются результатом намеренной языковой игры. Экспрессия подобных дериватов может сочетаться с эмоциональностью, оценочностью и образностью.

5. Окказионализмы с установкой на словесную игру обнаруживают более или менее явно выраженные признаки тропов, что подтверждается наличием у них качества семантической двуплановости как результата контрастности смыслов их составляющих (в данном случае – морфем). Это позволяет причислять окказионализмы данного типа к разряду тропов особого, морфемно-словообразовательного уровня.

МГПУ им. И.П.Шамшурова

ГЛАВА 2

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

2.1 Аспекты и направления исследований по детскому окказиональному словотворчеству

Исследование окказионального словотворчества детей рассматривается в контексте более широкой проблемы – изучения специфичности данного процесса в целом, как в речи детей, так и в речи разных категорий взрослого населения. В настоящем исследовании мы исходим из того, что окказиональное словотворчество представляет процесс, который, начинаясь в детской речи, продолжается в речи взрослых и, несмотря на возрастающее усложнение, является единым и цельным, имеет системный характер и составляет неотъемлемую часть функционирования человеческой речи в целом.

Интерес к окказиональному словотворчеству детей начал проявляться с конца XIX – начала XX века [1], [24], [38], [58], [114], [171]. Первым значительным трудом по проблемам детского окказионального словопроизводства стала монография К. И. Чуковского «Маленькие дети», изданная в 1928 г. и впоследствии получившая распространение под заглавием «От двух до пяти» [231], которая вызвала большой резонанс и показала сложный характер процессов окказионального словотворчества и качественное многообразие создаваемых на его основе лексических единиц. В настоящее время окказиональное словотворчество детей исследуется в следующих направлениях: психолингвистическом (А. А. Залевская [71], А. В. Запорожец [73], Т. Н. Ушакова [207], [208], А. М. Шахнарович [237], Н. Х. Швачкин [238], Д. Б. Эльконин [241], Н. М. Юрьева [243] и др.), лингвометодическом (Ф. А. Сохин [190], А. Г. Тамбовцева (Арушанова) [8], О. С. Ушакова [206] и др.) и деривационно-словообразовательном (А. Н. Гвоздев [42], Т. А. Гридина [51], [51], [53], [54], С. Н. Цейтлин [222], [223], [224], В. К. Харченко [159] и др.). Авторы исследований по детскому окказиональному словотворчеству рассматривают данный процесс преимущественно как период «проб и ошибок», начальный этап овладения общелитературными нормами. Однако детское словотворчество может изучаться и в другом аспекте – не как период развития языковой способности, предшествующий становлению правильной, исключаяющей всякое отклонение от норм речи, а как начало единого окказионального деривационного процесса, продолжающегося в разных сферах речи взрослых.

При рассмотрении детской речи мы принимаем во внимание общепринятый подход к периодизации речевого развития, основы которой изложены в работе А. К. Марковой. Этот автор с опорой на исследования Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии и др. выделяет следующие периоды детского возраста: 1) младенческий (до 1 года), 2) преддошкольный (1–3 года), дошкольный (от 3 до 6–7 лет), 4) школьный возраст (7–17 лет) [129]. Показательно, что такие же границы между возрастными периодами приняты и в работе известного психолога Д. Б. Эльконина, который период школьного детства подразделяет на младший школьный (7–11 лет), подростковый (11–14 лет) и юношеский (14–17 лет) возраст [33, с. 38–40]. В настоящем исследовании принимается во внимание то, что к концу подросткового периода у ребёнка завершается процесс становления грамматического строя с последующей стабилизацией всех правил и форм, о чём свидетельствуют результаты исследований М. Р. Львова [127, с. 204–205]. Таким образом, к концу данного периода речь ребёнка максимально приближена к речи взрослого человека, что даёт основание ограничить исследование детской речи возрастом 14 лет.

При исследовании окказиональных деривационных процессов в детской речи мы принимаем во внимание имеющиеся данные об уровнях овладения детьми разных возрастов лексикой языка с учётом её распределения по частям речи. Согласно имеющимся по данной проблеме исследованиям (Р. И. Водейко, Е. А. Аркин, В. Штерн и др.), словарь ребёнка двухлетнего возраста насчитывает 300–400 лексических единиц [65, с. 59], [42]. При этом в процентном соотношении преобладают имена существительные, составляющие приблизительно 63 % от общего количества слов, глаголы занимают второе место (23 %) [87, с. 85]. Слова-признаки присутствуют в речи детей, однако не характеризуются особым многообразием и широкой представленностью (20 единиц к двухлетнему возрасту, по данным Р. И. Водейко) [65, с. 46]. С каждым годом словарь заметно пополняется за счёт новых слов (ср.: у ребёнка 3 лет – 100–1000 слов, у ребёнка 4–5 лет – 1000–4000 слов). К началу школьного периода ребёнок владеет от 3000 до 7000, а иногда и большим количеством лексических единиц [127, с. 210].

Распределение слов дошкольного словаря с точки зрения лексико-тематической отнесённости показывает, что наиболее часто используемые детьми слова представляют собой наименования людей, животных, материальных предметов (преимущественно бытового характера), продуктов питания, природных явлений, повседневных действий, внешне выраженных (различаемых по форме, размеру, цвету, тактильным ощущениям) и внутренних качеств. Все слова, как правило, характеризуются конкретной семантикой и связью с реалиями [127, с. 211]. Расширение круга интересов и направлений деятельности способствует постепенному

обогащению лексикона. По данным М. М. Алексеевой и Б. И Яшиной, дети 5–7 лет владеют бытовым словарём на уровне разговорного языка взрослых. При этом довольно активно употребляются слова с абстрактной семантикой (ср.: горе, радость) [4, с. 143].

В школьном возрасте наблюдается заметное обогащение детского словаря, что обусловлено основной деятельностью детей, ориентированной на учёбу. По данным разных исследователей (Н. А. Лисенкова, М. Р. Львов, Г. В. Пархоменко и др.), словарь учащихся начальных классов ежедневно пополняется на 4–6 слов и к 10 годам (т. е. к окончанию начальной школы) составляет в среднем 10000 лексических единиц. В средних классах в связи с появлением новых школьных предметов словарь ребёнка пополняется ещё быстрее (6–8 слов в день) и к 13–14 годам составляет до 25000 слов [127, с. 210]. Наряду с количественными, в словаре школьников происходят и качественные изменения. Отмечается движение от конкретного к обобщённому и абстрактному. Так, например, к 6–7 годам появляются слова, обозначающие технику, механизмы, виды производства и др. К 14 годам наблюдается частое использование лексических единиц с абстрактной семантикой [127, с. 213–214].

При анализе окказиональных деривационных процессов в детской речи принимаются во внимание также данные специалистов о тенденциях, которые имеют глобальный характер и находят проявление в сфере разных способов словообразования. Как отмечают Ш. Бутон [19], Ф. А. Сохин [186], Т. Н. Ушакова [207], Е. Clark [253], модели, по которым строятся детские окказионализмы, имеют характер генерализованных и формируются в результате аналитических и синтетических мыслительных операций, направленных на вычленение определённых сегментов, в частности морфем, и переноса их из одного контекста в другой на основе механизма аналогии. Такие выводы соотносятся с отмеченным А. А. Леонтьевым периодом формирования парадигматической грамматики, который, по мнению учёного, начинается с двухлетнего возраста [116, с. 103], [115, с. 180]. Ученые выделяют три стадии в развитии сверхмодели: установление и генерализация стереотипа, его замещение новым, их последующая дифференциация [221, с. 32].

Рассматривая окказиональные слова широко, как единицы, которые могут выполнять разные функции (номинативные, экспрессивные, включая экспрессивно-образные), считаем целесообразным обратиться к данным специалистов о формировании у детей способности к пониманию образных средств речи, которая перерастает в способность к созданию собственных аналогов. По данным А. М. Шахнаровича и Н. М. Юрьевой, способность к образному осмыслению метафорических словоупотреблений развивается у детей в 4–5 лет [237, с. 118]. Примерно в этот же период начинают создаваться и собственные метафоры, основанные, как правило,

на переосмыслении формы, функции, структуры, цвета объектов (О. В. Шабалина, М. Б. Елисеева) [65, с. 66], [233, с. 10]. Материалы нашего исследования показывают, что одновременно с метафорами появляются и первые окказионализмы, обнаруживающие качества тропеической образности: *Это потому/ что осень и грустно/ поэтому/ грустника!* (5 л.); *На улице сегодня просто крокодильские морозы!* (≈ 6 л.) (т. е. которые «кусаются»).

Подобного рода языковая игра достаточно активно продолжается и в дальнейшем, характеризуя речь школьников: *Если у нас подмышки/ то у мышей должны быть подчеловечки!* (10 л. 5 м.) и т. д. В данном случае обнаруживается как реэтимологизация, так и создание тропеической пары (человек – мышь) и игра фантазии, ведущая к своеобразному олицетворению мыши: она якобы имеет руки и подмышки. Здесь можно обнаружить и такой универсальный признак троповости, как тенденция к «перевёртыванию», когда второй элемент становится зеркальным отражением первого. Все подобные примеры можно охарактеризовать как образно-тропеические.

Переходя к рассмотрению окказиональных деривационных процессов в детской речи, отметим, что материалы для исследования были получены в процессе личного общения с детьми дошкольного и школьного возраста, бесед с родителями и педагогами детских дошкольных учреждений и школ, а также на материале Интернет-форумов, посвящённых вопросам речевого развития детей и особенностям их воспитания в целом (<http://det.org.ru>; <https://deti.mail.ru> и др.)

2.2 Процессы окказионального словотворчества в речи детей

Приступая к практической части нашего исследования, обозначим принцип группировки лексического материала. В основу классификации окказиональных слов нами положена общепринятая типология словообразовательных дериватов в их соотносённости со способами словообразования, а в рамках конкретных способов – со словообразовательными типами и моделями. В исследованиях по окказиональному словотворчеству все способы окказиональной деривации принято разделять на две группы, в одну из которых включаются способы образования как окказиональных слов, так и узуальных, а в другую – способы, характерные только для окказионального словопроизводства [75, с. 191–198], [112, с. 75], [139, с. 125], [125, с. 76–77], [194, с. 138]. В настоящей монографии к числу таких способов мы относим контаминацию в разных её проявлениях и реэтимологизацию, под которой

понимаем процесс, по-новому представляющий отношения словообразовательной производности, в результате чего слово фонетически изменяется в сторону сближения с мотивирующим, однако при этом понятийное тождество окказионализма с его узуальным коррелятом сохраняется [25, с. 46]. Примеры деаффиксации считаем целесообразным рассматривать в разделах, посвящённых аффиксации, принимая во внимание, что эти процессы являются взаимосвязанными и дополняющими друг друга.

Своеобразие процессов детского окказионального словотворчества определяется особенностями мышления детей, связанного с определённым возрастом, степенью сформированности их понятийного аппарата, направленностью познавательной деятельности, определяющей наличие ключевых аналоговых структур и т. д. Всё это находит отражение в выборе тех или иных способов и моделей деривации. Проведённое исследование показало, что в процентном отношении абсолютно преобладают аффиксальные производные. Далее следуют контаминированные и реэтимологизированные дериваты, окказиональные композиты, аббревиатуры и усечения (рисунок 2.1).

Рисунок 2.1. — Процентное соотношение способов окказиональной деривации в речи детей

2.2.1 Аффиксация и деаффиксация в детском окказиональном словотворчестве

2.2.1.1 Субстантивная деривация

Субстантивы, мотивированные субстантивами

Окказиональные имена существительные появляются в речи ребёнка довольно рано и составляют значительную часть от общего количества окказиональных новообразований (А. Н. Гвоздев, С. Н. Цейтлин, Н. М. Юрьева, Е. Clark, Е. Konieczna и др.) [225, с. 170], [243, с. 173], [251, с. 56]. Наше исследование также подтверждает факт преобладания субстантивных дериватов в речи детей (59 %). В качестве мотивирующей базы лексических новообразований выступают, как правило, субстантивные (51 %) и глагольные (42 %) основы, реже – основы прилагательных (7 %).

Сфера внутрисубстантивной деривации в большей степени определяется тенденцией к парности по полярному типу, находящей своё выражение в образовании пар семантически контрастирующих слов. Доказательством тому являются окказионализмы со значениями детскости и взрослости, принадлежности к мужскому или женскому полу, с общим значением противоположности.

Деминутивы появляются в речи детей довольно рано и на начальном этапе доминируют в сравнении с другими производными (С. Н. Цейтлин, Д. Б. Эльконин и др.). В данном случае образцом для подражания служит речь взрослых по отношению к ребёнку, что последний активно перенимает, образуя свои собственные слова: *Ой/ сколько народу прибежало! Один большой народ и одна маленькая народка//* (о себе и об отце) (2 г. 9 м.); *У коровы/ вымя// А у меня/ ещё маленькие вымки//* (3 г.).

Большую группу дериватов со значением уменьшительности составляют производные имена существительные, выражающие значение детскости, где в качестве словообразовательного форманта во многих случаях выступает суффикс *-онок* (62 случая, из которых 38 приходятся на дошкольный период): *Папа/ мой супруг/ я папе/ супруга// – Я тогда вам кто? Супрёнок?* (3 г.); *Мама/ макака// братик/ мартышка// папа/ горилла// а я горчённок//* (3 г. 7 м.); *У кошки/ котята// у слона/ слонята// у мышки/ мышата// – А у воблы/ воблята//* (4 г.). При этом значение детскости коррелирует в сознании ребёнка с уменьшительно-ласкательным значением [222, с. 257]. Доказательством тому служат многочисленные факты образования окказионализмов посредством форманта *-онок* от основ неодоушевлённых имён существительных самой разнообразной

семантической принадлежности: *Дед/ там был такой хорошенький тракторёнок!* (5 л.); *Какой интересный мультёнок!* (3 г. 6 м.); *Это мой сочонок//* (ласково о соке) (3 г. 6 м.); *Я помыла свой значонок//* (3 г. 10 м.) и т. д. Однако в ряде случаев нами отмечены факты осознанного олицетворения неодушевлённых объектов: *Жили-были танк и тантёнок//* (2 г. 5 м.); *Если из рыбиной икры вылупляются маленькие рыбки/ то из кабачковой должны вылупиться маленькие кабачата//* (4 г.); *На столе большой арбуз/ а на грядке маленькие арбузята/ Это их мама//* (4 г. 4 м.). Производящая база может расширяться и за счёт слов другой частеречной отнесённости, например, к категории числительных: *А что же/ я так и проживу всю жизнь маленьким однёнком?* (3 г. 5 м.).

Данная генерализованная модель проявляет определённую продуктивность и в речи детей школьного возраста: *Был шар/ соулся и стал шарёнком//* (7 л. 8 м.); *У детей должен быть свой Бог// Славный/ добрый Богинёнок//* (8 л.); *Это гриб/ а рядом/ грибочонок//* (9 л.); *Посмотри/ велосипед и велосипедёнок//* (10 л. 3 м.); а также *апельсинёнок* (6 л. 4 м.) (пример В. К. Харченко), *ракушонок* (10 л. 1 м.) (пример В. К. Харченко) [218, с. 20, с. 451].

Наряду с деминутивами в детском словотворчестве активно образуются окказиональные слова со значением увеличительности, в котором довольно часто актуализируется сема взрослости. Как показывает наше исследование, подобные дериваты создаются в большинстве случаев посредством обратной деривации, когда от производящей основы отделяется часть, выражающая, по мнению ребёнка, значение уменьшительности: *Это мизинчик/ а это/ большой мизин//* (2 г. 5 м.); *Вот это/ маленький суслик/ а это/ большой сусёл//* (3 г.); *Я/ маленький Чебурашка/ а Артур/ большой Чебуран//* (3 г.); *Мама/ это воробушек-сынок/ а папа/ это вороб/ потому что у него шея толстая//* (6 л.). Выше отмеченный способ образования окказионализмов представляет одну из наиболее характерных особенностей словотворчества детей дошкольного возраста, отражая специфику их восприятия.

Значение увеличительности также может выражаться посредством форманта *-ищ-*, который прибавляется к основам одушевлённых и неодушевлённых имён существительных: *Если у чудовища светлые волосы/ то оно блондинище//* (4 г.); *Я злой червякище!* (7 л.); *Какой большой гранат! Это не гранат/ а гранатище// Просто бомба!* (8 л.) и т. д. Подобные новообразования характерны для речи детей в целом. Как видно из приведённых примеров, указанный суффикс способен развивать коннотативное значение, выражающее нечто негативное и пугающее.

В детском словотворчестве немалый интерес представляет образование имён существительных, которые имеют значения женского пола и, соответственно, мужского. В ходе проведённого исследования нами установлено, что окказионализмы со значением женскости активно

производятся детьми всех возрастов и мотивируются субстантивными основами, обозначающими лиц (в том числе сказочных персонажей) и животных (в том числе и насекомых) (-ушк-, -к-, -их-, -иц-, -ниц-) (57 окказионализмов): *Мама/ а как зовут жену колобка? Колобушка/ а их детей/ Колобчата//* (3 г.); *Он/ негр/ она/ негорка//* (3 г.); А: *Это кто?* – Б: *Петух!* – А: *А это?* – Б: *Это его петучиха и петучата//* (3 г. 5 м.); *Жена кота/ котиха// А это их котёнок//* (4 г. 6 м.); *Что-то слишком много беременных комарих понаехало в этом году сюда отдыхать!* (6 л.); *Давай поиграем/ я буду твой сыночек/ бычонок/ а ты/ моя мама/ бычица/ я твой котёнок/ а ты/ котица/ я козлёнок/ ты/ козлица//* (3 г.); *Смотрите/ там и папа/ носорог/ и сыночек/ носорог/ и мама/ носорожица!* (4 г.); А: *Или/ может/ хочешь с Петром сфотографироваться?* – Б: *Нет/ не хочу/ он очень большой/ а вот с Петрицей я бы сфотографировалась//* (5 л.); *Это девочка/ значит она коница//* (о лошади) (6 л.); *Сегодня в столовой я торговался с поварицей//* (10 л. 10 м.); *Посмотри/ моряк и его морячица//* (6 л.), *Папа/ ты рыбак/ а я рыбачница//* (12 л.) и др. Интересную особенность окказионального словотворчества детей дошкольного возраста представляют случаи выражения значения женскости посредством флексии $-a^2$, которая прибавляется к субстантивной основе, обозначающей лицо мужского пола: *Ты будешь трубадур/ а я/ трубадура//* (4 г.); А: *Что здесь за хулиган такой?* – Б: *Я не хулиган// Я хулигана//* (3 г.); *Мама/ носорога/ а малыш/ носорожек//* (4 г.).

Окказиональные новообразования со значением принадлежности к мужскому полу характеризуют, как правило, речь детей дошкольного возраста и образуются двумя способами. В первом случае в качестве словообразовательных формантов выступают разнообразные суффиксы, имеющие в нормативном языке несколько иную семантику (-ник, -ец, -чик): *Ты/ бабушка/ корова/ я телёнок/ а деда/ коровник//* (4 г.); *А муж кикиморы/ кикиморник?* (4 г.); *Дворняжка/ это девочка/ а мальчик/ наверное/ дворняжник//* (5 л. 2 м.); *Вот скажи мне/ если мама/ чайка/ то кто же тогда папа? Чайник/ что ли?* (6 л.); *У голубки есть муж голубец//* (4 г. 3 м.); *Ишь/ какой мадамчик нашёлся//* (6 л.) и т. д. В нормативном языке форманты -ник и -ец называют лицо в его отнесенности к тому, что выражено мотивирующей основой. Сема принадлежности к мужскому полу в данном случае является сопутствующей (ср.: *печник, армеец*). В детском словотворчестве мы наблюдаем нейтрализацию нерелевантной, с точки зрения ребёнка, семы и актуализацию той семы, которая необходима для данного случая. В. К. Харченко зафиксировала такие

²⁾ Такое объяснение мы находим в книге «Современный русский литературный язык» (Современный русский литературный язык : учеб. пособие / Н. М. Шанский [и др.] ; под ред. Н. М. Шанского. – 2-е изд., перераб. – Л. : Просвещение, Ленингр. отд-ние, 1988. – С. 184).

производные, как *лисюк* (3 г.) (от *лиса*), *пчелун* (3 г.) (от *пчела*), *мышух* (7 л.) (от *мышь*), [218, с. 254, с. 438, с. 292]. Вторую группу окказиональных имён существительных составляют новообразования, созданные способом отделения флексии *-а*: *Жили-были старух со старухой*// (2 г. 4 м.) *Мама/ ты моя девица и бабушка моя девица*// *А папа/ мой девиц*// (3 г.); *Нет/ папа не добрая душа/ он/ добрый душ*// (3 г. 5 м.); *Мы три Бабки Ёжки*// *Нет/ мы/ Бабки Ёжки/ а дед/ Ёг!* (3 г. 5 м.); *Мама/ синичка*// *А папа кто? Синичк?* (3 г. 10 м.); А: *Мама/ ты бегаешь как кто?* – Б: *Как антилопа*// – А: *А я тогда как антилон*// (5 л.); *Бык/ это такой коров*// (7 л.).

Следует указать на тот факт, что понятия взрослости – невзрослости, женского пола – мужского пола на начальном этапе усваиваются детьми, как правило, сквозь призму семейных отношений, в которые они сами вовлечены. Объединяя объекты в семью, ребёнок тем самым создаёт соответствующие номинативные единицы: *Это папа-снеговик/ это мама-снеговик/ а это их детёныш/ снеговёныш*// (2 г. 5 м.). Ср.: *А как же солдатики поймут рыбку? Ведь у них только ружья*// *Нет*// *Лучше я попрошу подъёмный кран*// *У них есть крючки*// *И к далёкому синему морю пойдут два крана/ папа-кран/ мама-краниха и маленький кранёнок*// (м/ф; повествование идёт от лица ребёнка). При этом нами выявлены случаи, когда дети проецируют вымышленные ситуации и на свою семью: *Папа/ медведь/ Андрюша/ мишутка/ мама/ мишица*// (3 г.); *Мама у меня ласточка/ папа/ ласт/ а я/ ластик*// (4 г. 5 м.) и т. д.

В области внутрисубстантивной деривации также отмечается склонность детей к образованию окказионализмов со значением лица, связанного с тем, что названо производящей основой (*-ист*, *-ор* / *-ёр*, *-ец*, *-щиц*-, *-щик* / *-чик* и др.). Из 229 окказионализмов данной семантической группы 93 деривата выступают в качестве обозначений лица по его роду деятельности. Агентивы со значением отношения к трудовой деятельности показательны, как правило, для словотворчества дошкольников, хотя единичные примеры фиксируются и в речи детей школьного возраста: *Мама/ я знаю! Того/ кто водит машинку такси/ называют машинистом/ а того/ кто водит паровоз/ паровозистом*// (3 г.); А: *Кем ты будешь/ когда вырастешь?* – Б: *Шоферистом или таксёром*// (3 г. 5 м.); *Поезд водит поездёр*// (≈ 5 л.); *Я милиционер/ у меня есть тюрьма*// *Я/ тюрьмец*// (3 г. 6 м.); *Мам/ я решил стать самолётчиком/ буду летать с космоса на космос*// (6 л.); *Ну/ а корову доит у нас коровщица*// (9 л.) и т. д.

Агентивы, не имеющие профессиональной отнесённости, характеризуют человека по отношению к месту пребывания, определённому занятию и др. (*-ист*, *-ор* / *-ёр*, *-щик* / *-чик*, *-ник*): А: *Егор/ ты уже/ наверное/ в школу ходишь?* – Б: *Нет/ я ещё садист*// (2 г.); А: *Лида/ а как называются люди/ которые на лошадах скачут?* – Б: *Лошадисты!* (4 г. 4 м.); *Мама/ а человек/ который умеет делать шпагат/ это кто? Шпагатёр?* (5 л.); *Я знаю/ как их зовут*// *Этот*

ворóтник/ он ворота защищает/ а это гольщик// (5 л.); А: *Серёжа/ поздравляю тебя! Ты теперь первоклассник//* – Б: *Нет/ первоклассником я буду завтра/ а сейчас я еще линейчник//* (6 л.) и т. д. При этом некоторые новообразования дошкольников с трудом поддаются объяснению по причине их структурной и семантической диффузности (ср.: *колгонист* (3 г.) – в значении ‘тот, кто носит колготки’).

Среди подобных новообразований можно выделить небольшую группу отыменных окказионализмов с формантом *-ник*, называющих лицо, которое имеет пристрастие к тому, что выражено мотивирующим словом: А: *Ты что/ мамсик?* – Б: *И мамсик/ и папсик/ и немножко бабусьник!* (4 г.); а также *колбасник, крабник* (два последних примера С. Н. Цейтлин) [226 с. 175] и др.

В сфере префиксальной деривации следует отметить значимую роль форманта *не-*, который может как присоединяться к мотивирующей основе, так и отделяться от неё. Дериваты передают значение противоположности тому, что выражено производящей основой. В качестве ведущего мотива в данном случае выступает то же стремление ребёнка к отрицанию: *ряха* (от *неряха*) (4 г.), *вежа* (от *невежа*) (4 г. 5 м.), *некрасавица* (7 л.), *булочка с неповидлом* (8 л.). Первые два примера иллюстрируют описанную К. Чуковским способность детей к воссозданию первоначальных словообразовательных отношений, которые затемнились в современном языке, однако ещё сохраняются в некоторых местных диалектах [231, с. 65–66]. Подобное явление наблюдается также и в области образования слов другой частеречной отнесённости, что далее будет продемонстрировано. В речи младших дошкольников нами зафиксированы случаи, когда отделению подвергается так называемый «лжепрефикс», который, являясь фонетическим аналогом имеющегося в нормативном языке префикса, составляет часть корня производящей основы: А: *Папа/ нефтяник//* – Б: *Нет/ фтяник//* (≈ 3 г.).

По мере взросления ребёнка в его речи отмечается использование форманта *супер-*: *Я суперрубитель!* (6 л. 5 м.); *Скорее садись на место пилота и соверши увлекательный суперполёт!* (12 л.); *Посмотри/ у меня получился суперпельмень!* (13 л. 5 м.); *Кирюша/ это настоящая суперлопатка//* (13 л. 6 м.). Ближе к подростковому возрасту появляются новообразования с аффиксоидами: *Врач сказал/ что мне нельзя много есть/ а то у меня будет едомания!* (10 л. 5 м.); *Это мой мегахомяк!* (11 л. 4 м.) и др.

Субстантивы, мотивированные глаголами

Склонность детей к образованию отглагольных субстантивов отмечается в работах многих исследователей (Н. И. Лепская, С. Н. Цейтлин,

Н. М. Юрьева и др.) и объясняется достаточно простой двусоставной синтаксической структурой, выступающей в качестве мотивирующей основы [223, с. 22], [243, с. 148]. Результаты нашего исследования показали, что отглагольные субстантивы составляют 42 % от общего количества произведённых детьми имён существительных.

К одной из наиболее многочисленных групп относятся окказиональные агентивы (49 % от общего количества отглагольных субстантивов), при этом большая их часть имеет профессиональную отнесённость, что продолжает тенденцию внутрисубстантивной деривации. В качестве словообразовательных формантов выступают суффиксы *-тель* и *-льщик*: *Я строитель// – А я рубитель//* (4 г.); *Папа/ ты что/ мытель?* (4 г.); *Мама/ я лечитель//* (4 г. 5 м.); *Магазины ночью закрыты/ потому что продавальщики ушли спать//* (3 г.); *Посмотри/ сколько торговальщиков понаехало!* (5 л.) и др. Подобные дериваты образуются детьми и более старшего возраста, однако их количество невелико: *Он был пилотом... самолётчиком... ой/ летальщиком// Ну/ как его? лётчиком//* (11 л. 8 м.); *Он/ наверное/ работает... стучит по колёсам// Стучальщиком// Нет/ стукачом//* (12 л.). Из данного примера видно, что говорящие создают новые слова в поисках необходимой номинативной единицы, осознавая новизну своих новообразований. В качестве производящей основы часто выступают глаголы со значением трудовой деятельности, предполагающей физическое воздействие на объект.

Следует отметить, что ряд суффиксов употребляется детьми в нетипичном для них значении. Это характерно, как правило, для речи детей дошкольного возраста: *Мама/ а мы к шилице идём?* (3 г.) (ср.: модник – модница); А: *Кем хочешь стать/ когда вырастешь?* – Б: *Стиральником//* (3 г. 10 м.); *Папа/ ты играющий победильник!* (3 г. 11 м.) (ср.: напильник, кипятивильник); А: *Кто шьёт одежду?* – Б: *Шьюха!* (5 л.) (ср.: большуха).

Наряду с окказионализмами, имеющими профессиональную отнесённость, в детской речи отмечается активная тенденция к использованию новых слов в качестве характеризующих средств (*-х-*, *-льщик-*, *-тель*, *-к-*, *-лк-*, *-ак-* / *-як-*, *-льщик*): *Мешахи всегда мешают/ а немешахи не мешают//* (3 г. 6 м.); *Мам/ гляди/ это девочка-падальщица* (4 г.); *Забыватель забывает свой тапок//* (4 г. 4 м.); *Я пугалка/ я вас напугаю!* (5 л. 4 м.); *Ты/ мама/ перепутка и непомнилка//* (4 г. 6 м.); *Ты/ Влад/ сидяк/ а я/ вертяк//* (4 г. 8 м.); *Найдите себе другого купильщика//* (12 л.); *Ты возильщик теперь/ а я катальщик//* (13 л. 4 м.) и др. Подобные новообразования нередко выступают в качестве «обзывалок»: А: *Яра/ это моя коляска//* – Б: *Кричалка//* – А: *Сама кричалка//* (5 л. 4 м.); *Мама/ ты забывалка//* (5 л. 6 м.); *Хватит ты спрашивала/ спрашивалка//* (10 л.). В качестве мотивирующих основ выступают

глаголы разнообразной тематической отнесённости: глаголы умственной деятельности, глаголы движения и т. д.

Отмечается универсальная тенденция к образованию отглагольных окказионализмов со значением орудийности (34 % от общего количества отглагольных субстантивов). В качестве наиболее продуктивного форманта выступает суффикс *-лк-*: *Эта машина/ фонарильная чинилка//* (4 г. 3 м.); *Бабушка/ это процеживалка?* (5 л.); *Закудри меня на кудрилку// А теперь раскудривай//* (6 л.); *Где эта/ как её/ чистилка... для обуви?* (о губке для обуви) (11 л.); *Дай щёлкалку// Ну для грецких орехов* (11 л.); *Ну/ где эта протыкалка?* (11 л. 3 м.) и др. Ср.: *Я нашёл сегодня палку, / Не простую палку, / А сражалку, и скакалку, / И гусей гонялку...* (Усачёв). Нами зафиксированы случаи употребления и других словообразовательных единиц (*-к-*, *-тель*, *-льщик* и др.): *Нужно взять яйца/ муку/ сахар и одну щепотку соли// Берём перемешку и перемешиваем//* (3 г. 5 м.); *Мама, купи мне шитку// Ну/ как у тебя// Одежду шить// шитка//* (4 г. 5 м.); *Мама/ я нашёл удивитель//* (об увеличительном стекле) (4 г.); *Имм/ включи печатальщик//* (о принтере) (6 л.); *Мам/ я мечтаю получить на Новый Год не костюм человека паука/ а чтобы на этом считальнике был замеряльник//* (4 г. 5 м.) и др.

Среди окказиональных субстантивов, характеризующихся абстрактной семантикой, наиболее многочисленной является группа производных со значением отвлечённого действия, которые демонстрируют развитие способности детей к номинации действия посредством субстантива, т. е. происходит соотношение действия не с объектом как таковым, как в предыдущих случаях, а с категорией абстрактных понятий. В качестве одного из ранних и наиболее продуктивных выступает нулевой формант: *А: А что именно тебе очень нравится в детском саду? – Б: Легкий прыг!.. Ну/ это утренняя зарядка// Сначала упражнения делаем такие всякие разные/ а потом переходим на лёгкий бег/ а потом на лёгкий прыг//* (3 г. 5 м.); *У меня коль в ноге//* (3 г. 6 м.). Подобные окказионализмы с нулевым формантом демонстрируют хорошо описанную Т. Н. Ушаковой аналитическую тенденцию в словотворчестве дошкольников, частным случаем которой являются «слова-осколки» [207, с. 65]. Так называемые «слова-осколки» представляют собой результат сокращения мотивирующей основы до корневой морфемы. Кроме того, окказионализмы данного типа приближены к междометиям, активно используемым в речи взрослых, адресованной детям, например: *коль-коль*. Начиная с четырёхлетнего возраста, в речи детей нами зафиксированы случаи употребления и других словообразовательных формантов, например *-ниј-*: *Мама! Я хотела к бабушке подкрасться/ а ты испортила мне краньё!* (4 г. 1 м.); *Хорошо/ что нет кричания!* (4 г. 6 м.); *Мам/ почему он берёт без плачения? Без плачения же нельзя!* (т. е. без оплаты) (5 л.); *Не надо говорить без*

думания// (7 л.); *Мама/ а можно после пылесосивания я пойду на улицу*// (11 л. 7 м.) и др. Данная деривационная модель характеризуется высокой продуктивностью и регулярностью в нормативном языке, в том числе и речи, обращённой к ребёнку, что позволяет ему выработать необходимые обобщения.

Субстантивы, мотивированные адъективами

Отадъективное словообразование не характеризуется высокой активностью и регулярностью в детском словопроизводстве. По результатам нашего исследования, количество отадъективных субстантивов в процентном соотношении составляет 7 % от общего количества окказиональных имён существительных. К наиболее ранним, согласно полученным нами данным, относятся окказиональные новообразования с агентивной семантикой, называющие лицо по характерному для него признаку (внешнему либо внутреннему). В качестве дериваторов выступают самые разнообразные суффиксы (-ниц-, -ец, -овец, -овик, -ак / -як и др.): *Айнура молодец/ она не жадница*// (3 г.); А: *Бабушка/ ты такая молодец/ такой вкусный хлеб принесла!* – Б: *А если бы я не принесла/ то кто бы я была?! – А: Тогда бы ты была плоховец!* (4 г. 5 м.); *Я же говорю/ обоими удобно*// *Потому что я не левша и не правша/ а двухручный удобец!* (5 л.); *Мамочка/ я весь такой в чёрном*// *Еще бы галстук чёрный/ и я бы был черновик!* (5 л. 3 м.); *Ты глупая*// + *Это ты глупяк*// (5 л. 7 м.); *Арина/ ты полный тупяк*// (13 л. 6 м.). Следует отметить, что количество отадъективных окказионализмов явно уступает количеству подобных дериватов, мотивированных субстантивными и глагольными основами. Данная закономерность отражает тенденцию к характеристике субъекта по его отношению к определённому объекту либо по склонности к действию.

Постепенно дети развивают способность к называнию отвлечённого признака или качества, в результате чего в их речи появляются абстрактные отадъективные субстантивы. В большинстве случаев в качестве словообразовательных формантов выступают суффиксы -ость / -есть и -от-. Первые дериваты данного типа появляются ещё в дошкольном возрасте, как правило, по аналогии с конкретными узуальными и сохраняются в дальнейшем: *Мама/ а ты меня хлопаешь от радости или от плохости?* (2 г. 5 м.); А: *Это что/ у тебя так жадность проявляется?! – Б: Нет/ голодность!* (4 г.); *Как убрать сольность из супа?* (7 л.); *Папе за главность/ маме за крики*// (раздавая медали) (8 л.); *Как убрать эту грязность?* (10 л.); *Он [самолёт – И. К.] сначала развивает быстроту/ а потом медленноту*// (5 л.); *Вкуснота и сладкота*// (6 л.); *Убери эту яркоту*// (о включённом свете) (6 л.). Из приведённых примеров видно, что в качестве производящих основ

выступают качественные имена прилагательные, как правило, со значением внешних, параметральных, вкусовых признаков. Хотя отмечены случаи образования подобных окказионализмов от основ других частей речи, в частности субстантивных, что отражает актуальную для речи детей тенденцию к сверхгенерализации: *Для тебя радость/ для меня **силость!*** (4 г.); А: *Что происходит?* – Б: ***Овчарости** учусь//* (стоя на четвереньках с высунутым языком) (5 л.).

2.2.1.2 Глагольная деривация

Особый интерес детей к глаголам отмечен рядом исследователей (Н. И. Лепская, С. Н. Цейтлин, Н. М. Юрьева и др.), о чём уже упоминалось при рассмотрении отглагольных субстантивов. Данный факт привлекает внимание не только учёных, но и детских писателей. Так, К. И. Чуковский убеждён, что любовь к прилагательным присуща только книжным детям и детям, «созерцательно настроенным». По его мнению, активные дети строят всю свою жизнь на глаголах, что должно учитываться детскими писателями [231, с. 286]. Исследуемый нами материал позволяет сделать вывод о том, что глагол не только выступает в качестве производящей основы, он может стать результатом и конечным продуктом словотворчества. Окказиональные глагольные дериваты составляют 27 % от общего количества окказионализмов, создаваемых детьми как дошкольного, так и школьного возраста.

Глаголы, мотивированные глаголами

В детском окказиональном словотворчестве отмечается достаточно высокая активность в образовании глагольных дериватов, характеризующих действие в пространственном и временном аспектах, т. е. обозначающих различные направления и периоды процесса (96 глаголов из общей глагольной группы в 492 дериватах). В качестве словообразующих формантов выступают самые разнообразные префиксы, иногда сочетающиеся с постфиксом *-ся*. Дети активно познают положение объектов в пространстве, поэтому для них довольно актуальным становится выражение локативных характеристик действия (приближение, удаление, соединение, разъединение, направление внутрь и, соответственно, наружу и др.): *Папа утонул/ а потом **вытонул**//* (2 г. 9 м.); *А потом лиса **откралась**//* (3 г. 11 м.); *Мама/ дедушка сердится// Видишь/ он даже нос ко лбу **присердил!*** (4 г. 5 м.); *Вы меня так обняли/ что не **разобнимете!*** (5 л. 2 м.). Возможно также образование глаголов с темпоральными значениями начала либо окончания

действия: *Мне уже одеяло замешало*// (4 г. 3 м.); *Что-то она рисует только фиолетовым карандашом/ а красный цвет ей уже отонравился?* (5 л. 2 м.) и др.

Многие префиксальные дериваты отражают актуальную для детской речи тенденцию к семантической парности, когда осуществляется замена префикса узуального слова на семантически противоположный. В большинстве случаев окказиональные дериваты данного типа относятся к классу глаголов и характеризуют, как правило, словотворчество дошкольников, хотя отмечаются единичные примеры и в речи детей школьного возраста, в том числе и подросткового: *Я сначала подавился/ а потом выдавился*// (3 г.); *Раскипяти/ пожалуйста/ чай/ а то он горячий*// (3 г.); *Мама/ отвесь мне куртку*// (3 г. 4 м.); *Я превратилась в чудовище!.. Не бойтесь/ я уже развратилась!* (5 л.); *Как рассолить суп?* (13 л. 8 м.) и др. Подобные замены возможны также и в группе отглагольных субстантивов (*открытка – закрытка* (3 г.), *неслух – послух* (3 г. 6 м.), *притяжение – оттяжение* (11 л. 11 м.)).

Стремление детей к выражению семантической полярности также хорошо прослеживается при образовании глагольных дериватов со значением возвратности / невозвратности действия. В качестве словообразовательного элемента выступает постфикс *-ся*, который либо присоединяется к глагольной основе, либо отделяется от нее. С. Н. Цейтлин объясняет достаточно высокую продуктивность данного форманта в речи детей присущей ему семантической прозрачностью из-за финального положения [221, с. 153]. Однако нами уже было отмечено, что семантика оппозитивных коррелятов усваивается детьми гораздо лучше. Как правило, многие глаголы в нормативном языке составляют оппозиции по признаку возвратности / невозвратности (ср.: *купать – купаться, прятать – прятаться*) и др. Усвоив некоторые оппозиции нормативного языка, ребёнок начинает создавать свои корреляты: А: *Давай я тебя на диван отнесу*// – Б: *Я сам отнесусь!* (3 г.); *Помогите! Помогите! Я сама умею помогать*// (3 г. 6 м.); *Мама/ я пришёл прощаться*// (в значении 'просить прощение') (5 л.); *Мамочка/ тебе очень больно было меня вылуплять?* (4 г.); *Мама/ ты хулиганка// Ты меня споткнула*// (5 л.) и др. В речи детей школьного возраста подобные новообразования нами зафиксированы не были.

Нередко постфикс *-ся* в детском словотворчестве выполняет роль формального элемента, не меняющего значения мотивирующего слова. В качестве одной из причин данного явления выступает неосознанное стремление ребёнка к имитации. В качестве ключевого звена может выступать как некий лингвистический контекст, требующий создания деривата определённой структуры, так и конкретный структурно-семантический прототип, не зависимый от лингвистического контекста. Так, услышав в речи взрослых выражения типа *мне так хочется, мне так кажется* и др., ребёнок в аналогичном контексте также употребляет

возвратный глагол: *Мне так пахнет*// (4 г. 2 м.). В свою очередь, окказиональный глагол *доестся* в значении 'доест' (*Я уже доелся*// (4 г.)) коррелирует со своими структурно-семантическими аналогами (ср.: *наестся, напиться*). Кроме того, отмечается тенденция детей посредством постфикса *-ся* выражать действие, характеризующееся активностью протекания: *свет гаснет* (3 г.), *чай остыл* (3 г. 6 м.) и др.

Продуктивность детского словопроизводства проявляется также и в отношении дериватов со значением однократного действия, образованных посредством суффикса *-ну-* (зафиксировано 47 глаголов): *Бабушка меня хвальнула только что*// (4 г. 2 м.); *Я сейчас стройну ещё одну башню/ и мы пойдём* (5 л. 4 м.); а также *рисовнуть* (5 л. 6 м.), *раскатнуть* (6 л. 5 м.), *танцевнуть* (8 л.) и др.

В детской речи круг потенциально возможных производящих глаголов данного типа значительно расширяется: *Люблю на улице играть! Дома что? Сюда бегнёшь/ туда бегнёшь/ стена!* А на улице никакой ширины нету// (3 г. 5 м.); *Мечтаю о всякой ерунде/ сейчас ещё что-нибудь мечтану*// (4 г. 6 м.); *Пойду дрессирну кота*// (5 л.); *Кто это только что смейнулся?* (6 л.); А: *Давай/ рассказывай!* – Б: *Сейчас/ ещё раз читану*// (12 л. 8 м.); А: *Не пугай её на ночь!* – Б: *Я ещё раз её страшну*// (13 л. 3 м.).

Глаголы, мотивированные субстантивами

Детская речь изобилует отсубстантивными глаголами, которые составляют 66 % от общего количества глагольных дериватов. В данной группе нами зафиксированы 198 дериватов со значением орудийности, что составляет 61 % от общего количества окказионализмов рассматриваемой группы. Согласно нашим наблюдениям за словотворчеством детей, в качестве мотивирующих основ выступают имена существительные со значениями строительных инструментов, кухонных принадлежностей, игрушек и др. (*-и-(ть), -а-(ть)*): *Я хочу верёвочку оттопорить!* (2 г.); *Баба/ дай скалку!* Я буду помогать скалить// (3 г.); *Дай мне поюлить!* (от юла) (4 г. 5 м.); *Папа/ ты колёса нанасосил?* (5 л. 2 м.); *Дайте мне лопату/ пойду землю лопатать!* (2 г.); *Мамочка! Смотри/ я палкаю!* (2 г. 9 м.). Подобные дериваты создаются довольно активно и в школьном возрасте: *Кто там весело молоточит?* (7 л.); *Я сейчас попланишечу и лягу спать!* (10 л.); А: *Тебе вилку или ложку?* – Б: *Я буду и ложкать/ и вилокать/ а ещё ножить!* (11 л. 4 м.) и др. Активность образования дериватов данного типа объясняется, прежде всего, прозрачностью их структуры. Кроме того, семантическое отношение типа «предмет – действие посредством предмета» усваивается детьми в достаточно раннем возрасте, т. к. в его основе лежит физическое манипулирование каким-либо предметом,

т. е. акт лексической номинации следует из наглядно-практической деятельности ребёнка [243, с. 95].

Семантика орудийности также прослеживается в окказиональных глаголах со значением 'покрыть тем, что выражено мотивирующей основой': *Мама, вытри лужу! Я здесь **накомпотил***// (2 г. 7 м.); *Боже/ как ты **наволосила!*** (3 г. 8 м.); *Мама/ **напасти** мне щётку*// (5 л.); *Ну и весёлый же паук так всю ёлку **испаутинил!*** (о ёлке в сетчатом чехле) (6 л. 3 м.) и др.

Окказиональные глаголы со значением лица не характеризуются такой же продуктивностью, как выше описанная семантическая группа. Подобные дериваты образуются, как правило, от основ существительных со значением лица-представителя определённой профессии: *Бабушка купила швейную машину// Она даже сама будет на ней **швейть!*** (4 г.); *И вот дом **строителей*** (4 г. 2 м.); *Папа/ научи меня **водителить!*** (4 г. 4 м.) и др. Это позволяет сделать вывод, что отношение «действие – лицо» познаётся детьми активнее, чем отношение «лицо – действие».

В окказиональном словотворчестве дошкольников нами отмечена тенденция образования тавтологичных предикативных конструкций, где в качестве производящей базы выступает субстантив, выполняющий роль подлежащего. Образование подобных дериватов может быть сопряжено с фактами ложной этимологии: А: *Бычок **бычит***// – Б: *Нет/ сынок// Бычок мычит*// – А: *Нет/ мама/ **бычит!*** (2 г. 3 м.); *Вертолёт быстро **вертолётит***// (3 г.); *Пингвин **пингаёт***: «Пинг-пинг»! (3 г. 4 м.); *Орёл орёт/ осёл **осит**/ а дятел **дятит***// (3 г. 5 м.); *Мамочка/ смотри/ как неваляшка **невалирует!*** (3 г. 8 м.); *А метеорит как **метеоритнется** об землю!* (5 л.) и т. д. Подобные глагольные новообразования преимущественно заключают в себе указание на «голоса» животных. Разного рода тавтологичные конструкции характерны также и для поэтических текстов. В основе их образования усматривается аналогия по созвучию. Разного рода повторы способствуют ритмизации текста и достижению определённого такта. В случае же детского окказионального словотворчества важное значение имеет именно прозрачность мотивирующей синтаксической структуры.

В области отсубстантивной глагольной деривации велико количество окказиональных новообразований, не вписывающихся ни в один словообразовательный тип нормативного языка (20 % от общего количества отсубстантивных глаголов). Однако и в данном случае нами выделена определённая тенденция, согласно которой детские окказиональные глаголы трансформируются в глагольные словосочетания, где зависимое слово обозначает объект направленного на него действия и выступает в качестве мотивирующей основы окказионализма. Образование же данных глаголов осуществляется в обратном порядке, когда ребёнком нерелевантная для него глагольная сема замещается на субстантивную, несущую основную семантическую нагрузку (*за-* + *S* + *-и(-ть)*, *на-* + *S* +

-и-(ть) + -ся, за- + S + -и-(ть) + -ся и др.): А: *Мама/ это что?* – Б: *Молния//* – А: *А как её надо замолнить?* (ср.: застёгивать молнию) (2 г. 3 м.); *Мама, спасибо! Я наелась/ напилась, навитаминилась//* (ср.: наелась витаминов) (3 г.); *Мама, я уже закиндерилась!* (3 г.); *Мама/ меня петух напугал// Он так громко напетухал!* (3 г. 1 м.); *Мама/ это коробку надо срочно разбантить//* (4 г. 5 м.) (ср.: развязать бант); *Мамочка/ одуванчики такие красивые/ а их всех сгазонили//* (5 л.) (ср.: срезали с газона); *Вот как я насарафанилась! Ну/ прямо/ как чучело!* (5 л.) и т. д. Отсубстантивные глаголы сохраняются в речи детей и в дальнейшем, превращаясь постепенно в продукт осознанного словотворчества: *Мам/ ну и заглаголила ты меня!* (после проверки знания выученных глаголов) (8 л.); *Вот я сейчас накалькулячу!* (8 л.); А: *Съела?* – Б: *Сфиникачила//* (ср.: съела финики) (12–13 л.).

Глаголы, мотивированные адъективами

Окказиональные глаголы данного типа в детской речи, как и в нормативном языке, выражают значение наделения признаком (суффиксальные либо префиксально-суффиксальные дериваты) либо значение приобретения или проявления признака (как правило, суффиксально-постфиксальные дериваты). По результатам проведённого нами исследования количество отадъективных глаголов составляет 8 % от общего количества окказиональных глаголов: *Мне дождик все тапочки захлюпал и колготки намокрил!* (3 г.); *Затончи карандаш//* (3 г. 4 м.); *Инна/ Вам нужно огорячить горло с вареньеовой малиной!* (6 л.); *Папа/ ты колючишься//* (3 г. 5 м.); *Котёнок пушистится и махится!* (от махонький) (6 л.); *Мам/ посмотри/ кот любопытится на какую-то страшность//* (≈ 7 л.) и др.

Часть детских новообразований не опирается на стандартные деривационные модели, а образуется по моделям, отсутствующим в нормативном языке, т. е. окказиональным. В качестве дериваторов выступают разного рода сложные форманты (за- + -и-(ть) + -ся, на- + -и-(ть) + -ся и др.): *Что-то сегодня погода закурносилась!* (4 г. 5 м.) (о дождливой погоде); *Папа/ я уже намокрился!* (3 г.); *Мам/ смотри/ как тётя на лавочке распузатилась!* (о беременной женщине) (4 г.); *А у меня губа не убольшилась?* (6 л.) и др. С. Н. Цейтлин рассматривает данные модели как результат контаминации префиксальных, суффиксальных и постфиксальных моделей [222, с. 27]. Образованные детьми окказиональные глаголы в большинстве случаев обозначают внешние признаки, в то время как внутренние свойства характеризуются меньшей степенью выраженности.

2.2.1.3 Адъективная деривация

Адъективы, мотивированные адъективами

В данной области словопроизводства нами отмечены 16 случаев образования новых слов посредством префикса *не-*. Данные дериваты могут мотивироваться окказиональными основами, имеющими, как правило, отсубстантивную или отглагольную природу: А: *Мама/ а ты хрюкать умеешь?* – Б: *Нет/ не умею!* – А: *Ты что/ и народилась вот такая нехрюковая?* (2 г.); А: *Мам/ морковка какая-то негрызная совсем!* (4 г.); А: *Давай туда зайдём!* – Б: *Не хочу!* – А: *А почему ты у нас такая незаходчивая?* (5 л.); А: *Прочитай это предложение//* – Б: *Не могу// Тут все буквы несловатые!* (5 л.); А: *Тань/ отпусти котёнка// Он же плакать будет//* – Б: *Не бойся/ не будет/ этот самый неорливый!* (6 л.); а также примеры В. К. Харченко: *неубивательный* (6 л. 1 м.), *незамечливый* (6 л. 6 м.) *неестной* (10 л. 4 м.), *некатучий* (11 л.) и т. д. [218, с. 315–319]. Учитывая полярность детского мышления, можно утверждать о существовании в сознании детей биполярных оппозиций (по Н. С. Трубецкому): *хрюковый* – *нехрюковый*, *грызный* – *негрызный*, *словатые* (о буквах) – *несловатые* и т. д.

Отделение префикса *не-* (иногда «лжепрефикса») от адъективных основ также является характерным, как правило, для речи детей дошкольного возраста, как и в случае субстантивной деривации: *Этот автомобильчик такой несчастненький/ такой несчастный// А этот счастливый!* (2 г.); А: *Это чей танк?* – Б: *Немецкий//* – А: *Нет/ мецкий!* (3 г. 5 м.). Это явление находит отражение и в литературе для детей, где главные герои имитируют детскую речь: *Я – вредимый!* – *огрызнулся Волчонок.* – *Могу даже очень сильно навредить...* (Гуз.); *Может быть, я, у – это, ещё не очень совсем доразвитый...* (Касс.).

Адъективы, мотивированные субстантивами

Как показало наше исследование, к наиболее ранним относятся окказиональные адъективы со значением принадлежности (*-ск-*, *-ин-*, а также *-анин-*), которые появляются в речи детей в возрасте 2–3 лет. Это объясняется тем, что подобные дериваты обладают простой и понятной семантикой. Кроме того, выражение значения принадлежности является характерной особенностью для детей младшего дошкольного возраста. Приведём некоторые примеры производства окказионализмов указанного типа: *Жили-были семеро козляток// Раз козляток/ два козляток// И была у них козлятская мама//* (2 г. 9 м.); А: *А что это на небе круглое?* – Б: *Это*

луна// – А: *А где лунанина*³ *мама?* (3 г.); *Мы проехали крысин дом// Ну/ там где крысы живут// Я видела!* (4 г. 2 м.) и т. д. Окказиональный адъектив **лунанин** демонстрирует еще и склонность детей к олицетворению неживых объектов, что было уже отмечено в случае образования окказиональных имён существительных. Подобные новообразования мы наблюдаем и в литературе для детей: **пальмина тень** (Павл.), **пистолетикин папа** (Мих.), **буквины ноги** (Сах.) и др.

Наибольшее семантическое многообразие отмечается в области образования прилагательных, выражающих семантику подобия по форме, сходства по цвету, свойственности, наличия либо отсутствия какого-либо признака и т. д. (39 % от общего количества окказиональных адъективов). В качестве словообразовательных формантов выступают самые разнообразные суффиксы (-н-, -ин-, -ат- и др.): А: *Какой ты хочешь? Сердечком/ круглый/ как зайка?* – Б: **Нольный**// (о форме шарика) (3 г.); *Посмотрите/ у Артёма улитин нос!* (о форме носа) (4 г., 2 м.); *Мам/ смотри/ какая я поросятая!* (о себе в розовой одежде) (3 г.); *И ещё на ёлке видел Снегурочку// Она была такая косатая*// (4 г.); А: *Я женатый// А вот ты действительно холостой*// – Б: *Нет/ я тоже не холостой! Я сестратый!* (5 л.); *Мама/ я такая кудрятая*// (5 л. 6 м.); *Пират такой грязный/ лохматый/ пистолетый!* (4 г.); А: *Ну у тебя же есть кукла-футболист/ переодень его/ и он будет принцем!* – Б: *А у него модной принцевской одежды нету!* (6 л.) и др.

Актуальная для детского окказионального словотворчества тенденция к производству окказиональных адъективов со значениями наличия либо отсутствия какого-либо признака выражается в производстве дериватов посредством сложных формантов: без- / бес- и с- в сочетании с суффиксами (-н-, нулевым): *Сегодня день совсем бессолнцый*// (5 л.); *Я совсем безденьгий*// (5 л. 3 м.); *Посмотри на меня// теперь я бесшапочная*// (6 л. 3 м.); *Дай мне майку срукавную*// (3 г. 7 м.). При этом оба семантических коррелята могут употребляться в одном контексте: *Ты беспанний или спанный?* (4 г.); А: *Сегодня ночь безлунная*// – Б: *А вчера была слунная?* (4 г. 11 м.); *Этот кот бездомный или сдомный?* (5 л.); *Он был сногий/ а теперь/ безногий*// (6 л.) и т. д. Порой необходимость в образовании нового слова вызывается потребностью в выражении несогласия с точкой зрения собеседника: А: *А ты что/ сама – безрукая/ что ли?* – Б: *Да нет/ я срукая/ только стула нет*// (3 г. 6 м.); А: *Какая же я безголовая!* – Б: *Ты сголовая/ У тебя же есть голова*// (4 г. 2 м.) и др. Подобные дериваты отражают склонность детей к морфемизации предлогов. В качестве других примеров могут послужить новообразования с формантами за-, ис- / из-, под-, про- и др. в сочетании с суффиксом -н-:

³ Исходя из семантики форманта -ин- и принимая во внимание значение окказионализма, считаем логичным рассматривать -ан- в качестве интерфикса.

Посмотри// Солнышко за тучками// Оно затучное стало// (4 г. 7 м.); *А можно сделать сок издынный?* (5 л. 4 м.); *Это подлючная машина// Ну/ под люк залазит//* (4 г. 3 м.); *Я не хочу сегодня слушать проёжичную//* (4 г. 6 м.) (о песне). Ср.: *снебные снежинки, прозвериная книга, отишубная пуговица* [223, с. 177].

В речи детей дошкольного возраста можно зафиксировать ещё одно интересное явление, аналогия которому отсутствует в нормативном языке: случаи образования форм компаратива от основ существительных (Т. А. Гридина, С. Н. Цейтлин и др.) [51, с. 8], [222, с. 132]. При образовании отсубстантивных компаративных форм градуализации подвергаются качества и признаки, свойственные тем предметам и явлениям, которые выражаются мотивирующими существительными: А: *У меня сапоги скользкие/ как коньки//* – Б: *А у меня ещё коней!* (т. е. более скользкие) (6 л.) и т. д. Дериваты данного типа могут выражать значение большого количества: *Там площадка под деревьями/ и столько комаров! Комарее этого места я ещё не видел!* (5 л.). Т. А. Гридина высказывает предположение по поводу того, что данные формы могут свидетельствовать о тенденции развития нормативного языка либо, напротив, отражать историческое состояние языка, когда имена не дифференцировались [51, с. 8]. Факты восстановления исторических деривационных структур детьми были отмечены ещё К. И. Чуковским (ср.: *льзя, удобриться* и др.) [231, с. 67].

Кроме того, нами выявлены окказиональные имена прилагательные, мотивированные субстантивными основами, которые образуются по единичным моделям: *Мам/ выключи этот мультик// Он для меня слишком кроличный!* (5 л.) (о мультфильме «Мешок яблок»); *Ну вот/ прошла! А бывают такие толстые мамы// Они бы точно не прошли// А ты нормальная такая/ дырковая!* (5 л. 4 м.) и др. Чрезмерная диффузность семантики выше представленных окказиональных адъективов затрудняет их объединение в более или менее четкие словообразовательные модели или типы.

Примеры отсубстантивных новообразований зафиксированы нами в речи детей школьного возраста, в том числе и подросткового: *У этой шоколадки арбузовый вкус* (11 л. 1 м.); *Это мясо свиновое?* (11 л. 4 м.); *Я готовлю хомяку огуреческий салат* (11 л. 4 м.) *А где папа взял это оливочное масло?* (12 л. 6 м.) и т. д. Как правило, подобные номинаты представляют собой результат смешения суффиксальных морфем и свидетельствуют о трудностях, с которыми сталкиваются дети при усвоении словообразовательной системы адъективов.

Адъективы, мотивированные глаголами

Отглагольные адъективы составляют 41 % от общего количества окказиональных имён прилагательных и включают две основные группы дериватов, находящихся приблизительно в одинаковом количественном соотношении. Одна из таких групп объединяет имена прилагательные со значением предназначенности (19 % от общего количества окказиональных адъективов). В качестве продуктивного форманта выступает суффикс *-тельн-*: *Мама/ ты что! Его нельзя кормить/ это же **спательный** заяц!* (3 г. 3 м.); *У дяди в руках **отбивательный** молоток// А ещё есть **забивательный**/ которым гвозди забивают//* (4 г. 5 м.); *Это **лизательная** конфета?* (11 л. 2 м.); *Эта бумага на столе **печатательная**?* (13 л. 7 м.) (о бумаге для принтера); также *писательный палец* (5 л. 8 м.), *светительная лампа* (5 л. 8 м.) и т. д.

Вторая группа включает девербиаты со значением способности к совершению действия (22 % от общего количества окказиональных адъективов): *Мама/ а ты **улыбачая**?* (3 г. 5 м.); А: *Слон какой?* – Б: *Большой!* – А: *А лошадь?* – Б: *Быстрая!* – А: *Корова?* – Б: *Пасучая!* (4 г. 5 м.); А: *Ну что/ были сегодня дети на площадке?* – Б: *Ну/ были две совсем маленькие девочки и один **рыдательный** мальчик// Но мы с ними не играли//* (4 г. 4 м.); *Я сегодня **думательная**//* (6 л. 5 м.) и др. Нередко агентивная семантика адъективных девербиатов конкретизируется склонностью к совершению определённого действия (*-ач-*, *-лив-* и т. д.): *Мама у меня **ругачая**//* (3 г. 4 м.); *Что-то диск и телевизор стали **зависливые**//* (в значении ‘зависают’) (3 г. 11 м.); *Я её боюсь/ потому что она **царапливая**//* (6 л. 7 м.) (о кошке); *Моя кошка **мявкистая** и очень **царапистая!*** (5 л.); *Я всегда такая **жалевчивая**//* (в значении ‘всех жалеет’) (6 л. 6 м.) и др.

Ряд словообразовательных типов носят характер генерализованных, что наиболее показательно для речи дошкольников и младших школьников: *Мам/ смотри/ это **вознючая** корова! Ну/ которая людей возит!* (3 г.); *Там такая маленькая собачка/ но очень **гавковая!*** (4 г.); *Вот эти пальцы не выгибаются/ а вот эти выгибаются легко// Они **выгинальные**//* (6 л.) и т. д. Так, формант *-уч-*, согласно языковой норме, образует дериваты со значением склонности к некоему действию (ср.: *прыгучий*). Суффикс *-ов-* в нормативном языке образует имена прилагательные только от субстантивных основ. Функции суффикса *-льн-* в детской речи также расширяются (ср.: *спальный мешок*) [66, с. 258].

2.2.1.4 Адвербиальная деривация

Наречия усваиваются детьми не так активно, как слова других частей речи, что видно из их незначительной представленности в детском окказиональном словотворчестве (чуть больше 1 % от общего количества окказиональных новообразований). Адвербиальные дериваты, как правило, имеют значение подобия и свойственности. Формантный ряд включает как простые (-о, -ом), так и составные словообразовательные единицы (по- + -ому, по- + -и): *Что-то **пельменно** пахнет!* (4 г.); *Я хочу одеться **цветочно!*** (в значении 'ярко') (4 г. 5 м.); А: *Встань на колени?* – Б: *Зачем?* – А: *Чтобы ходить **тигром!*** (5 л. 1 м.); *Осёл закричал **по-ослиному!** собака залаяла по-собачьи/ кот замыкал по-кошачьи/ а петух закукарекал **по-кукаречь!*** (4 г.); *Я умею рычать **по-машинному!*** (4 г.); *Ничего непонятно/ потому что там все **по-дядински** поют//* (о песне) (4–5 л.). Некоторые наречные дериваты представлены единичными случаями: А: *Мама/ я так тебя люблю!* – Б: *А почему же не слушаешься?* – А: *А я так тебя **неслушно** люблю!* (2 г. 3 м.); *А почему так солнце светит **красно?*** (3 г.).

2.2.2 Сложение, аббревиация, усечение

Как свидетельствует собранный нами материал, окказиональные композиты появляются в речи детей ближе к школьному возрасту и в дальнейшем характеризуются достаточной продуктивностью. Сравнительно позднее появление новообразований данного типа в детском словотворчестве правомерно объяснять тем, что такого рода дериваты более характерны для книжных стилей, с которыми дети знакомятся в школе.

Большинство сложных окказионализмов принадлежат к классу субстантивов (81 % слов от общего количества окказиональных композитов). Композиты с сочинительной связью появляются в речи детей одними из первых и характеризуют также дальнейшее речевое развитие: *Если есть рыба-пила/ то есть **рыба-молоток** и **рыба-фонарик!*** (4 г.); *Ух ты/ какая бегающая лестница! **Прямо лестница-спортсменка!*** (4 г.); *А бывает **рыба-дрель?*** (5 л.); А: *А где же тут **рыба-точилка?*** – Б: *Или **рыба-штопор?*** (7 л.; 8 л. 8 м.). Ср. примеры В. К. Харченко: *бегемотлягушка* (8 л. 3 м.) (о большой лягушке), *змеемышка* (10 л. 11 м.) (о мышши, напоминающей змею), *слонокот* (13 л.) (о большом коте) [218, с. 28, с. 496, с. 183].

Единичные примеры окказионализмов, образованных на основе подчинительной связи, фиксируются ещё в речи детей старшего

дошкольного возраста, однако в школьном возрасте их количество возрастает, о чём свидетельствует собранный нами материал. К наиболее многочисленным относятся композиты типа $S + V + \text{суффиксы}$ (-тель, -к-, -лк- и др.). При этом высокая продуктивность свойственна как для новообразований с агентивной семантикой, так и для дериватов со значением орудийности: А: *А как я тебе его* (т. е. сок) *сделаю?* – Б: *Купи банановыжиматель!* (5 л.); *Я тоже себе хочу такой попкорноделатель!* (11 л. 1 м.); *Мама/ ты неправильно меня моешь! Ноги нужно вон там/ в ногомойке помыть!* (6 л. 8 м.); А: *Не хочу мыть окно!* – Б: *Заведи себе окномойку тогда!* (13 л. 7 м.); *Я тебе не яблокособиралка!* (13 л. 5 м.). Отмечается склонность детей к явно выраженной языковой игре: *И бабуля меня хочет съесть/ и бабуля/ Вас дома не кормят/ что ли? Вы что/ Настеедки?* (5 л.); А: *Сына/ кем ты будешь/ когда вырастешь?* – Б: *Кошкотаскателем!* (6 л.) и т. д.

Окказиональные композиты со значением отвлечённого действия представлены единичными случаями: *Мне послышался звук шариколопанья!* (4 г.); *Мам/ смотри/ едопад!* (во время кормления рыбок) (5 л.); *У меня сегодня день рановставания!* (9 л.).

Адъективные композиты в количественном плане значительно уступают сложным субстантивам. Т.е. в области основосложения просматривается та же тенденция, что и в сфере аффиксальной деривации: имена прилагательные познаются детьми не так активно, как глаголы и имена существительные. В речи дошкольников можно услышать прилагательные с сочинительной связью между составляющими их компонентами: *Смотри/ вон собачка толстобегая!* *Толстая и бегаёт* (3 г. 5 м.); *Папа/ а это правда/ что животные бывают дикие/ добрые и дикодобрые?* (4 г. 5 м.). Ближе к школьному возрасту появляются адъективные композиты с подчинительной связью. Их основу могут составлять как именные, так и глагольные словосочетания: *Мама/ ну какая ты бабушка/ ты же двухребённая мать!* (6 л. 3 м.); *У нас борщеварочная кастрюля самая большая/ не считая компотозакрывательных* (12 л. 7 м.) (пример В. К. Харченко) [218, с. 42]; *Какая же ты у меня работячная/ занавесостирательная!* (8 л. 3 м.) (пример В. К. Харченко) [218, с. 168].

Отмечаются единичные случаи образования детьми глагольных композитов: *Я лягушкоопродустилась!* (в значении ‘купила корм для лягушек’) (13 л. 10 м.) (пример В. К. Харченко) [218, с. 263]. Данный окказионализм был создан с явной установкой на экспрессию и оригинальность речи.

Образование окказиональных композитов может осуществляться по модели конкретного узуального слова путём замены одной из основ (чаще адъективной или адвербиальной) на семантически противоположную: *Какие же это сухофрукты? Это мокрофрукты!* (6 л.);

А: Ты что/ слабонервная? – Б: Я **сильнонервная**// (8 л. 5 м.); А: Не кричи! – Б: Как не кричать/ если вы меня не слышите? Мне надоело быть громкоговорителем// – А: Тогда будь **тихоговорителем**// (13 л. 3 м.); *Есть машины быстроходные/ а есть **медленноходные**/ как наша*// (13 л. 6 м.).

Согласно результатам нашего исследования, ближе к среднему школьному возрасту в речи детей начинают появляться первые аббревиатурные новообразования и усечения. Их количество невелико, и данные дериваты составляют всего лишь 1 % от общего количества окказионализмов, создаваемых детьми: **рюк** (сокр. от *рюкзак*) (10 л. 4 м.), **домтел** (сокр. от *домашний телефон*) (11 л. 5 м.), **кач** (сокр. от *качок*) (13 л.) и др. В данной группе новообразований выделяются аббревиатуры, образованные от имён собственных и представляющие собой прозвища людей (одноклассников или учителей): **Ямп** (от *Ямпольский*), **Чер** (от *Черник*), **ВаПа** (от *Валентина Павловна*), **ГалПетра** (от *Галина Петровна*). Также нами зафиксированы единичные случаи создания сложносокращённых новообразований, которые могут совпадать с общеизвестными: [**ЭнФэЗэ**]⁴⁾ (от *Нина Федоровна Зверева*), [**КаВэЭн**] (от *Колькова Валентина Николаевна*).

2.2.3 Окказионализмы, образованные не характерными для языкового узуса способами

Результаты проведённого нами исследования показывают, что детьми дошкольного возраста довольно активно создаются слова, не вписывающиеся в нормативные словообразовательные типы и модели (13 % от общего количества окказиональных дериватов). Причина возникновения дериватов данного типа кроется в особенностях восприятия дошкольниками окружающего их мира: всё незнакомое и неизвестное познается через хорошо усвоенное путём выделения универсальных и дифференциальных свойств различных объектов.

Первые контаминированные слова появляются в детском словотворчестве в достаточно раннем возрасте (до 3 лет). В данный период лексическая гибридизация носит характер номинативной деятельности. Узуальные слова соотносятся в детском сознании по разным принципам. Т. Н. Ушакова подчёркивает ведущую роль семантических связей [199, с. 69].

Данное утверждение подкрепляет и проведённое нами исследование соответствующего материала из речи дошкольников, в результате которого было установлено, что в подавляющем большинстве случаев понятия

⁴⁾ Все приведённые инициальные аббревиатуры относятся к буквенному подтипу.

соотносятся по принципу семантической тождественности и представляют собой совмещение начала первой основы и конца второй: *жираблюд* (*жираф* + *верблюд*) (3 г.), *пиндюк* (*пингвин* + *индюк*) (3 г.), *фонары* (*фонарь* + *фары*) (3 г. 5 м.), *безумительно* (*безумно* + *изумительно*) (4 г. 2 м.), *безбардак* (*беспорядок* + *бардак*) (4 г.), *пропоздать* (*пропустить* + *опоздать*) (4 г. 2 м.), *средельник* (*среда* + *понедельник*) (5 л.), *полицейсер* (*полицейский* + *милиционер*) (6 л.), *болтабесничают* (*болтать* + *балбесничать*) (\approx 7 л.). Не всегда можно проследить, являются ли подобные новообразования обозначениями гибридных, созданных воображением существ, либо контаминация носит чисто языковой характер (ср.: *пиндюк*, *жираблюд* и др.).

Данная тенденция в речи детей привлекает внимание детских писателей, которые строят целые стихотворные произведения с использованием контаминатов: *Показал садовод / Нам такой огород, / Где на грядках, засеянных густо, / Огурбузы росли, / Помидыни росли, / Редисвёкла, чеслук и репуста. / Сельдерошек поспел, / И моркофель дозрел, / Стал уже осыпаться спаржовник. / А таких баклачков / Да мохнатых стручков / Испугался бы каждый садовник* (Конч.); *В Чудетство откроешь окошки – / Счастливень стучит по дорожке, / Цветёт Веселютик у речки, / И звонко поют Соловечки...* (Яснов).

Как показывает собранный нами материал, описанная ранее тенденция к выражению семантической полярности проявляется и в производстве контаминатов, когда компоненты узуальных слов замещаются семантически противоположными. Основу контаминации данного типа составляет рэтимологизация. Как правило, ложной этимологизации в рамках упомянутой нами тенденции подвергаются части слов, созвучные с личными и притяжательными местоимениями: А: *Даша/ ты какая-то невменяемая// Прекрати кричать// Накажу//* – Б: *Не надо/ мамочка/ я втебяемая!* (3 г. 5 м.); А: *Артём/ ты что/ глухонемой?* – Б: *Нет/ я глухотвой!* (4 г.); а также *Твойдодыр* (3 г.) и др. Особый случай представляет собой восприятие ребёнком слов, начинающихся со слогов *ма* и *па*, которые ассоциируются в его сознании с обоими родителями, поскольку они играют исключительно важную роль в его жизни. При этом наблюдается взаимозамена данных частей слов в зависимости от ситуации: *Пашина / потому что она не мамина/ а папина* (2 г.) (о машине); *Я знаю/ у мамонтёнка мама/ мамонт/ а папа/ папонт!* (\approx 3 г.); *Я не помощница// Я мамощница!* (т. к. помогает маме) (3 г. 8 м.); А: *Что это за растение?* – Б: *Папоротник//* – А: *Тогда это маморотник!* (7 л.) и др.

По мере взросления детей образование контаминированных слов значительно сокращается в связи с более высокой осознанностью семантики морфем и правил их соединения, однако полностью не исчезает из детского словотворчества. Подобные дериваты приближены к соответствующим новообразованиям из речи взрослых и несут в себе функцию

создания определённого комизма и образности: *Я не пойду на физкультуру/ у меня **боленка!*** (о больной коленке) (11 л. 11 м.) (пример В. К. Харченко) [218, с. 39]; ***Серийный зубийца!*** (о стоматологе) (8 л.).

Детская реэтимологизация во многом схожа с народной этимологией, описанной в работах многих лингвистов (Л. А. Введенская, Б. Ю. Норман, Ю. В. Откупщиков и др.) [26], [143], [150]. Примеры народной этимологии содержатся и в художественных произведениях, где они создают определённый колорит: *мелкоскоп*, *нимфозория*, *преламут*, *клеветон* и др. (Леск.).

Следует отметить, что реэтимологизация тесным образом связана с контаминацией, а иногда сопровождается ею, т. к. в обоих случаях происходит взаимодействие двух слов. Реэтимологизированные слова дошкольников, как правило, выражают функциональные характеристики обозначаемых ими объектов, что достигается посредством включения глагольной основы в структуру узуальных слов: *лизык* (*лизать* + *язык*) (2 г.), *копата* (*копать* + *лопата*) (3 г.), *плюни* (*плевать* + *слюна*) (3 г.), *гребесло* (*грести* + *весло*) (4 г.), *игран* (*играть* + *экран*) (4 г.), *ходиум* (*ходить* + *подиум*) (4 г.), *замалента* (*заматывать* + *изолента*) (4 г.), *игранда* (*играть* + *веранда*) (5 л.) и т. д. Взаимодействующие понятия могут находиться и в семантических отношениях несколько иного характера (ассоциации по цвету, месту, качественным характеристикам и т. д.): *дупел* (*дупло* + *дятел*) (4 г.), *неблако* (*небо* + *облако*) (4 г. 1 м.), *банконасы* (*банка* + *ананасы*; о консервированных ананасах) (3 г.), *подаринчики* (*подарок* + *мандарин*; т. к. были принесены в качестве подарка) (5 л.), *железл* (*железо* + *жезл*) (4 г. 6 м.) и т. д. В некоторых из представленных окказионализмов акцентируются случайные признаки (ср.: *подаринчики*).

Уже в речи дошкольников нами зафиксированы случаи, когда дети осознанно производят новые слова, стараясь исправить существующие, по их мнению, языковые неправильности. В подобных случаях окказионализмы выступают в качестве ответной реакции на речь взрослых и употребляются в ответных высказываниях на соответствующие реплики-стимулы: А: *Мама/ а кто такой водолаз?* – Б: *Это/ сыночка/ человек/ который ныряет под воду/ например/ ищет жемчуг или поднимает со дна моря затонувшие сокровища//* – А: *Тогда он должен называться **подволаз**//* (4 г.); А: *Правильно **лепмени!*** – Б: *Кто тебе такое сказал?* – А: *Никто// Просто бабушка сама их лепила/ значит/ **лепмени**// А у нас они из магазина// Значит/ **пельмени!*** (5 л.); *Ватрушки/ это когда на тарелке/ а когда их едят/ они **вортушки**//* (5 л.).

Реэтимологизации могут подвергаться также и имена собственные. Нами выявлены следующие случаи переименования имен и отчеств людей в речи дошкольников: ***Очкана*** (от *Оксана*; т. к. носила очки), *Анастасия Кефи́ровна* (от *Анастасия Никифоровна*), *Евгения **Янична*** (от *Евгения*

Ильинична), *Елена Макароновна* (от *Елена Макаровна*). Ближе к школьному возрасту данный процесс может приобретать характер игры по созданию собственных окказиональных номинатов одного и того же лица, например: *Басилина* (от *бас*), *Кисалина* (от *киса*), *Веселина* (от *весёлый*) – о воспитательнице Василине, поющей басом, весёлой и любящей кошек.

Подобного рода переименование имён собственных (чаще фамилий и отчеств, реже имён людей) находит активное продолжение и в школьном возрасте. Нами выявлены 46 случаев подобных преобразований, однако данное количество не является пределом. Реэтимологизированные онимы выступают в качестве образных и экспрессивных единиц и служат средством характеристики: *Мидия Лихайловна* (от *Лидия Михайловна*), *Павел Обезьянович* (от *Емельянович*), *Александр Барбарисович* (от *Борисович*), *Салатович* (от *Салаватович*), *Мухайлович* (от *Михайлович*, т. к. умеет ловить мух), *Рауса Хлебовна* (от *Глебовна*), *Мрачненко* (от *Марченко*), *Жмотов* (от *Злотов*), *Зубрилина* (от *Зубилина*), *Бурундуковский* (от *Бурдуковский*) и т. д.

Склонность детей к поиску внутренней формы неизвестных им слов не остаётся незамеченной и детскими писателями: *освещенник* (ср.: священник) (Кас.), *ошесть, осемь, овосемь* (ср.: опять) (Зах.), *искспедиция* (Зах.) и др. Показательны в данном отношении и реэтимологизированные топонимы: *остров Гирляндия* (ср.: Гренландия), *остров Наказань* (ср.: Казань) (Касс.).

Наряду с контаминатами и реэтимологизированными словами в детской речи встречаются единичные гибридные новообразования, в которых обнаруживается смешение способов словообразования, соотносимых с разными языковыми уровнями: *однойнельзяходительный лес* (пример К. И. Чуковского), *лучшевсехня* (пример К. И. Чуковского), *ахтыбожемойкоровка* (3 г. 5 м.), *всамыйразенькие гольфы* (5 л.) [231, с. 33].

2.3 Детские окказионализмы и контекст

Известно, что одной из важных примет окказионализмов является их обусловленность ситуацией, в которой происходит речевое общение, и речевым контекстом. Очень часто стимулом для создания окказионализмов служит слово, употреблённое в реплике партнёра по общению. Такая единица нередко представляет собой прообраз новообразования, которое во многом воспроизводит морфемную структуру слова-стимула. Иногда общение взрослого и ребёнка приобретает характер спора или полемики относительно правильности той или иной узуальной лексемы. В подобного рода диалогах, как правило, участвуют дети от трёх до шести лет, т. к. именно в этом возрасте проявляется особый интерес к словам и их смысловым частям: А: *Пойдём скорее/ уже недалеко// Вот пешеходный переход/ перебегаем здесь через дорогу//* – Б: *Мам/ перепутала ты/ ну это же/переход/ а не **перебегот**//* (3 г.); А: *Мама/ а как эта штука называется?* – Б: *Толкушка//* – А: *Значит/ ты пюре толкаешь//* – Б: *Нет/ я его мну//* – А: *Значит/ это не толкушка/ а **мнушка**//* (4 г. 6 м.). А: *Мама нам купальники купила!* – Б: *Это у тебя купальник/ а у нас – **трусальники**//* (5 л.) (о плавках); А: *Зачем ты ставишь портфель на скамейку?* – Б: *А что нельзя?* – Б: *Нельзя//* – А: *Почему?* – Б: *Потому что это место для сидения//* – А: *Не для сидения!* – Б: *А для чего?* – А: *Для **портфеления**//* (≈ 7 л.).

Следует сказать, что употреблённые в рамках одного контекста слово-прообраз и окказионализм могут находиться в отношении противоположности: *Кефир/ это питьё/ а я хочу **едьё**!* (5 л.); *Это уже не новости/ это **старости**//* (5 л.); А: *Вероника/ ты ешь в сухомятку?* – Б: *Потому что не хочу есть в **мокромятку**//* (≈ 8 л.); а также ранее упомянутые *сухофрукты* – ***мокрофрукты***, *громкоговоритель* – *тихоговоритель* и др.

Употребление того или иного окказионального слова в речи детей может также обуславливаться и стремлением к рифмовке: *Раз/ два/ три/ четыре/ пять! Давай **юлать**!* (4 г. 7 м.); *Носик-курносик/ ножки-курножки/ ушки-курушки//* (5 л. 8 м.); *У Феди руки загребущие/ а ноги **забегущие**//* (≈ 7 л.). Сюда можно отнести и так называемые «обзывалки»: *Лёня-Гудоня* (5 л.), *Максим-Плаксим* (5 л.), *Ксюша-Длиннюша* (5 л.), *Никитос-Нос-Картос* (9 л. 10 м.). В школьном возрасте детские рифмовки перерастают в небольшие стихотворения, которые также могут содержать и окказиональные слова: *Мчат на юг перелётные птицы, / Чуть журча, ручеёк бежит, / Роят нору бобёр и **бобрица**, / Чтобы там им всю зиму бы жить* (9 л.); *Шли мы с другом / На рыбалку. / И поймали на удок / Толстую **клевалку*** (≈ 11 л.).

В высказываниях детей нами зафиксированы факты построения деривационных цепочек, состоящих из структурно идентичных дериватов: А: *А что льётся из чайника?* – Б: *Чай/ какао/ водичка//* – А: *Нет/ который какао разливает/ называется **какайник**// а который воду/ **водайник**!* (2 г.); А: *В тракторе сидит тракторист/ а в танке/ танкист//* – Б: *А в шкафу сидит **шкафист**/ а на окне/ **окнист**?* (3 г.); *Бабушка/ я буду не только чаёвничать/ но и **пряничничать**/ **бубличничать** и **медовничать**//* (3 г. 5 м.); А: *Так/ этот из свинины/ этот из **гусины**//* – Б: *Не гусины/ а гусятины//* – А: *Из гусятины/ из **свинятины**// Этот из **индятины**//* (6 л.) (о мясном паштете) и др. В случае с окказионализмами **шкафист** и **окнист** просматривается стремление ребёнка к продлению деривационного ряда в игровой форме без необходимости к номинации как таковой.

Интересной особенностью детского словотворчества является ранее упомянутая нами тенденция к образованию ряда окказионализмов в рамках одного контекста, объединённых тематикой семейных отношений. Новые производные слова характеризуют обозначаемые ими объекты по возрастным и половым признакам, что в целом отражает специфику направленности познавательной активности ребёнка: *Вот мама/ лошадь/ вот её **лошадёнок**/ а вот папа/ **лош**//* (2 г.); *Папа/ нож/ мама/ **ножиха** и маленький **ножонок**//* (4 г. 3 м.); *Папа/ **головаст**/ а дети/ **головастята**//* (4–5 л.).

Ближе к школьному возрасту отмечаются случаи создания детьми окказиональных рядов и гнёзд с явной установкой на языковую игру и комизм: *Да был там такой **церквяч**// Да **церквячил** там всех подряд//* (6 л.); *Это мой **котожираф**// А это мой **мышекот**//* (6 л. 2 м.); А: *Я **яблокоежка**//* – Б: *Яблокоежка?* – А: *Да// **Яблокоежка** и **мясоежка**// **Яблокомаксоежка**//* (6 л. 3 м.); *Я не **яблоконос**// Я **яблокоед** или **яблокогрыз**//* (7 л.). Фиксируются также случаи коллективного словотворчества, которое имеет характер языковой игры: А: *Масло/ в маслёнке/ а сахар/ в сахарнице//* – Б: *Маслёнка/ нет такого//* – А: *Есть//* – Б: *Тогда чай / в **чайнке**/ вода/ в **водёнке**/ мороженое/ **морожёнке**//* – А: *А голова/ в **головёнке**//* (5 л.; 11 л. 9 м.).

Таким образом, связь по линии окказиональное слово – контекст находит в речи детей разнообразные проявления. Во многих детских высказываниях прослеживается тенденция к проявлению «эквивалентности в последовательности» (по Р. О. Якобсону [245, с. 217]), к созвучию и рифмам, что даёт основание видеть в таких конструкциях прообразы текстов поэтической направленности, в которых номинативное начало уступает место экспрессивно-образному.

Выводы

1. Детское окказиональное словотворчество во многом обусловливается факторами возрастного порядка, т. к. протекает в общем русле развития речемыслительной деятельности. Первые детские окказионализмы отличаются деривационной и семантической диффузностью и свидетельствуют о неосознанности детьми отношений производящего – производного. По мере взросления детей количество окказионализмов с неопределённой семантикой в их речи убывает. Окказиональные деривационные процессы становятся все более упорядоченными.

2. Окказиональные слова в речи детей в большинстве случаев создаются путём аффиксации (82 %). Реже – способами контаминации, реэтимологизации и сложения и очень мало – способом аббревиации.

3. Для аффиксальной деривации субстантивов характерны новообразования с обозначением лиц и животных по принадлежности к мужскому или женскому полу, со значениями взрослости – невзрослости, характеристики лиц по роду деятельности, склонности к чему-либо. При этом отмечается перераспределение в рамках конкретных групп дериватов в зависимости от возраста коммуникантов. В речи школьников наблюдается сокращение количества новообразований со значением принадлежности к мужскому полу, а также отглагольных и отсубстантивных агентивов со значением трудовой деятельности. Для детей всех возрастов характерно активное производство отыменных глаголов со значением действия, совершаемого посредством определённого орудия, со значениями направленности действия (вовнутрь – наружу и т. д.), а также его начала или конца. Универсальной тенденцией также является производство окказиональных глаголов по генерализованным моделям. В сфере адъективов преобладают дериваты со значением принадлежности, образованные от основ одушевлённых и неодушевлённых существительных, со значением свойственности и отношения (к форме, цвету и т. д.), образованные от основ с широкой семантикой. В речи детей как школьного, так и дошкольного возраста создаются отглагольные дериваты со значениями функциональной характеристики и склонности к совершению действия. По сравнению с окказиональными субстантивами, окказиональные дериваты глагольного и адъективного характера отличаются меньшей степенью регулярности и большим разнообразием словообразовательной семантики. По мере речевого развития инвентарь словообразовательных формантов в большой степени обогащается за счёт аффиксоидов (*мега-*, *-мания* и др.).

4. Среди новообразований, созданных неаффиксальными способами, для речи детей младшего возраста характерны контаминированные дериваты с нечёткой денотативной соотнесённостью. По мере взросления

семантика контаминатов становится более осознанной и определённой. Распространённым процессом в детской речи является и реэтимологизация, которая часто опирается на хорошо известные детям понятия (наименования лиц по близкому родству, личные и притяжательные местоимения) (*мамошница* вместо *помощница*). Объектами реэтимологизации у детей, начиная со старшего дошкольного возраста, становятся и имена собственные. Словообразовательные основы подобных окказионализмов часто указывают на какой-либо характерный признак носителей тех или иных имён.

5. В окказиональном словотворчестве детей достаточно отчётливо проявляются общие, характерные для данного процесса, тенденции: к образованию по аналогии, к генерализации и сверхгенерализации (т. е. расширению систем словообразовательных типов и размыванию их границ), к парной симметрии (ср.: *носорога* – *носорог*, *утонуть* – *вытонуть* и др.) и к замещению значений полисемантических знаков (слов и морфем) (например, *мамонт* понимается как *мама*, в результате чего появляется *папонт*).

6. Окказиональное словотворчество детей часто обуславливается конкретными ситуациями общения и находится в зависимости от ближайшего речевого контекста. Однако наблюдается и процесс распространения какого-либо способа или типа деривации на другие словесные элементы высказывания. Нередки также примеры включения окказионализмов в характерные для детского возраста рифмованные формы речи (псевдостихи).

ГЛАВА 3

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО В РЕЧИ ВЗРОСЛЫХ

3.1 Специфичность окказионального словотворчества в речи взрослых

В основу настоящей главы положен речевой материал, демонстрирующий особенности окказионального словотворчества взрослых носителей языка. При отборе материала первостепенное внимание нами уделялось тем стилистическим и жанровым разновидностям речи, для которых окказиональное словотворчество наиболее характерно: разговорная речь в устной и письменной формах, речевые жанры публицистики (статьи на злободневные темы, фельетоны, пародии). Достаточно большое внимание уделялось также художественной речи, прежде всего поэтической, поскольку именно здесь обнаруживается наибольшее разнообразие средств, способов и приёмов окказиональной деривации в связи с установкой поэзии на эмоциональность и тропеическую образность.

Приступая к анализу окказионального словотворчества взрослых, кратко остановимся на факторах и условиях, определяющих специфичность характерных для этой группы окказиональных деривационных процессов по сравнению с теми, которые обнаруживаются в детской речи. Если речь детей находится в процессе интенсивного развития, то интенсивность речевого развития взрослых снижается, и на окказиональное словотворчество более заметное влияние начинают оказывать другие факторы. Наиболее соответствующими окказиональному словотворчеству детей являются деривационные процессы, характерные для разговорной речи взрослых, которая во многом сближается с детской своей направленностью на бытовую тематику, присущей разговорному стилю непринуждённостью и отсутствием строгой регламентации. Что касается словотворчества в речи, соотносимой с книжными стилями, то оно в значительной степени подчиняется принятым в данных стилях нормам и установкам. Согласно мнениям разных учёных (Н. Г. Бабенко, Д. Б. Масленников, С. Ж. Нухов, Р. М. Ретунская, Н. В. Чернова и др.), при создании окказиональных слов взрослые стремятся к усилению эмоционального эффекта посредством ломки стереотипов, к выявлению скрытых стилистических ресурсов языка, к выражению своего отношения к изображаемому, к структурной лаконичности [10, с. 5], [130, с. 6], [36, с. 63].

Использование взрослыми окказиональных дериватов, как правило, носит целенаправленный характер. Количество же «случайных», неосознанных окказионализмов сокращается. Такие «новообразования» можно квалифицировать как оговорки и ошибки. Если окказиональное словотворчество детей реализуется в устных высказываниях, как правило, небольшого объёма, то окказиональное словотворчество взрослых, в особенности представителей литературного труда, обусловлено контекстуальными факторами в значительно большей степени и нередко координируется с созданием целых поэтических текстов.

В сравнении с речью детей, окказиональное словотворчество взрослых базируется на более обширном и разнообразном языковом материале. Это связано, прежде всего, с тем, что словарный состав взрослых носителей языка значительно превышает лексикон детей. Это обуславливает и большее разнообразие деривационных средств. Кроме того, взрослыми более чётко дифференцируется стилистическая окрашенность слов, глубже осознаётся их словообразовательная структура и отношения словообразовательной производности.

3.2 Процессы окказионального словотворчества в разговорной речи

Окказиональное словотворчество в сфере разговорной речи определяется рядом признаков, в числе которых непринуждённость, ситуативность, спонтанность, эмоциональность, экспрессивность, лаконичность и т. д. [85], [236]. Исходя из этого, новые слова могут конструироваться коммуникантами по разным причинам: в порыве спонтанной номинации, когда в оперативной памяти отсутствует готовый узуальный коррелят (что не всегда осознаётся говорящим), в целях компрессии речевого высказывания или просто «ради шутки», т. е. для создания юмористического эффекта посредством языковой игры. При этом Е. А. Земская указывает на то, что средства языковой игры тем разнообразнее, чем выше культура и уровень образованности коммуникантов [170, с. 42–43].

В последнее время формы разговорной речи стали шире и разнообразнее. Помимо непосредственных речевых контактов и общения с использованием телефонной связи, а также обмена письмами, широкое распространение получила коммуникация с применением компьютерных технологий, благодаря чему стала возможной Интернет-переписка. Описывая основные особенности разговорного стиля, О. Б. Сиротинина указывает на то, что он не ограничивается исключительно рамками устного общения, а находит реализацию также и в таких письменных

формах, как частные письма (в том числе и посредством Интернета), дневниковые записи и др. [191, с. 320]. Е. А. Земская, характеризуя разговорную речь как речь необратимую и неподготовленную, не рассматривает форму реализации высказывания в качестве определяющего фактора и, например, к одному из жанров письменной разговорной речи относит записки и частные сообщения [170, с. 63].

В настоящее время вслед за Д. Кристалом многие учёные (Н. Д. Голев, С. А. Лысенко, Н. Б. Лебедева, Г. Н. Трофимова и др.) рассматривают повседневную онлайн-переписку на разнообразных Интернет-форумах в качестве особой формы разговорной речи [46], [119], [126], [202], [252]. Они объясняют это тем, что все особенности разговорной коммуникации в её устном выражении, включая интонацию, громкость голоса, паузы, а также мимику и жесты, могут успешно передаваться посредством графики [46, с. 15].

Данное обстоятельство учитывалось нами при отборе фактического материала для настоящего исследования, источниками которого послужили как рукописные записи устных высказываний, так и выдержки из Интернет-переписки. Подобный охват источников речевого материала представляется оправданным, поскольку даёт возможность всесторонне изучить окказиональное словотворчество обозначенной речевой сферы, включая и явление так называемой коллективной языковой игры, когда окказиональная деривация приобретает форму соревнования по количеству и оригинальности созданных окказиональных единиц по заданному образцу либо в пределах конкретной тематики беседы.

В разговорной коммуникации, как правило, превалирует общение на бытовую тематику (семья и семейные отношения, дети и их воспитание, домашние питомцы, транспорт, приобретение различных товаров, ведение домашнего хозяйства, свободное время и т. д.). Подобная направленность общения определяет тематический состав как самих используемых в разговорной речи окказиональных новообразований, так и лексических единиц, выступающих в качестве их словообразовательной базы. Поскольку тематика речи взрослых в определённой мере близка той, которая присутствует в речи детей, окказиональное словотворчество взрослых сохраняет некоторые особенности окказионального словопроизводства детей.

3.2.1 Способы окказионального словотворчества в разговорной речи

Окказионализмы в сфере разговорной речи взрослых создаются теми же способами, которые характерны и для сферы детского окказионального

словотворчества. При этом отмечается некоторое перераспределение в процентном соотношении между отдельными способами деривации. Как показали материалы нашего исследования, в разговорной речи взрослых, как и в детской речи, абсолютно доминируют аффиксальные новообразования. Значительно увеличивается удельный вес окказиональных композитов и аббревиатур. При этом сохраняется производство контаминированных и реэтимологизированных дериватов (рисунок 3.1).

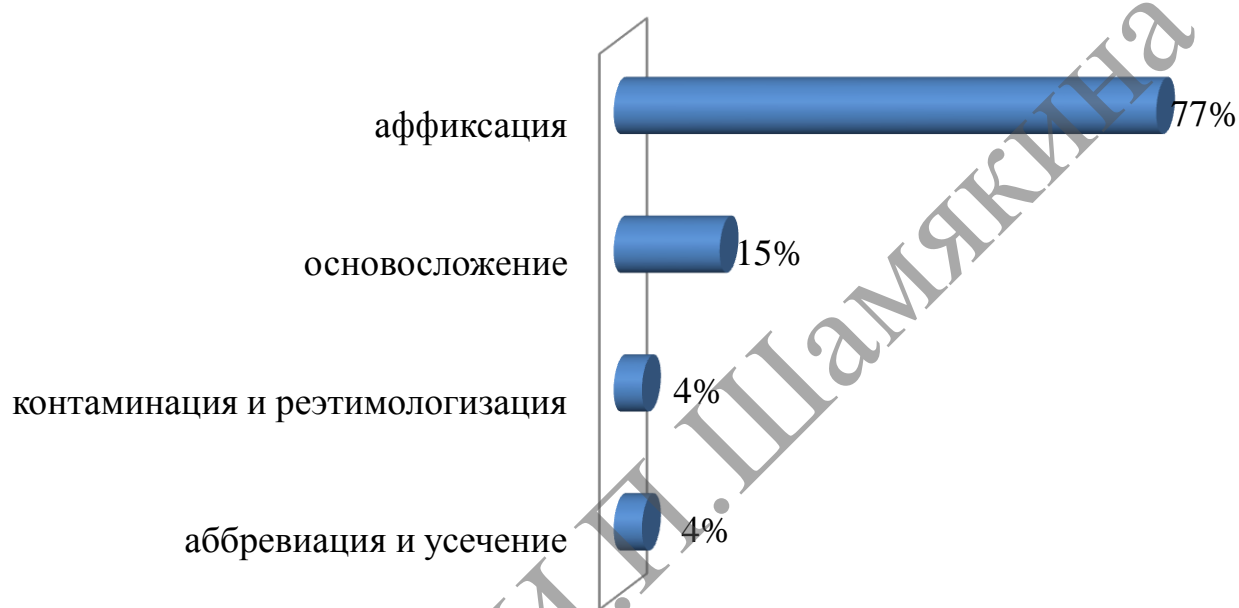

Рисунок 3.1. — Процентное соотношение способов окказиональной деривации в сфере разговорной речи взрослых

3.2.1.1 Аффиксация и её виды

Субстантивная деривация

Субстантивы, мотивированные субстантивами

В разговорной речи взрослых, как и в детской речи, создание отсубстантивных дериватов является весьма продуктивным (52 % от общего количества субстантивов). Основное место занимают новообразования, принадлежащие к следующим тематическим группам: названия людей, животных, бытовых предметов, некоторых абстрактных понятий и др.

Среди агентивных и зоонимических новообразований достаточно обширную группу составляют дериваты со значением невзростости, образованные посредством форманта *-онок*. Из 373 окказиональных имён существительных отсубстантивной природы 57 дериватов соотносятся с обозначенной группой. Окказиональные агентивы по большей части выражают качественные характеристики: *лгунёнок, обжирёнок, подлизёнок, ябедёнок, трусёнок* (от *трус*), *монстрёнок, паскудёнок* и т. д.

В группе окказиональных зоонимов отмечается расширение производящей базы за счёт имен существительных, называющих породы животных (чаще кошек и собак): *овчарёнок* (о щенке овчарки), *пекинсёнок* (о щенке пекинеса), *москвичоночек* (о щенке московской сторожевой), *чихуашонок, персёнок, бульдожонок, сиамёнок* (о сиамской кошке), *джунгарёнок* (о хомяке) и т. д.

В качестве мотивирующей базы могут выступать и имена собственные: А: Скажи: *«Полкан попал в капкан»*// – Б: *Полканёнок мой/ иди сюда*// (в обращении к ребёнку). Продуктивность выше отмеченных дериватов в разговорной речи объясняется высокой регулярностью данной словообразовательной модели в языковом узусе и её открытостью. Кроме того, нами зафиксированы случаи образования подобных дериватов от основ неодушевлённых существительных, что в целом является продолжением тенденций словотворчества детей: *Я тоже люблю палить кастрюли/ у меня даже специальный спаленный кастрюлёнок есть*//; *А ты зайди на автору посмотри битые машинята, и сразу всё поймешь... там не металл, а фольга* (Auto.ru – название сайта); А: *Мы с малой ещё посадили декоративную тыкву, растёт буйно все семена взошли...* – Б: *Декоративную – это типа карафоньки?.. Маленькие такие тыквята*⁵⁾ и др.

В отличие от детского окказионального словотворчества, в разговорной речи взрослых деминутивная семантика может приобретать иронический подтекст, передавая отрицательное отношение говорящего к тому, что выражено мотивирующей основой: *А глупости в том, что человек из-за какой-то фирмушки невлюбил целый оконный концерн; ... потому что там не магазин, а магазинюшка, магазинёнок даже...* и т. д. В последнем случае наблюдается отчётливая дифференциация суффиксов по стилистическим оттенкам. Суффикс *-онок* наделяется значением большей пренебрежительности в сравнении с суффиксом *-ушк-*. Для словотворчества детей выражение подобного рода коннотаций не является характерным.

Оценочная функция окказионального словотворчества также прослеживается в образовании дериватов с другими формантами (*-юх-, -ёвин-, -ан-, -юг-* и др.): *Может в какую-нибудь магазинюху заедем? Время*

⁵⁾ При цитировании материалов из Интернет-переписки сохраняются речевые, орфографические и пунктуационные особенности первоисточников.

*ещё есть//; Но чтобы это реально был антиквариат, т.е. не тащить в дом помойный хлам потому что «дёшево», надо очень понимать, что делаешь. Например, если **мебелёвина** хоть как-то отреставрирована – переполірована хотя бы, или обивка заменена, – это снижает стоимость в несколько раз...; Посмотри// Ты видела когда-нибудь такой **картофан!**; **Очкарюги** свои сними// (об очках); **Что/ наколюгу** хочешь? Не смеши меня// (о наколке); а также **враченция** (о враче), **туфляки** (о туфлях), **рюкзако́н** (о рюкзаке) и др. В детской речи подобные дериваты появляются только в школьном возрасте: **Покажи мне фотяры**// (о фотографиях) (6 л. 3 м.); **Мама/ посмотри/ это же наш бывший садюга!** (7 л. 8 м.).*

Наряду с деминутивами определённое место в словотворчестве взрослых занимают окказионализмы со значением увеличительности, которое часто передаётся посредством форманта *-иц-*. При этом отмечается использование подобных окказиональных слов в одном контексте с мотивирующими основами, которые противопоставляются друг другу: *Это не подарок/ а подарнице!*; *Посмотри/ какой получился супермен// Суперменице даже!* и т. д.

Как и в детской речи, в разговорной речи взрослых половая дифференциация находит своё выражение в образовании дериватов со значением принадлежности к женскому полу. В качестве мотивирующих основ выступают зоонимы, называющие, как правило, породу животного. Имеются также и дериваты, мотивированные агентами. В качестве мотиваторов значения женскости выступают суффиксы *-их-*, *-и-*, *-иц-*, *-ин'*: *Значит мы ехали в старом вагоне. Точно помню, кто-то клал велик поперёк. Проводниха была в шоке поперёк в смысле над проходом, а не в «купе»...; А: Как всё лучше оформить, чтобы не попасть на распил, угон и т.д. Заранее спасибо! – Б: Ну если с таможни **продавчиха**, то точно распил...; А **ищиц** всё-таки вредина не слабая))) Мышь моя **москвичихе** морду бьёт систематически, но та девочка великодушная, мелочь не обидит никогда... (о собаке породы московская сторожевая); Кажется это первая **ротвейлерша**, в которую я влюблена по уши. такая красавица; Резюмирую: возможные разборки жигульника и **пешеходницы** имели бы отношение только к ним. Фурник стоит колом и ждёт...; Я еще такая мать **извергиня**. Но меня собственный дитёныш пристыдил – мама, говорит, я только ещё учусь и не могу всё делать быстро и помнить. У меня злость вся сразу испарилась...; Пожалуйста, помогите. Четыре дня назад поехали ночью в дежурную стоматологию с острой болью. Поставили пломбу с лекарством, вчера должны были поменять на постоянную. оч. умелая **стоматологиня** задела при сверлении щечку (крутился)... и др. Подобные окказиональные новообразования характеризуются номинативностью и шаблонностью, наряду с которыми прослеживается установка на языковую игру. Стимулом для создания окказионализмов экспрессивного характера часто являются реплики*

собеседников: А: *Посмотри на себя! Ты/ старый пень!* – Б: *А ты/ что/ молодая? Ты тогда **пниха!***; А: *Какой я рыбачок!* – Б: *А **рыбачих** там случайно нет?*

Дериваты со значением мужского пола не являются многочисленными по причине нерегулярности словообразовательных моделей. Условия их создания также ограничиваются установкой на комизм: *Ты настоящая мать-героиня/ вернее/ **отец-героинь**!;* *Ты/ Кирюша/ настоящий **фей!*** и т. д. Данные высказывания вполне соотносимы с речью детей и в какой-то степени отражают специфику детского мышления, характерной чертой которого является порождение ассоциативных связей парности по полярному принципу.

В группу агентивов, мотивированных субстантивами, также входят названия лиц со значением пристрастия к тому, что выражено мотивирующей основой, называющей вид или породу домашнего животного, разновидность или марку транспортного средства, продукты питания, место времяпрепровождения и т. д. В качестве словообразовательных формантов в большинстве случаев выступают суффиксы *-ник* или *-нищ-*. В общей сложности нами зафиксированы 117 окказиональных субстантивов с данными формантами: *Ведь я совсем не опытный **бульдोजник** и у нас постоянно возникают 1000-и вопросов...;* а также ***чихуашник, шиншилятник, персятник, дворняжник*** и др.; *Эй/ **колбасник**/ может хватить уже колбасу таскать?;* а также ***семечник, кефирник, арбузник*** и др.; *У меня нет личного авто// Я **автобусник** и **трамвайник**!;* а также ***фурник, камазник, джипник, жигульник*** и др.; *Я не пляжник// Я **барник**! Там **тенёк/ пиво/ музыка**!;* а также ***магазинница, туалетница*** и др. Подобные ряды окказиональных дериватов характеризуются открытостью и могут быть продолжены при необходимости. Следует отметить, что некоторые из перечисленных новообразований наделяются переносным значением, мало свойственным словотворчеству детей: *Я наверное **хомячник**, модельки собираюсь собирать продавать не намерян...* (о человеке, увлекающемся коллекционированием); *Ну а с другой стороны чё с **помидорников** взять? Упорные дагестанцы толкали свою команду не хуже того самого Сизифа...* (о представителях южной национальности); *Как были колхозниками и **помидорниками** так и остались...* (о людях с повадками и вкусами провинциалов) и т. д.

Наряду с производством суффиксальных субстантивов с конкретным значением, в разговорной речи взрослых встречаются и случаи производства субстантивных окказионализмов с абстрактной семантикой (34 окказионализма). В качестве словообразовательного форманта выступает суффикс *-щиц-*, реже *-иц-*: *Хватит болтать о **кулинарщине!***; *Хочется отметить в семейном кругу// Надоела вся **банкетщина** и **ресторанщина**!;* *Мне эта комеди **клубщина** надоела!* (о ТВ программе

«Comedy Club»); *Летом аю* [о курортном комплексе на Алтае – И. К.] *не люблю суэта и курортищина в худшем смысле, зимой же умиротворение и покой, чему данный комплекс соответствует...; Скоро начнётся предновогодняя магазиния//; А: У меня вообще последнее время МЕЛОДРАМИЯ, если конечно можно так выразиться. – Б: Как я вас понимаю!!! Но мне взглянуть редко получается! А что бы вы посоветовали из любимого (или увиденного впервые) за период МЕЛОДРАМИИ?* и др. Использование подобных окказиональных слов в разговорной речи является следствием влияния средств массовой коммуникации, для речи которых подобные производные слова характеризуются серийностью.

Нами также зафиксированы единичные случаи производства абстрактных субстантивов посредством форманта *-ость*, что противоречит нормам узуса, которые предписывают образование дериватов данного типа только от адъективных основ [65, с. 352]: *Ага, кто-то принцессы, только любому мужчине, даже который может оплатить рестораны, хочется женщину, которая способна приготовить борщ и создать уют, на одной принцессости не уедешь далеко...; Такой зимости давно уже не было//.*

Для разговорной речи взрослых характерно выражение отрицания и противоположности. Однако характер отрицания взрослого и ребёнка несколько различается. Если дошкольники зачастую стремятся «нейтрализовать» негативное значение путём отделения соответствующего префикса (порой лже-префикса) (ср.: *домепа, фтяник* (от *нефтяник*), *ряха* и т. д.), то взрослый, наоборот, продуцирует нарочитое отрицание посредством префиксации. Одним из наиболее продуктивных является формант *не-*. При этом нами зафиксирован случай коллективного создания целого ряда окказиональных субстантивов с отмеченным префиксом: *А: Это так страшно, когда НЕврач – лечит людей, НЕучитель – учит наших детей, НЕинженер – проектирует самолёты... Это так страшно –ходимцы в профессии...Б: – НЕучитель-это еще как-то. Вот я, на пример...А вот НЕинженер и НЕврач – убийцы. В: – Что уж говорить про НЕжену, утверждающую, что именно она – само совершенство!))) Г: – тьфу ты... Привет, поручик... А про Немужа??? Д: – Потому что НЕправительство создает Незаконны и НЕсистему. – Е: а НЕповар?*

Достаточно высокой продуктивностью характеризуется также префикс *анти-*, который нередко сочетается с суффиксами *-ник, -щик*: *Буду думать что это всё таки черта водолеев антиогород...; Муж уже даже захотел и у нас дома завести кошку. Хотя, он антикошатник был (о нелюбителе кошек); Мой (т. е. отец – И. К.) антишмоточник, антимашинник, антирестораник... он любит посиделки, но дома... зная его характер и его вкусы... лучшим подарком для него был бы билет в один конец на необитаемый остров... палатка, пара кастрюль, ружьё... и большой вагон книг... и др.*

Факты отделения префиксов являются немногочисленными и выступают в качестве сиюминутной реакции на реплику-стимул собеседника: *Ну и бессмыслица! – Скажи **смыслицу** тогда!; Ты что? Недотрога? – Найди **дотрогу**!; Что/ нехватка молока? Сейчас будет **хватка**//* и т. д. Нами отмечены случаи употребления и других префиксальных единиц с оценочной семантикой, не характерных для речи детей: *На **недофутбол** мне как то параллельно если честно...; Что-то на улице непонятное/ какой-то **недоснег**/ или **недодождь**//; Платье вполне приличное/ без какого-либо **пересекса**//; Ну/ что/ красота? – А мне кажется/ что даже **перекрасота**//* и др.

Субстантивы, мотивированные глаголами

В речи взрослых, как и в речи детей, наблюдается активное образование окказиональных имён существительных, мотивированных глагольными основами (ср.: 37 % от общего количества окказиональных субстантивов в разговорной речи взрослых и 42 % – в речи детей). При этом отмечается использование ряда общих для обеих возрастных групп деривационных моделей. Примером тому служат отглагольные субстантивы со значением орудийности, образованные посредством форманта *-лк-*: *крутилка, дымелка* (о сигарете), *таскалка* (о курсоре), *размешивалка, измерялка, слушалка* и т. д. Представленные окказиональные дериваты со значением орудийности почти не отличаются от соответствующих детских новообразований ни формой, ни семантикой производящей базы, что объясняется специфической направленностью разговорной речи, которой свойственен непринужденный характер. Е. А. Земская указывает на своеобразный полисемантизм новообразований с суффиксом *-лк-*, характерный для речи взрослых (а по нашим наблюдениям, и для детской речи): *слушалка* – стетоскоп либо телефонная трубка и т. д. [75, с. 134]. Однако, в отличие от детей, взрослые в большинстве случаев осознают новизну созданных ими лексических единиц, употребляемых нередко с оттенком иронии и выступающих в качестве синонимов к нормативным коррелятам, как правило, известным говорящим: *Пульт от телевизора в нашей семье называется **тыкалкой**; Муж «вантуз» называет «**чавкалка**». Удивительно то, что в хоз. магазине его поняли. На прозьбу показать «**чавкалку**», (правда обозначаемую ещё и жестами) сразу дали вантуз; Мы попользовались *gps-навигатором*, теперь этот прибор называем не иначе как «**блудилка**»; Моя горячо любимая тётушка называла тёрку для моркови по-корейски «**шурдыкалка**». Долго не могли понять, что именно надо ей купить на рынке. Еле разобрались. Но потом эта «**шурдыкалка**» прилепилась*

ко всему. Бывает ведь, на языке вертится, а сказать не можешь – «шурдыкалка» и т. д. Этот факт объясняет наблюдаемые изменения в количественном соотношении: 19 % от общего количества отглагольных субстантивов против 34 % подобных новообразований в речи детей. Окказионализм *блудилка* ещё интересен и тем, что в нём отчетливо проявляются тропеические качества на основе полного противопоставления двух понятийных областей (навигатор – это прибор, который помогает в ориентировании).

В сравнении с другими дериватами, группа со значением лица наиболее представлена и составляет 58 %. Окказиональные агентивы отглагольной природы в большинстве случаев характеризуют объекты по выполняемому ими действию (-тель, -льщик, -лк-, -ун и др.). Как правило, подобные новообразования используются в шутовском контексте и выражают ироничное отношение говорящего к объекту либо создают юмористическую атмосферу: *Я смотрю/ что ты не читатель/ а листатель//; Он всегда говорит «хорошо»// Он такой соглашатель!; Она профессиональный худельщик//; Хватит бросать вещи// Бросун нашёлся//; А мой такой крутяка//* (о ребёнке); *Подсказуха/ не подсказывай мне//* и др. Дериваты данного типа (как правило, с формантом -лк-) соотносятся с соответствующими детскими и часто используются в качестве «обзывалок»: *Пусть выбрасывает выбрасывалка//; Кто здесь цапает? Это ты цапалка?; А: Я родила ребёночка// – Б: Я тебе сейчас рожу/ рожалка//* (в обращении к ребёнку); а также *пряталка, терялка, бродилка, обещалка* и др.

Нередко агентивные окказионализмы отглагольной природы выступают в качестве ответной реакции на реплику-стимул собеседника, включающую глагол-мотиватор: *А: Мы будем стоять/ чтобы занять очередь// – Б: А почему именно ты? Пусть кто-нибудь другой постоит/ а ты подъедешь утром// Или ты один такой стояльщик?; А: Я сама поджарю// – Тоже/ нашлась мне поджарщица!; А: Я владею таким// – Б: Тоже мне владелец//* и т. д.

Нами зафиксированы случаи, когда в качестве мотивирующей основы выступают фразеологические единицы с глагольными компонентами, что в значительной степени повышает экспрессивность окказиональных агентивов. Как правило, в качестве словообразовательного форманта выступает суффикс -тель: *То есть ребёнка хвалят, он начинает задирать нос, и его поэтому не любят. А Папка по натуре, мне кажется, совсем не задиратель носа...; ...я познакомилась на сайте знакомств со своим мужем. между нами было 1000 км .я на тот момент подустала от встреч по инету , и когда увидела его сообщение мне, то решила что очередной «морочитель головы»...; а также закатыватель истерик, вешатель лапши, тянутель кота за хвост* и т. д.

В речи взрослых в целях создания юмористического эффекта также возможно производство окказиональных наименований лиц определённой профессии. Их количество невелико в сравнении с вышеописанной группой агентивов: *А где раздевальщик?* (о гардеробщице); *Ну/ что/ будем звать подавальщика?* (об официанте); *Чем они занимаются? Только выступать и могут// Выступатели//* (о политиках) и т. д. Как правило, новообразованные дериваты выступают в качестве синонимов по отношению к наименованиям профессий, уже имеющих в нормативном языке и хорошо известных его носителям.

Для разговорной речи характерно также образование окказиональных субстантивов со значением отвлечённого действия (23 % от общего количества отглагольных субстантивов). Сохраняется тенденция к производству новых слов посредством форманта *-ни/-* и нулевого суффикса: *От такого спания голова раскалывается//; Меняние колеса у нас заняло целый час!; Лучшие переед/ чем пустой желудок//; Огромное спасибо за вашу поддержку и дружный хлопок//*. Помимо выше представленных формантов, в разговорной речи взрослых активно используются и другие суффиксы, не характерные для детской речи, которые передают указанное значение. Примером тому служит частое употребление суффикса *-ов-*: *лучше попадалово чем от медведя убегалово...; Я очень сильно переживала по этому поводу... А оказалось что это просто излишнее морочилово головы...; а также хитрилово, зубрилово, одевалово* и т. д. Окказиональные новообразования данной группы имеют, как правило, сниженную или просторечную окраску, которая продуцируется как словообразовательным формантом, так и мотивирующей основой.

Интересно отметить ряд окказионализмов, образованных посредством формантов *-лк-* и *-к'-*, несмотря на то, что данные аффиксы в нормативном языке относятся к непродуктивным словообразовательным единицам [66, с. 256, с. 244]: *Желающие могут сегодня приезжать на «доедалки»...; Ты свои смотрелки кончай и иди делать уроки//; Что вы тут грызёте? Что тут за грызки!; А: Не мешай/ я слушаю// – Б: Опять какие-то слушки!* и т. д. Зафиксированы единичные случаи образования дериватов, не имеющих аналогов в узусе: *Ну/ Соукалова/ начинай свою мазидлу//* (от *мазать* в значении 'промахиваться').

Субстантивы, мотивированные адъективами

Отадъективные дериваты составляют 14 % от общего количества окказиональных субстантивов, что в два раза превосходит аналогичные дериваты в словотворчестве детей.

Для разговорной речи взрослых характерно производство отадъективных субстантивов со значением отвлечённого признака посредством

-от- и *-ость / -есть*: *Прощай/ жара! Здравствуй/ холоднота!*; *У меня сегодня какая-то вялота// Ничего не хочется делать//; Свежота!* (о свежем воздухе); *Боже мой, в такую дальноту да ещё туда и обратно на мотоцикле! Я бы и на КАМАЗе струсил...; Ценник зависит от уровня барыжности сервиса...; Тебя хоть сколечко смущает дырявость твоего носка?; Британцы и отличаются своей плюшевостью//* (о котах) и т. д. В качестве аналога может выступать слово, употреблённое в том же контексте, что ведёт к продлению словообразовательного ряда: *а у нас только жаркота и духота ... даже ветерочка нет...; Я её недолюбиваю не за жадность/ а за её постоянную недовольность//; Давай скороговоркой проверим степень твоей трезвости/ вернее/ пьяности//* и др. Данная группа окказионализмов с функциональной точки зрения неоднородна. Основное место в ней занимают экспрессивные дериваты, хотя встречаются и такие, в которых установка на экспрессию не выражена (ср.: *недовольность*).

Нами зафиксированы случаи образования окказиональных дериватов со значением лица как носителя определённого качества. Производящую базу данного словообразовательного типа составляют качественные имена прилагательные, называющие как внешние, так и внутренние качества (*-ак-* / *-як-*, *-ук-* / *-юк-*, *-оныш / ёныш*, *-ник*): *У меня собака-умняка// Прямым стихами заговорила//; Ого какая ты у меня длиннюка!* (в обращении к ребёнку) *Можешь не разговаривать/ сердюка//; Кто тут такой серьёзныш/ что так губки надул?* (в обращении к ребёнку); а также *шумняка, красивёныш, грустёныш, слабёныш, одарённый* и т. д. Однако, как и в детской речи, количество данных дериватов значительно уступает агентам отсубстантивной и отглагольной природы (ср.: отсубстантивные агенты – 243, отглагольные адъективы – 164, отадъективные агенты – 36).

Для разговорной речи взрослых характерно образование окказиональных дериватов, являющихся результатом компрессии адъективно-субстантивных словосочетаний. В общей сложности нами зафиксированы следующие новообразования: *горячка* (о горячей путёвке), *началка* (о начальной школе), *мутонка* (о мутоновой шубе), *докторка* (о докторской колбасе), *стропилка* (о стропильной системе), *крабка* (о крабовой палочке).

Глагольная деривация

Глаголы, мотивированные глаголами

Окказиональные глаголы в целом составляют 37 % от общего количества окказиональных дериватов, что в какой-то степени соотносится с тем, что мы наблюдаем в окказиональном словотворчестве детей.

Образование окказионализмов в области внутриглагольной деривации подчиняется тем тенденциям, которые характерны для разговорной речи в целом, независимо от возраста говорящих. В области префиксального образования окказиональных глаголов для разговорной речи, как и для речи детей, характерно использование разнообразных приставок. Нами зафиксированы следующие случаи образования глагольных дериватов посредством приставок со значением локативности (*в-, об-, при-, от-*): *Говори тише/ а то я всё равно не понимаю/ что ты мне пытаешься **вкричать** в уши//; Они всё обнюхали/ **обшуршали**// (о проверяющих); Эй/ танцорша моя/ **пританцуй** ко мне//; **Отсоли** немного фарш// Я солёные не люблю//.*

Наибольшую группу окказиональных глаголов отглагольной природы составляют дериваты со значением способов глагольного действия (начало либо окончание действия, результативные модификации действия) (70 % от общего количества отглагольных дериватов). В качестве словообразовательных формантов выступают префиксы *за-, от-, при-, до-, недо-, пере-*: *Сейчас ты у меня **запонимаешь**; Всё/ хватит/ **отревновала**//; Я как узнала про её семейку/ мне **приплохело**//; Может, где-то что-то надо **довключить**?; Как можно **недовключить** передачу?; Мне кажется для ребёнка такого возраста лучше «**недопраздновать**», чем «**перепраздновать**»; Лучше **недонаказать** или **перенаказать**?; Ты/ наверное/ тесто **недомесила**//; Ты мне чай **недосахарил**// Я же говорила/ две ложки//; Чистота! Я её / наверное/ уже слишком убрала... **перубрала**// (о квартире); Ты хочешь всех **перессорить** и **переобидеть**?; Нас так **запроверяют** до смерти// и др. К данному разряду относятся также и глаголы со значением однократного действия. Как и в детской речи, в окказиональном словотворчестве взрослых наблюдается расширение производящей базы и включение в неё глагольных основ самой разнообразной семантики (со значениями физического воздействия на объект, психического состояния, умственной деятельности и т. д.): *Я дума выкинуть но вот сень вечером отбалгарил и остался доволен, не зря **пилнул**! Теперь сделаю крепление и покрашу!; Пошёл/ **страданул** и всё// (о походе в парикмахерскую); Не каждому правда дано, но всё равно можно **мечтануть** разок в канун Нового года!; а также **прокатнуть**, **грехануть**, **готовнуть** и т. д.**

Как и в детской речи, нами зафиксированы случаи замены приставок на семантически противоположные, что свидетельствует об универсальном характере некоторых тенденций. Новые дериваты контекстуально соотносятся с их узуальными коррелятами, образуя оппозитивные пары: *Увольняйся/ потом **привольняйся**//; Компьютер завис// – Может/ ещё **отвиснет**? и др.*

Глаголы, мотивированные субстантивами

Схожесть окказионального словотворчества детей и взрослых хорошо прослеживается при анализе особенностей образования отсубстантивных глаголов, которые составляют 71 % от общего количества глагольных дериватов окказионального типа. Одним из примеров тому служат окказиональные глаголы, соответствующие схеме «предмет – действие» (92 деривата, что составляет 29 % от общего количества отсубстантивных глаголов). При этом некоторые окказионализмы являются общими для обеих возрастных групп: *бигудить*, *мясорубить* и т. д. Многие производные слова образуются посредством сложных формантов (*при-* + *-и-(ть)*, *про-* + *-и-(ть)*, *от-* + *-и-(ть)*): *пришурупить*, *приспелерить*, *прискотчить*, *приизолентить*, *промобилить* (т. е. позвонить по мобильному телефону), *пропенпластить*, *отболгарить* (т. е. отрезать болгаркой).

Помимо глагольных дериватов со значением орудийности, к характерным для словотворчества взрослых тенденциям можно отнести и образование окказиональных глаголов, называющих действие по его исполнителю (64 окказионализма, что составляет 21 % от общего количества отсубстантивных глаголов). В данном случае в качестве мотивирующей основы выступают одушевлённые существительные, называющие людей как представителей определённой профессии либо увлечённых конкретным занятием. Формантный ряд в сравнении с детской речью значительно расширен и включает разнообразные суффиксы (*-и-(ть)*, *-нича-(ть)*, а также *-ствова-(ть)*, *-ирова-(ть)*): *Кем ты будешь/ когда вырастешь? – Поваром// – И что ты будешь поварить?*; *Твой дружок привык жить за счёт баб// Когда ему уже надоест альфонсить?*; *Посмотрите на них// Опять алкогольничают?*; *Ты завтра дантируешь?* (из разговора с дантистом); а также *инженерить*, *гаишничать*, *художничать*, *воспитательничать*, *кондитерствовать* и т. д.

Формант *-нича-(ть)* в разговорной речи взрослых проявляет особую продуктивность. Посредством данного суффикса осуществляется образование окказиональных глаголов с широкой семантикой. В качестве мотивирующих основ могут выступать имена существительные, называющие продукты питания, напитки, место отдыха: *Я начала тортничать, когда сыну было 4 месяца...*; *Отбила у меня эта тёрка желание учиться «салатничать» по корейски...*; *Валерку спать укладываем и продолжаем ликёрничать, кофейничать и чаёвничать...*; *До сколько дискотетничать собираешься?*; *Мы бассейничаем всей семьей?*; а также *макаронничать*, *мороженничать*, *майонезничать*, *барничать*, *пляжничать*, *интернетничать* и др. К этой группе относятся и ранее упомянутые окказиональные глаголы, мотивированные субстантивами с агентивной семантикой (ср.: *гаишничать* и др.). Подобные новообразования являются единич-

ными в детской речи: А: *Алиса/ пойдём чаёвничать//* – Б: *Давай лучше пойдём колбасничать или котлетничать//* (≈ 3 г.)). Показательно, что новообразования данного типа образуют открытые деривационные ряды, которые могут быть продлены при необходимости.

Окказиональные глаголы со значением определённого занятия могут образовываться также и суффиксально-постфиксальным способом, иногда усложнённым префиксацией: *Надо срочно идти сушииться, шампаниться и вискиться...* (*сушиться* – т. е. есть суши); *Оконьячиваться с шоколадом и шампаниться с фруктами на Глине ж будем...*

Окказиональные дериваты могут образовываться в результате метафорического переноса, когда два объекта уподобляются друг другу посредством общего для них действия. При этом часто в качестве словообразовательной базы выступают зоонимы, а окказиональные глаголы обозначают повседневные занятия человека, связанные с приёмом пищи, сном, близкими отношениями и т. д. Некоторые новообразования этого типа основываются на ассоциациях суруго индивидуального характера: *полканировать* – есть мясо с косточки, как собака по кличке Полкан; *пусячить* – выпрашивать что-либо с жалобным видом, как кошка Пуся; *заить* – притворяться, что спишь; *мышиться* – тихо сидеть (как мышь); *тушканиить* – бездельничать; *мышаться* – обниматься; *хрючить* – спать и др.

В области префиксально-суффиксальной деривации регулярность в выборе словообразовательных моделей сопряжена с нерегулярностью, т. е., наряду с нормативными моделями, отмечаются случаи образования окказиональных глаголов по нестандартным (как правило, окказиональным) моделям. К числу регулярных можно отнести деривационную модель со значением наделения тем, что выражено мотивирующей основой: *окабелить дом, опаркетить полы, омальчишить, одевичить* и др. Окказиональные глаголы, образованные от субстантивных основ по не существующим в нормативном языке словообразовательным типам, соотносятся с соответствующими детскими по своей структуре и семантике (*на-* + *-и-(ть)* + *-ся*, *за-* + *-и-(ть)* + *ся* и др.): *Я купила себе тени/ те/ лореалевские// Завтра уже налореалюсь и буду вся такая разлореаленная//; Какой красивый сарафан/ И куда ты так насарафанилась?; И кто это так жалобно смотрит? Что надонджуанился? Ладно пошли кормить буду? (в обращении к коту); Ты весь в адидасе// Где так заадидасился?* и др. Количество подобных слов достаточно велико и составляет 16 % от общего количества глагольных дериватов.

Глаголы, мотивированные адъективами

Имена прилагательные не так активно участвуют в образовании окказиональных глаголов по сравнению с именами существительными и составляют 9 % от общего количества глагольных новообразований. Однако и здесь представляется возможным выделить некоторые типы.

Сходство с детской речью отмечается в образовании производных глаголов по так называемым окказиональным сверхмоделям, представляющим совмещение нескольких словообразовательных типов в один (у- + -и-(ть) + ся, на- + -и-(ть) + ся, раз- / рас- + -и-(ть) + ся и др.): *Она ж должна **укислиться**/ пенку пустить//* (о капусте); *Я уже 30 начинаю готовить и всё 31 готовлю, а ещё и стол собрать и ребёнка одеть и самой **накрасивиться** и так наверное у всех...; Ого, а что то принимали типа актовегина или кушали что-то чтоб **растолститься**?; Чтоб её **сквадратить** немного/ нужно тебе большое настенное зеркало//* (о комнате) и т. д. Подобные новообразования соотносятся с соответствующими дериватами из речи детей.

Адъективная деривация

Адъективы, мотивированные адъективами

Окказиональные имена прилагательные в сфере разговорной речи взрослых составляют 14 % от общего количества окказионализмов, что соотносится со словотворчеством детей (ср.: 11 %). В области внутриадъективной деривации отмечается использование в качестве словообразовательных формантов разного рода префиксов и префиксоидов (анти-, супер-, мега-, архи-): *Ох уж этот **антидождливый** прогноз//; Это не лекарственное/ а **антилекарственное** средство//;* а также ***антиполезные** профессии, **антигрустный** эффект* (о фильме), ***антирабочее** настроение, **супершкодливый**, **супердешёвый**, **суперласковый**, **суперчистоплотный*** (о питомце), ***мегажадный**, **меганаивный**, **архисочный*** (об арбузе), ***архимобильный*** (т. е. быстрый в передвижении), ***архиположительный*** и т. д. Согласно результатам настоящего исследования, достаточное развитие данная тенденция получает ближе к подростковому возрасту (ср.: ***мегаржачный** рассказ* (11 л. 6 м.), ***супервкусные** блины* (10 л. 9 м.), ***антивесёлое** настроение* (13 л.) и т. д.). Как будет показано далее, такая тенденция особенно ярко проявляется в публицистике.

Адъективы, мотивированные субстантивами

Окказиональные имена прилагательные, образованные от субстантивных основ, составляют 31 % от общего количества окказиональных адъективов. К основной группе относятся адъективные дериваты со значением отнесённости и свойственности, образованные посредством формантов *-н-*, *-ов-*, *-ск-* и др.: *санузельный счетчик, универмажный отдел, автобусовый парк, бусовый ключ, мобильский чехол, велосипедский замок, конячий шампунь, крысячий нюх* и др. Дериваты данного типа, как правило, создаются в номинативных целях. Некоторые создаваемые взрослыми окказионализмы дают основание предполагать намеренное обыгрывание новообразований, характерных для детей дошкольного возраста. В их числе, например, слова со значением принадлежности, мотивированные неодушевлёнными субстантивами: *Да жуткое дело просто! Для полноты картины скажу, что вместе с мопедкиным колесом отдавал машинкино. Там диск надо было прокатать (соответственно снять-поставить резину и отбалансировать). За оба колеса отдал 900 Р, из них 600 за мопедкино...; Принеси крышку... кастрюлину//*

Для словотворчества взрослых характерно также производство окказиональных адъективов посредством сложных формантов. При этом деривационные модели заимствуются из нормативного языка. К наиболее продуктивной относится модель с формантом *без-* / *бес-* + *-н-*: *Я сегодня безавтомобильный//; Я хочу бескартинную майку//* (т. е. без рисунка); *Ура-ура, вчера мы открыли бесшапочный сезон (и бескурточный заодно)...* Определённая преемственность между словотворчеством детей и взрослых прослеживается в производстве окказионализмов посредством приставок, трансформированных из предлогов: *А ты отблосиный ошейник повесь// Нам помог//; А: Смотреть на диске? – Нет/ изинтернетный//* (о фильме); *Да они сейчас помешаны на вконтактных знакомствах//* (о сайте «В контакте»).

В целом, несмотря на некоторые факты расширения функциональных характеристик отдельных аффиксов (ср.: *кастрюлина крышка* и др.), в сфере адъективной деривации прослеживается большая системность и регулярность в сравнении со словотворчеством детей.

Адъективы, мотивированные глаголами

Как и в случае детского окказионального словотворчества, в разговорной речи взрослых в сфере производства окказиональных адъективов доминируют отглагольные дериваты, которые составляют 48 % от общего количества окказиональных новообразований адъективной

группы. Прослеживается та же активность в производстве окказиональных новообразований со значением предназначенности либо пригодности для совершения действия, выраженного мотивирующей основой (41 дериват). Однако формантный ряд расширяется и включает аффиксы, отсутствующие в детской речи. Так, наряду с окказионализмами с суффиксом *-тельн-* нами были зафиксированы также случаи употребления суффикса *-бельн-*: *отгонятельный* клич, *будительная* мелодия, *чихательная* и, соответственно, *нечихательная* кошка (об аллергенной либо неаллергенной кошке), *тискательный* котик, *гулябельная* и *негулябельная* погода, *носибельное* платье и т. д.

Нами зафиксированы также 53 случая образования окказиональных имён прилагательных со значением склонности к совершению действия (*-уч-* / *-юч-*, *-ач-* / *-яч-*, *-лив-*): *Фу/ какой кривлючий/* (в обращении к ребёнку); *Самый спучий у нас папа//* (а также *целовучий*, *улыбучий* (о ребёнке), *писучий* (от *писать*) (о ребёнке), *мяучая* (о кошке)); *Брыкачим* девочкам здесь не место//; *Что это за просячая мордочка?*; *Где этот прятливый ребёнок!*; *Самые бегливые и прыгливые получают конфеты//* и т. д. Из вышепредставленных примеров видно, что речь взрослых ориентирована на детей либо домашних питомцев, что и вызывает подобного рода стилизацию.

Адвербиальная деривация

Данная область деривации не отличается особой активностью. В разговорной речи встречаются единичные новообразования данного типа. В качестве мотивирующих основ выступают, как правило, отсубстантивные адъективы, реже глаголы и наречия (*-о*, *по-* + *-и-* и др.): *Ты выглядишь как-то вампирно//* (т. е. с красными глазами); *Пахнет как-то машинно//*; *Не смотри так по-пусячьи//* (т. е. как кошка Пуся); *Да не кричи так глушно!*; *Зрявато я штаны сегодня не надел//* и т. д.

3.2.1.2 Сложение

Для разговорной речи характерно употребление окказиональных композитов (15 %), которые выполняют две важные для окказионального словотворчества функции: делают речь лаконичной и одновременно яркой, выразительной. Как и в детской речи, отмечается доминирование окказиональных композитов, принадлежащих к группе имён существительных (72 %). В области субстантивной деривации следует отметить особую активность в образовании окказиональных слов на основе глагольных словосочетаний.

К наиболее продуктивным относятся окказиональные субстантивы со значением лица, составляющие 54 % от общего количества окказиональных композитов. Данные новообразования выступают в роли характеризующих элементов и служат средством создания юмористического эффекта и атмосферы дружеской шутки. В качестве наиболее продуктивного выступает тип с ведущим отглагольным компонентом с формантом *-тель* (также в сочетании с суффиксом *-ница-* для выражения модификационного значения женскости) (57 слов): *вещеистребитель, соседораздражитель, конфетобожатель, червеискатель, заборостроитель, сокодавитель, посудодробительница, нервотрепательница, игрушколомательница* (о дочке) и др. Нами зафиксированы также случаи производства окказиональных композитов с нулевым суффиксом, а также формантом *-лк-*: *Хомяководом будет//* (о ребёнке); *Ты хороший жуколов//*; *Я крысовод и крысолюб*;) *И представитель клуба любителей грызунов Рокфор...*; *Работа с детьми/ это её// Она детолюб//*; *А я домоубиралка/ пылевытиралка и суповарилка//*; *Я бешеная землеройка, то есть снегокопалка...* и др.

Дериваты с орудийным значением называют, как правило, бытовые приборы и технику: *Я же купил эту соковыжималку/ как её там/ парооттягивалку//* (о кухонной вытяжке); *Это не пылесос/ а пылежеватель//*; *Купи себе стеклоётрку//* (о щётке для мытья окон) и др.

Увеличивается количество окказиональных композитов со значением отвлечённого действия либо со значением какого-либо занятия (27 % от количества дериватов данного типа). Подобные новообразования создаются посредством суффиксов *-ни-*, *-тельств-*: *Еще меня бесит неприятие школой работающей мамы – кто после уроков забирает ребёнка, тому рассказывают как и что делать дома, а кто остается на продлёнке – тот и дурак. И урокоделание до поздна с родителями... ; А: А как насчёт чая? – Б: Кто займётся чаезавариванием?; Из одобряемых мной хобби – прогулки по лесу и грибо- или ягодособирательство...; Собаководительство/ прибыльное дело//* и т. д.

Среди сложных адъективных композитов также выделяются дериваты со вторым глагольным компонентом. В качестве продуктивного форманта выступает суффикс *-тельн-*, хотя нами отмечены случаи использования и других аффиксов: *Сегодня вполне грибособирательный день//*; *Скажите, а если есть грибособирательный и черникожрательный то лесорубочный всё равно надо оформлять?..*; *То что в Ау лампочку поменять без электрика с лампочкоменятельной лицензией – это я знаю...* (о билете, разрешающем определённую деятельность в лесу); *Это не яйцежарочная сковорода//* и др.

Следует отметить, что для разговорной речи характерно довольно активное образование окказиональных композитов на основе фразеологизмов: *Тожже не люблю длительной болтовни по телефону, особенно*

«приветкагдила» или «за жисть»)) Если вижу, что звонит потенциальный **резиנותянутель**, стараюсь подольше не принимать вызов, авось передумает...; Дочь писала аккуратно и красиво, грамотно, но по матеше была невнимательная. и сейчас тоже все ошибки изза невнимательности. мечтатель и **вороносчитатель**...; Моему ребзю 8 лет уже. Но тот ещё растёт **нервопрепатель**, хотя хороший мальчик, любимый...; Чем больше времени проходит – тем больше моя паранойя, грусть, мысли, бессонницы, **соплежевание** и **слезоглотание**. Я всё больше отстраняюсь от людей...; Новые сапожки, джинсики становятся малозаметными на фоне сидения дома весь день, ладно, если б с пользой (на носу курсовик, лабораторная, да и обычные домашки), а неет, **мухо-** и **вороносчитание** правят миром, точнее мной...; Это настоящее **мозгозапудривание** и **мошенничество**// и др. Хорошо прослеживается игровой характер выше представленных окказиональных композитов, созданных с установкой на шутку.

3.2.1.3 Аббревиация и усечение

Основную группу сокращённых слов в разговорной речи взрослых составляют окказиональные усечения по аббревиатурному типу (62 % от общего количества окказионализмов данной группы): **фоль** (от Фольксваген), **магазин** (от магазин), **дез** (от дезодорант), **тел** (от телефон), **выхи** (от выходные), **соба** (от собака), **абори** (от абориген), **сэн** (от сенбернар), **лабр** (от лабрадор), **хоз** (от хозяин), **спан** (от спанбонд).

Группа аббревиатурных окказионализмов представлена слоговыми (например, **спокночь**, **перзамгендир** (от первый заместитель генерального директора), **жебра** (от жена брата) и др.), а также инициальными новообразованиями буквенного подтипа (например, [бэбэ] от большой босс – о начальнике, [эмбэ] от маленький босс – о заместителе, [бэдэ] от будние дни, [эмче] от молодой человек и др.).

Окказиональные сокращения могут создаваться в определённой группе, объединённой каким-либо занятием, и активно поддерживаться её участниками, приобретая статус окказиональных жаргонизмов. Так, участники виртуального клуба любителей вязать пледы из отдельных квадратиков изобрели новую лексическую единицу **ква** вместо квадрат: А: Спасибо, дорогая, что ты была терпелива и настойчива, твои **ква** очень удачно впишутся в мой чудесный плед. – Б: – Девочки, всем кто со мной были в январе всем выслала **ква**, ждите. – В: Оля, заканчиваю твой **ква** в ирландской технике, это будет моя первая работа, вяжу его третью неделю. – Г: Девочки Москвички! Может кто знает, что случилось с Козявкой? Может она заболела? Мои **ква** для неё вернулись за невостробованностью. Подскажите, будет ли она ещё играть с нами.

*А то у меня два квадратика лежат и не знаю, что с ними делать. – Д: Ага и у меня по поводу Козявки вопрос, один **ква** я тоже ей связала уже. – Е: Договор остаётся в силе, надо только найти твои **ква**, а то мы их уже далеко запрятали... и т. д.*

Показательным в данном отношении является так называемый мамский язык, сферой функционирования которого являются женские группы, объединённые идеей материнства. В рамках подобных сообществ создаются разного рода окказиональные дериваты, в числе которых большое количество составляют аббревиатурные новообразования, а также окказиональные усечения. Например: А: Для **ре** [сокр. от ребёнок – И. К.] полезно участвовать в обычной жизни <...> – Б: **Ре** спит в кроватке, но в одной комнате со мной <...> – В: Если это хорошая, спокойная ночь, дневные сны хорошие, и **ре** хорошо себя чувствует – зачем ломать то, что работает...; А: Удалось **заБ** [сокр. от забеременеть – И. К.] сразу начала **дюф** [сокр. от дюфалак – И. К.] и пила до 16 недели (в 12 начала плавную отмену, т.к. резко нельзя) <...> – Б: я **заБ** вторым в июле, а **Ро** [сокр. от родиться – И. К.] сентябрёнок <...> – В: Если **заБ**, то буду рожать второго... и т. д. Как видно из представленных примеров, усечению могут подвергаться и глагольные основы.

Особой продуктивностью в коллективах (трудовых, ученических и т. д.) пользуются сложные сокращения имён собственных (Ф.И.О. начальников, преподавателей и т. д.): [**ГаФА**], [**ЭнЭн**], [**ОА**], [**ЮЮ**], [**АВэ**] и т. д. При этом многие образования могут иметь созвучие с хорошо известными словами: [**ЭсЭс**] (от Светлана Сергеевна; т. к. была строгим преподавателем немецкого языка), а также [**ЭрБэ**], [**ИА**] и др.

3.2.1.4 Окказионализмы, образованные не характерными для языкового узуса способами

В разговорной речи взрослых продолжается тенденция к образованию слов способами, не характерными для нормативного языка. По нашим данным, количество новообразований этого типа в речи взрослых в процентном соотношении несколько уступает тому, которое отмечено в детской речи (ср.: 13 % – в детской речи и 4 % – в разговорной речи взрослых). Это можно объяснить тем, что словотворчество взрослых в данной области является более свободным от случайных аналогий.

Тем не менее, среди подобных новообразований, создаваемых взрослыми, встречается немало примеров окказионализмов, во многом подобных детским. Среди новообразований по типу контаминации это такие слова, как **безбардак** (беспорядок + бардак), **защёчина** (затрещина + пощёчина), **негодец** (негодяй + подлец), **топораты** (топоры + лопаты) и т. д. Подобные «гибридные» слова в большинстве случаев можно

расценивать как оговорки, которые замечались самими говорящими и тут же исправлялись: **Безбардак!** – возмутилась однажды моя подруга, смешав слова «бардак» и «беспорядок». Теперь мы так и говорим; Я тут недавно оговорилась – вместо топоры и лопаты сказала **топораты**. Мои друзья ржали как кони и т. д.

Однако в речи взрослых встречаются и преднамеренные новообразования, целью которых является создание юмористического эффекта и атмосферы дружеской шутки: *А ещё я его называю иногда, когда он меня обижает, **третатор**, от слов диктатор и третировать; Я с этой работой скоро совсем **одичахну!**; Один мой знакомый сочинил слово **ГДЕНЬГИ?!** (именно так, с вопросительным и восклицательным знаками). А что, часто вместе встречается...; Когда дочка была маленькой, я её называла – **Клопушонок**. Потому что маленькая, как клопик, и шустрая, как лягушонок.*

Близким по своим задачам к контаминации является приём рэтимологизации, которая может проходить как неосознанно, так и намеренно. В первом случае прослеживается определённое сходство с детской речью. Как правило, непреднамеренное создание окказионализмов можно приравнять к ложной этимологии, которая объясняется тенденцией к неосознанному поиску признака, объясняющего, по мнению говорящего, звуковой облик слова. Звуковое подобие элементов часто преобладает над смысловым: **пантруссы** (о памперсах), **пододевальник** (о пододеяльнике), **скреплер** (о степлере) и т. д. Ср.: *А моя бабулечка старенькая-престаренькая (94! в этом году будет) никак не могла выговорить слово «памперсы», когда младший мой рос. Она их называла «панцири» или «пантруссы». И мы за ней стали так говорить!*

В рэтимологизированных окказионализмах второго типа моделирование отношений словообразовательной производности можно расценивать как стилистический приём, порождающий образность и экспрессию: *А: кофе – это удовольствие...максимум чайными кружками... – Б: А если чайниками? Кто откажется от удовольствия? НЕ ЗАКОРИЧНЕВЕТЬ БЫ! ТО ЕСТЬ – НЕ ЗАКОФЕ-РИЧНЕВЕТЬ! (как вам игра слов?); А вообще грызуны – суперррр! Особенно крысики! **КРЫСота** – страшная сила! Спасибо владельцам, кто привез своё **крысостадо** на выставку!; Блин, так смеялась, чуть чай из носа на рабочий стол не полился у меня например <...> **зряплата** – зарплата...; Вози в машине **режницы**. приехала – перерезала цепочку, и усе дела) кто спросит – так и былО... (о ножницах) и т. д.*

Интересным является приём создания контаминированных окказионализмов на основе рэтимологизации одного из элементов узуального слова: *Кофе в приглядку. Посмотрел и... не напился. Пойду варить, **воплоКОФЕть** Всем доброго утра и ароматного кофе!* В данном примере своеобразному «преобразованию» подвергается глагол *воплотить*,

где слог *ти* ассоциируется у говорящего с английским словом *tea* – русск. *чай*. Далее происходит замещение ретимологизированного элемента на тематически релевантный компонент *кофе*.

В ходе исследования нами были зафиксированы случаи перехода в лексикон взрослых контаминированных и ретимологизированных окказионализмов из детской речи: – *Предлагаю мужу открыть консервированные ананасы: – Давай банку ананасов откроем? – Сынуля (3 года), услышав, тоже подключается: – Я тоже **банконасы** хочу! – Теперь так и зовем этот экзотический фрукт...; Слова и выражения от дочери, тоже используются всей семьёй <...> **гудильник** – будильник...; У соседской 3хлетней девочки была футболка с жирафом, она называла этого жирафа «**жираблюд**», девочка 21 июля уже вышла замуж, а жирафов с тех пор мы так и называем **жираблюдами**... и т. д.*

Как и в случае детского окказионального словотворчества, в речи взрослых ретимологизации могут подвергаться имена собственные. Данные дериваты выступают в качестве образных и экспрессивных единиц и служат средством характеристики: **Блуднёв** (от *Руднёв*), **Гнидовна** (от *Кронидовна*), **Наждак Гуталинович** (от *Аджар Муталлинович*), **Падлыч** (от *Павлович*), **Домкратов** (от *Панкратов*), **Деньгисович** (от *Денисович*) и др.

В разговорной речи взрослых, как и в детской речи, нами отмечаются факты создания гибридных новообразований посредством комбинирования нескольких способов деривации, однако их количество незначительно. Ср.: *А я с большой симпатией отношусь к кошкам. Отсюда и словечки в домашнем обхождении: **склубковертеться, заclubковернуться** – улечься, уютно свернувшись в клубочек (не только о кошках, но и о людях). Я устала, мне бы сейчас к тебе **приclubковертеться** и спать.*

3.2.2 Окказионализмы и контекст

Функционирование окказиональных дериватов в тексте в сфере разговорной речи взрослых имеет много общего с тем, что мы наблюдали в словотворчестве детей, что объясняется, прежде всего, самим характером протекания речевой деятельности в условиях непринуждённого взаимодействия двух и более коммуникантов. Появление окказиональных дериватов в тексте в большинстве случаев обуславливается контекстом: А: *Когда она бесхозная была/ ты с ней не играл//* – Б: *Иди ко мне/ **бесхозник!***

Контекстуальные связи могут быть самые разнообразные. Например, окказиональный дериват может соотноситься с обуславливающей его появление единицей лексически и структурно. Ю. Н. Шаталова в этом случае выделяет актуализацию лексическую корневую и лексическую

структурную [226, с. 16]. В первом случае определённая лексема выступает в дальнейшем в качестве мотивирующей основы, порождая однокоренное новообразование. Ярким тому примером является производство отглагольных либо отсубстантивных агентивов: А: *Я сейчас угадаю!* – Б: *Угадывальщик мне!*; А: *Я тогда из дома уйду//* – Б: *Уходи/ уходник!*; А: *Я хромаю целый день/ а мне за картошкой идти?* – Б: *Ой/ нашёлся мне хромач!*; А: *Я пойду кататься на лыжах//* – Б: *Иди/ катаник//*; А: *Я в планшет поиграю//* – Б: *Иди сюда/ планшетник//*; А: *Я вас отучу от компьютера//* – Б: *Отучальщик//*; А: *Мы пошутили//* – Б: *Шуточки!*; А: *Я буду встречать тётю Таню//* – Б: *Тоже мне встречальщик//*; А: *Я сама поджарю//* – Б: *Успокойся// Тоже мне поджарщица//* и др. Из данных примеров видно, что окказиональные новообразования создаются в качестве ответной реакции на реплику-стимул собеседника, которая содержит мотивирующую основу. Ответная реплика выражает критическое отношение говорящего к только что услышанному, а окказионализмы в подобных случаях наделяются дополнительной коннотативной семантикой иронии.

Достаточно актуальным для словотворчества взрослых, как и для словотворчества детей, является упомянутое нами стремление к выражению противоположного значения. Как правило, подобные дериваты создаются в устной речи и являются немедленной реакцией на реплику собеседника: А: *Всё/ недоступно//* – Б: *Сейчас достигну!*; А: *Ты/ старый пень!* – Б: *А ты/ что/ молодая? Ты тогда пниха!*; А: *Глухомань/ а не ребёнок!* – Б: *А ты тогда кто?* – А: *А я умномань//* и др.

Показательным для разговорной речи взрослых является образование рядов с целью придания речи большей экспрессии. Наибольший интерес представляют зафиксированные нами случаи совместного словотворчества: А: *Я куплю себе четвёртый и буду айфониться//* – Б: *Айфоницики/ успокойтесь уже/ а то все перейфонитесь//*

Согласно нашим наблюдениям, подобное явление наиболее ярко проявляется в сфере Интернет-коммуникации. Разными участниками общения поддерживается языковая игра, в которой они соревнуются в оригинальности выражения мысли. Вот характерный пример из общения на Интернет-форуме: А: *Срочно женюсь. Или усыновлюсь.* – Б: *Вас, просто из вредности, могу только удочерить...* – А: *А улепянить?* – В: *Лучше уматерить да и дело с концом...* – А: *Ну, хоть увнучить... увнучатить...* – В: *Да уж хоть ужучить, и то хорошо. Лишь бы согласилась.* – Г: *Возьмите уж его, а то он так и до Жучки дойдёт...* Из данного примера видно, что одним из собеседников был начат словообразовательный ряд окказиональных глаголов по модели у- + N + -и-(ть), который в процессе общения и обсуждения пополняется другими окказиональными единицами. Единый контекст формируется из отдельных реплик, продуцируемых всеми участниками общения.

Приведём выдержку из Интернет-переписки, где связующим звеном словообразовательного ряда выступает формант *-тель* (также в сочетании с *-ниц-*): А: *Ребёнок – это вечный двигатель, а ещё дрыгатель, прыгатель, скакатель, кусатель, обниматель и крепко целователь.* – Б: *О, этот список можно продолжать почти до бесконечности: танцеватель кричатель выбрыкиватель поёт капризничает непонятно говорителю ночью будителю кота за хвост трогателю в дверь стучателю бегателю падать любителю из ванны воду пителю и много другое...* – В: *Тожё очень хочется добавить: Посудо-дробительница Нерво-трепателюница Игрушко-ломателюница Детей-избивателюница.* – Г: *Чапаляпель, дельфинозвукывадаватель, вещеистребитель, вымогатель, лепетатель, соседораздражитель, стихоплётелю, оратель, конфетобожатель.* Перечисленные в данном речевом фрагменте окказиональные агентивы имеют отглагольную природу и характеризуют детей по выполняемым ими действиям. В качестве производящей основы выступают как отдельные глаголы, так и глагольные словосочетания.

В основу подобного коллективного словотворчества может быть положена не только конкретная структура, т.е. модель, что было продемонстрировано выше, но и лексическая единица, определяющая тематику последующего окказионального словотворчества. На тему потребления кофе нами были зафиксированы следующие окказионализмы: А: *кофе – это удовольствие... максимум чайными кружками.* Б: *А если чайниками? Кто откажется от удовольствия? НЕ ЗАКОРИЧНЕВЕТЬ БЫ! ТО ЕСТЬ – НЕ ЗАКОФЕ-РИЧНЕВЕТЬ! (как вам игра слов?).* В: *Кофе в приглядку. Посмотрел и....не напился. Пойду варить, воплоКОФЕть Всем доброго утра и ароматного кофе!* Б: *Да, интересные мы здесь словечки запускаем! Называется – вариации, на тему "кофе.."Привет всем! Хоцца так кофе с колбаской! Пойду КОФЕ-ЛБАСИТЬ! Чтобы потом БУТЕР-КОФИТЬ...* Г: *Привет, Всем! Я только что приняла дозу КОФЕшокоЛАДНУЮ! Получила настоящее Шокоудовольствие!!! Кофе испито! Колбаской заедено! Это Татьяна не делится.. Вредина! Пен воплощает кофе в приглядку! А я всем на зависть жую Шоколадку!!!* Д: *Кофемания кофепития Организм кофенедонасыщенный Сочиняет стишки кофеманские (слог, конечно, кофперенапыщенный) и т. п.*

Таким образом, можем заключить, что окказиональное словотворчество является важной составляющей современной языковой личности даже в условиях повседневного общения. Факты подобной коллективной игры, основывающейся на соревновании в степени оригинальности выражения и остроумии, являются ярким доказательством развития у человека творческого отношения к слову, что в целом характерно для публицистов и писателей.

3.3 Процессы окказионального словотворчества в книжной речи

При рассмотрении окказионального словотворчества в книжной речи основное внимание было уделено таким областям, в которых данный процесс протекает наиболее интенсивно, т. е. речи публицистических и поэтических жанров. Частично привлекались материалы и из художественной прозы.

В отличие от разговорной речи, характеризующейся непринуждённостью и отсутствием строгой нормированности, в книжных стилях не допускается стихийность и недостаточная осознанность, в том числе и при образовании окказиональных дериватов.

Сближаясь по ряду признаков, включая экспрессию, эмоциональность и образность, с поэтической речью, публицистика отличается от неё функцией воздействия, направленной на формирование определённых убеждений. Этим обуславливается такая особенность публицистики, как оценочный характер её экспрессивных и образных средств и чёткое размежевание оценочности по двум полюсам: положительное и отрицательное. Данная специфика распространяется и на создаваемые публицистами окказионализмы, которые наполняют тексты самых разнообразных публицистических жанров: пародии, фельетоны, сатирические комментарии, статьи информативного и аналитического характера, журналистские расследования, обзоры и др.

Подобная активность словотворческой деятельности в публицистике рассматривается учёными в аспекте жанрового взаимодействия и объясняется тенденцией к снижению стиля и фельетонизации средств массовой коммуникации [191, с. 671]. Установка на оценочность, наряду с присущим публицистическому стилю частым использованием штампов и клише, предопределяет чётко выраженный серийный характер окказионального словотворчества, что ведёт к созданию однотипно построенных рядов, включающих как одни окказионализмы, так и их узуальные аналоги и корреляты.

Приступая к рассмотрению окказиональных деривационных процессов в публицистике, отметим, что в качестве основных источников материала использовались статьи из ведущих российских и русскоязычных белорусских изданий за период 2009–2015 гг. («Советская Белоруссия», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Московский комсомолец», «Российская газета», «Литературная газета», «Труд 7» и др.), пародийные тексты и фельетоны из уже указанных изданий, а также юмористических ТВ передач («КВН», «Шоу Уральских пельменей», «Время Г», «Вечерний Ургант»). Использовались также публицистические

материалы индивидуальных изданий (произведения Т. Москвиной, А. Вассермана, М. Задорнова).

3.3.1 Окказиональное словотворчество в публицистике

3.3.1.1 Способы окказионального словопроизводства в сфере публицистики

Как и в других речевых сферах, наибольшее количество окказионализмов в публицистических жанрах относятся к группе аффиксальных. Посредством данного деривационного способа образуются окказиональные субстантивы, глаголы, адъективы, наречия. Наряду с превалированием аффиксальных дериватов, значительно увеличивается удельный вес окказиональных композитов, в том числе и тех, которые образованы способами, не характерными для узуса (рисунок 3.2).

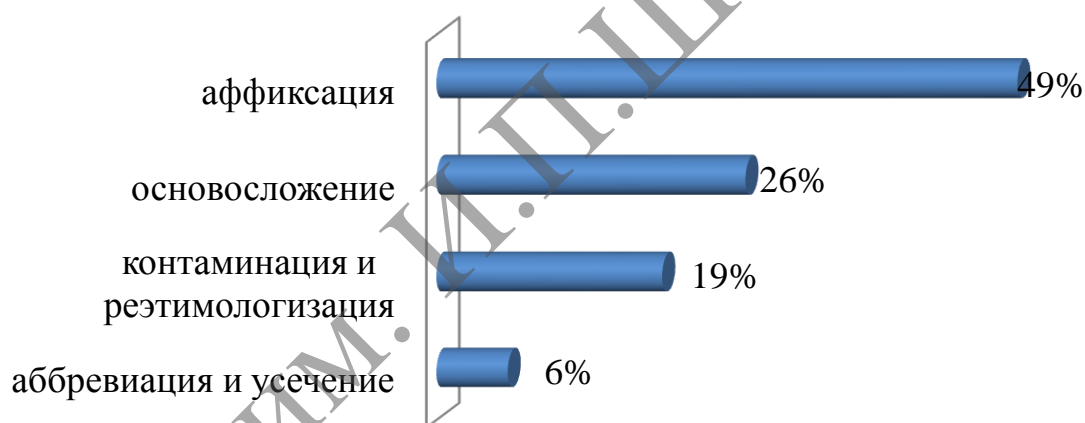

Рисунок 3.2. – Процентное соотношение способов окказиональной деривации в публицистической сфере

Аффиксация и её виды

Субстантивная деривация

Преимственность окказионального словотворчества отчётливо прослеживается на материале окказиональных имён существительных, которые, так же как и в рассмотренных речевых сферах, доминируют в процентном отношении и составляют 46 % от общего количества аффиксальных окказионализмов.

В сфере внутрисубстантивной деривации наблюдается производство деминутивов с суффиксами *-ик*, *-ушк-*, *-чик*, *-ишк-*, *-к-*, которые могут

относиться как к группе агентов (*какой-нибудь бонапартик, очередная звездушка с очередным звездунчиком, кумирчики, оловянные прокурорчики, депутатишки* [17, с. 9], *вождишко* [133, с. 7] и т. д.), так и к группе неагентивной лексики (*гламурная элитка, законы и закончики, парламентишко* [17, с. 9] и т. д.). Употребление подобных лексических единиц в публицистических текстах обуславливается оценочной направленностью публицистики. Подобные окказиональные дериваты, как правило, передают отрицательно-оценочные коннотации, а эффект уничижительности усиливается при параллельном употреблении деминутивов и их стилистически нейтральных недеминутивных коррелятов (ср.: *законы и закончики*).

Включённость окказиональных деминутивов в устойчивые словосочетания повышает их экспрессивность, а также наделяет данные новообразования тропеическими качествами: *Генеральчик для битья: для показательной порки за сокрытие доходов выбрали военного из глубинки...; Братец Айфонушка: 4 апреля в продажу поступил смартфон МТС Glonass 945*. В последнем случае наблюдается олицетворение неживого объекта.

Группу агентов составляют также новообразования со значением женскости, образованные посредством самых разнообразных формантов, которые характерны как для разговорной, так и книжной речи (*-ин'-, -к-, -ш-, -их-, -есс-*): *pornoграфиня, теннисёрка* [192, с. 11], *фронтмениш* [192, с. 11], *Весиха* (о женщине, рождённой под созвездием Весы [17, с. 19], *дукесса* (от англ. *duke – граф*) [17, с. 19].

Окказиональные субстантивы могут образовываться и посредством других аффиксов (*-ух- / -юх-, -ак / -як* и др.), характеризующихся сниженной, часто грубой, стилистической окраской, свойственной, как правило, разговорной речи: *новостюха, гламурняк, пожарюги, договорняк* [173, с. 13], *марксюк, лениняка* [97, с. 11]. Стилистический эффект усиливается, если окказионализм соотносится по звучанию с хорошо известным словом (ср.: *гимнюк* – о создателе гимна) [75, с. 217].

В материалах газетно-журнальной публицистики достаточно широко представлены упомянутые в предыдущем разделе окказиональные дериваты с суффиксами *-щин-* и *-изм.* Количество подобных окказионализмов в публицистической речи значительно возрастает и составляет 24 % от общего количества окказиональных имён существительных отсубстантивной природы (ср.: 9 % – в разговорной речи взрослых), а в качестве мотивирующей основы в большинстве случаев выступают имена собственные. Такие новообразования, как правило, обозначают определённые социальные и политические явления и содержат в себе ярко выраженные негативно-оценочные коннотации: *сердюковщина, кёнигсбергщина, голливудщина, киркоровщина* (о стиле исполнения в музыке), *полный сериализм, торжество киприотизма,*

юлизм (от *Юля*), *голлизм* (от *де Голль*) [17, с. 18]) и др. Истоки подобных новообразований можно найти уже в литературе XIX века, например, в романе И. А. Гончарова «Обломов» (ср.: *обломовщина*).

Аналогии между окказиональным словотворчеством публицистики и разговорной речи прослеживаются и в производстве окказиональных субстантивов способом префиксации. Как и для разговорной речи детей и взрослых, для окказионального словотворчества в сфере публицистики характерно выражение значения противоположности. В качестве продуктивных формантов выступают приставки *не-* (32 случая) и *анти-* (47 случаев): *невстреча, нераспад СССР, немиллионеры, небомжи, неновеллист, нероманист, неэссеист, антифутбол, античудо, мужские антипобеды, фантастическая антижизнь* и т. д. Распространены также новообразования с приставками *пере-* и *недо-* со значениями избыточности и неполноты (36 случаев): *авитаминоз от перехудания; переукрепление рубля; ... грозя в сторону Москвы покрасневшим от «недоотопления» кулаком...; а также недопринцесса, недокниги, недомирие* (ср.: *перемирие*) и др. При этом эффект противопоставления усиливается, когда данные префиксы употребляются в рамках одного контекста, что мы уже наблюдали при анализе аналогичного процесса в разговорной речи взрослых: *Это перегиб или недогиб?; Недострой по переплану* и т. д. Подобного рода новообразования в целом отражают особенность современного словообразования [178, с. 41].

К характерным особенностям внутрисубстантивной деривации в сфере публицистической речи относится образование новых слов посредством разного рода префиксоидов (32 % от общего количества окказиональных имён существительных отсубстантивной природы). Употребление подобных словообразовательных элементов отмечалось в речи детей, как правило, школьного возраста, а также в разговорной речи взрослых. В публицистической сфере ряд данных формантов значительно расширяется, и многие из них наделяются ярко выраженной оценочной семантикой (*псевдо-, лже-, квази-, кибер-, гипер-, мега-, микро-, авто-, евро-, кино-, теле-* др.): *псевдозолото, псевдоСССР, псевдоучебники, студенты-лжевыпускники, квазиэтнос, мегавыборы, мегапремии, микрополномочия, наноуспехи, автотромб* (о пробках на дорогах), *евротрёнка, евросердце, евросказки, еврояичница, киноначальники, киногнуки, теледеление* (о предпочтении, отдаваемом тем или иным партиям). В образовании подобных окказиональных рядов отражается тенденция к созданию разного рода клише или штампов. Окказионализм может включаться в выражения идиоматического характера, например: *по щучьему кибервелению, по щучьему киберхотению...; бред нанокобылы: на научный форум с участием президента пробрались шарлатаны...*

Неменьший интерес для нашего исследования представляют окказиональные отглагольные агентивы, характерные для словотворчества

всех категорий носителей русского языка. В качестве наиболее продуктивного форманта выступает суффикс *-тель* (19 % от общего количества отглагольных субстантивов): *бумажные обустроители жизни, пожинатель премий, задаватель антикоррупционных вопросов, реабилитатели нацизма в России, лишние согласователи, понимабель, водрузитель* (пример А. В. Страмного [192, с. 11]) и т. д. Специфика окказиональных субстантивов данного типа заключается в том, что большинство таких новообразований соотносятся с определёнными профессиями и являются синонимами к имеющимся нормативным наименованиям. Однако если в речи детей большая часть подобных окказионализмов не несёт никаких дополнительных смыслов, а выступает в качестве исключительно номинативных единиц (ср.: *мытель, рубитель* и др.), то в речи взрослых они способны создавать комический эффект и использоваться в качестве средств характеристики людей определённой профессии. Нами также зафиксированы случаи производства подобных агентивов посредством других формантов: *решалы и оборотни, западные финансуны, дойщики и сутенёры*. Особенно выделяются окказионализмы, соотносимые с детскими и по структуре, и по семантике, что также создаёт юмористический эффект: *плевака, пинака, щелбаняка, хороняка* (от *хоронить*), *коммуняки-расстреляки* и т. д.

Среди отглагольных субстантивов также следует выделить дериваты со значением отвлечённого действия, которые абсолютно доминируют среди новообразований отглагольной природы (73 % от общего количества отглагольных субстантивов). Наряду с формантом *-ниј-* (ср.: *уползание на четвереньках, непринужденное припадание к стопам сказочной царицы*, и т. д.), достаточной продуктивностью в образовании дериватов вышеуказанного семантического типа характеризуется несвойственный ни речи детей, ни разговорной речи взрослых суффикс *-ациј-* (иногда в сочетании с префиксом *де-*) по причине его книжной маркированности. При этом отмечается интерес публицистов к использованию имён собственных в качестве мотивирующих основ, где промежуточным звеном выступают окказиональные глаголы: *При умеренном употреблении Куценко вполне возможен на экране – но тотальная «куценкизация» экрана становится невыносимой...; Да пусть вся Франция подвергнется диснейлендизации и алжиризации...; а также майданизация, саакашвилизация, дегазманизация вокзалов* (от *Газманов*) и т. д. Ярко выраженный сатирический эффект создают дериваты, образованные посредством иноязычных аффиксов. Подобные новообразования употребляются, как правило, в пародийных жанрах: *шпионинг, пистолетинг, шмонинг, душинг, чемоданинг, свалинг*.

Окказиональные имена существительные, мотивированные адъективными основами, характеризуются в большинстве случаев абстрактной семантикой и образуются, как правило, посредством форманта

-ость / -есть, часто используемого также в разговорной речи детей и взрослых. В качестве производящей базы выступают относительные имена прилагательные и причастия, которые в целом характеризуют публицистическую речь: *чрезмерная хлебность котлет, отрываемость пластыря, лицензионность программы, порнографичность искусства, взлётность власти* и т. д. Подобные новообразования могут выступать в качестве элементов словосочетаний, соотносимых с узуальными фразеологизмами: *Победность не порок: 7 мая ведущее мировое агентство Associated Press исправило свою, пожалуй, самую громкую ошибку. Оно посмертно реабилитировало журналиста, который был уволен в 1945 году за то, что сообщил о победе над Германией...; Раздвоение личности: в России прошли массовые митинги сторонников и противников кандидата в президенты* и др.

Глагольная деривация

Как и в ранее рассмотренных речевых сферах, в публицистических текстах окказиональные глаголы значительно уступают в процентном отношении в сравнении с окказиональными субстантивами и составляют 22 % от общего количества аффиксальных новообразований. Среди группы глагольных дериватов абсолютно доминируют новообразования со значением способов глагольного действия (69 % от общего количества окказиональных глаголов). В качестве продуктивных формантов выступают приставки *об-, от-, за-, до-, вы-* со значениями завершения действия, его избыточности, превышения некоторых разумных пределов: *И даже уговорили Путина зайти как-то в аптеку и перед телевизионной камерой попросить арбидол и отрекламировать его: мол, помогает для иммунитета даже ему; Отреформатировали: как «Единая Россия» меняла лидера, устав и принципы (название статьи); ... поскольку страна (и государство, и корпорации, и народ) уже закредитованы по полной программе; Почему в России при социализме верхушка <...> переродилась, испортилась, заелась, обворовалась, обнаглела...; Правда, по тем же слухам, в последнее время немало новых фанов появилось у Абрамовича. Они искренне им восхищены. Вот это действительно бизнесмен! Какие каждый раз небанальные и остроумные способы находит, чтобы дообобрать и без того неоднократно выжатую реформаторами Россию!..* Перечисленные глаголы выражают значение явно негативного характера. Выразительность подобных новообразований усиливается в результате включения их в конструкции экспрессивного синтаксиса: *Армию модернизировали-модернизировали, да не вымодернизировали!* (ср.: корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали).

Для публицистических текстов также характерно активное употребление словообразовательных формантов со значением неполноты действия (в общей сложности 37 дериватов): *недосложившаяся судьба, недоистраченные бабки, недострахованные американцы, недоприватизировать*. Подобные дериваты сближаются с теми, которые были отмечены нами в сфере разговорной речи, однако в публицистических текстах данные новообразования употребляются, как правило, в форме причастий.

Структурное сходство с аналогичными дериватами из разговорной речи отмечается также и у отыменных глаголов, образованных посредством сложных формантов *о-* + *-и-(ть)*, *об-* + *-и-(ть)*, *от-* + *-и-(ть)*, *о-* + *-и-(ть)* + *-ся*. В публицистических текстах они, как правило, выражают значение изменения социального статуса лица, должности, политических взглядов, нравственных качеств и относятся к группе глаголов состояния (по Т. В. Матвеевой): *опрезидентить, оманкуртить, отгламурить* (от *гламур* – т.е. *роскошь, привлекательность*), *одемократиться*. Высокую степень образности и экспрессии выражают новообразования, мотивированные именами собственными: *То есть именно в передаче Вульфа они и обнаружались. «Мой серебряный шар» <...> это, собственно, последний приют романтизма на ТВ. Не всякая судьба имеет шансы попасть в «серебро» и, так сказать, преобразиться и «овульфиться»; Попытки ещё большие «обарселонить» сборную Испании предпринимаются постоянно...*

Аналогия с окказиональным словотворчеством в сфере разговорной речи детей и взрослых прослеживается и при образовании других групп окказиональных глаголов по моделям генерализованного типа: *Сборная России всех отмедалила* (ср.: *Совсем отберёзил*// (5 л.) (после выполнения гимнастического упражнения берёзка)); *Заикрились: красная икра в ноябре подешевеет на 100 рублей* (из названия статьи) (ср.: *Солнце за тучки затучилось*// (2 г. 8 м.)); *Побарбосил и бросил: как решить проблему домашних питомцев, выброшенных на улицу?* (ср.: *Пришли куры/ поклевали/ пришли гуси/ пощипали/ пришёл верблюд/ поверблюдил*// (5 л. 5 м.)) и т. д.

Адъективная деривация

Рассмотренные нами публицистические материалы показывают, что адъективные новообразования занимают в ней большое место, в то время как в речи детей и в разговорной речи взрослых их количество невелико (ср.: 11 % – в речи детей, 14 % – в разговорной речи взрослых, 27 % – в публицистических текстах). Это можно объяснить тем, что в книжных стилях, включая публицистику, удельный вес адъективов по сравнению

с другими частями речи достаточно высок [12, с. 111]. В качестве производящей базы окказиональных имён прилагательных выступают адъективные, субстантивные и глагольные основы, с помощью которых образуются дериваты с самой широкой семантикой: со значениями отношения к какому-либо лицу, сравнения, сближения с чем-либо, с указанием на временные отношения и др.

Несмотря на количественное преобладание, окказиональные адъективы соотносятся с соответствующими им дериватами из разговорной речи детей и взрослых. Это окказиональные новообразования с формантами *-н-*, *-ск-*, *-овск-* (67 случаев, что составляет 26 % от общего количества окказиональных адъективов): **Трансжирная** проблема: *производителей продуктов обяжут писать правду?*; **Коровная** месть: *производство молока в регионах может сократиться на треть...*; **Блудный** сын: *диеты предков могут навредить здоровью потомков...*; а также **прохоровские** программы; **портосовский** стиль (*дерусь, потому что дерусь!*), **копьевский** курс, **оскаровский** комитет и др. Как видно из приведённых примеров, в качестве мотивирующих основ в большинстве случаев выступают имена собственные. Некоторые окказионализмы соотносятся с известными идиоматическими выражениями, за счёт чего их образность значительно усиливается (ср.: *кровная месть*, *блудный сын*). В роли производящих основ могут также выступать и аббревиатуры: **ДНКовская** загогулинка-извилинка.

Определённые соответствия прослеживаются также и в группе отглагольных адъективов, образованных при помощи форманта *-тельн-*, характерного для окказионального словотворчества детей и взрослых в сфере разговорной-бытовой коммуникации: **Списательная** операция: *из-за ужесточения оценки рисков приостановился рост банковского кредитования...*; **Утопительный** сезон: *Дальний Восток рискует встретить холода в неотопливаемых домах...*; **Убирательная** кампания: *оппозицию вытесняют с площадей на участки для голосования...*; **Выживательная** позиция: *Никита Аронов познакомился с людьми, деятельно готовящимися к самому худшему...*; **Отключительный** момент: *Киев отказался от скидки на газ в 100 долларов, сегодня «Газпром» может приостановить поставки на Украину...* и др. Юмористический эффект усиливается включённостью данных дериватов в устойчивые словосочетания. Ср.: *спасательная операция*, *отопительный сезон*, *выжидательная позиция* и т. д.

Характерной тенденцией для публицистической речи является образование окказиональных форм компаратива и суперлатива. В качестве мотивирующих основ выступают относительные имена прилагательные (нередко окказионального характера), а также имена существительные. В этом отношении подобные новообразования внешне напоминают детские, хотя и значительно отличаются от них наличием определённых

стилистических функций: *Оказалось, раз живёшь по законам джунглей и воображаешь себя персонажем мира животных, так и не ропщи, если нашлась и на тебя управа: хищник позубастей и закон **подджунглистей**...; ... я вас как-то назвала «**наипрезидентнейшим** из президентов». Это я намекала на фильм «Королевство кривых зеркал»...; Например, я не понимаю, почему у нас гегемоном считается пролетариат. В то время как у нас гегемон – сфера обслуживания. Причём чем дальше, тем гегемонистее!*

В области адъективной деривации отмечается характерная и для сферы субстантивного окказионального словопроизводства тенденция к использованию в качестве словообразовательных единиц префиксов и префиксоидов. Количество и разнообразие подобных дериватов, по сравнению с разговорной речью детей (как правило, школьного возраста) и взрослых, значительно возрастает (38 % от общего количества окказиональных адъективов): ***псевдоголливудская** жизнь, **квазигосударственная** премия, **квазибразильские** выяснения отношений, **квазидокументальный** фильм, **квазидобровольное** изучение, **суперсегодняшние** слова, **суперкатолическая** Польша, **гиперхозяйственные** руководители, **антипоэтические** времена и др. Использование префиксоидных единиц для производства новых слов сближает разговорную речь и публицистику.*

В публицистических текстах в большом количестве представлены окказионализмы, образованные префиксально-суффиксальным способом (34 % от общего количества окказиональных адъективов). Определённая преемственность процессов окказиональной деривации прослеживается в производстве новообразований с формантом *без-* / *бес-* + *-н-* и др.: ***безавтобусные** сёла, **беззарплата** кома, **безодёжное** положение, **безпрезидентный** случай отставки, **беззаборная** жизнь, **бездзюбый** «Спартак» (от имени собственного Дзюба) и др. Некоторые из перечисленных окказионализмов созвучны с известными узуальными словами, что особенно актуализируется в контексте: ***беспрецедентный** случай, **беззаботная** жизнь*. Следует отметить, что в публицистических текстах количество окказиональных адъективов, образованных посредством сложных формантов, в сравнении с разговорной речью детей и взрослых значительно возрастает (*около-* + *-ск-*, *до-* + *-ск-*, *до-* + *-н-*, *за-* + *-н-*, *под-* + *-н-*, *анти-* + *-н-* и др.): ***околосердюковское** уголовное дело; **околоминистерские** вечеринки, **дорублёвская** человеческая культура (от имени собственного Рублёвка), **доконсервная** эпоха, **зазаборная** Отчизна, **внутрихоккейная** жизнь, **внутриЕСовские** дразги, **главред прикремленного** сайта (от Кремль), **послемайdanовская** Украина, **подшельфный** (от шельф), **антиаппаратные** массы. Вышепредставленные примеры свидетельствуют о тенденции к расширению формантных рядов за счёт новых словообразовательных единиц, выражающих разного рода семантические отношения (временные,**

локативные, противопоставительные и др.) в их большем разнообразии по сравнению с речью детей и разговорной речью взрослых (ср.: локативность выражается посредством *под-, над-, за-, около-, внутри-* и др.).

Адвербиальная деривация

Окказиональные наречия составляют 6 % от общего количества аффиксальных дериватов и не отличаются структурным разнообразием. В целом наречная окказиональная деривация отражает тенденцию публицистической речи к использованию высокопродуктивных моделей в области аффиксального словопроизводства. Доказательством тому служат окказиональные слова, образованные посредством актуального для нормативного языка форманта *по-* + *-и*. Случаи подобных дериватов были нами зафиксированы также в разговорной речи детей и взрослых (ср.: *по-кукаречьи, по-пусячьи*). Довольно часто в публицистической речи новые дериваты мотивируются именами собственными, что в целом отражает специфику публицистической речи. Как правило, подобные производные слова, выступая в качестве характеризующих средств, выполняют в тексте определённую стилистическую функцию, заключающуюся, как уже неоднократно говорилось, в выражении иронического отношения говорящего / пишущего к конкретным явлениям и событиям: *Украина полностью изменилась: остригла косу (вернее, закрутила её вокруг головы по-timoшенковски) и зажила новой еврожизнью...; ... гневно сведя брови, прямо-таки по-кличковски...; президент Обама хотел ограничиться 30 пусковыми установками на Аляске, в то время как его предшественник, Джордж Буш-младший, планировал развернуть 44 батареи ПРО. Получилось в конечном итоге по-бушевски – их таки будет 44... и др.* Многие окказиональные наречия данного типа содержатся в заголовках газетных статей: *Гласность по-обамовски; Как-кан по-Жириновски; Либерализация «по-газпромски»* и др. Вышепредставленные дериваты соотносятся с мотивирующими их относительными прилагательными с суффиксом *-ск-* и ещё раз демонстрируют отмеченную тенденцию к выражению значения свойственности, нередко заключая в себе достаточно явные сравнения. Наряду с описанной «книжностью», в публицистике встречается своеобразная стилизация «детскости»: *сбыточно* (от *несбыточно*), *по-нерусски* [194, с. 13–14].

Основосложение

Основосложение как способ образования окказиональных слов является очень характерным для публицистики, а композиты составляют 26 % от общего количества окказиональных дериватов. Многие используемые в публицистической речи окказиональные композиты соотносятся с теми, которые наблюдаются в разговорной речи. Однако среди них есть и такие, которые обнаруживают стилистические оттенки, присущие книжной речи.

Аналогия с разговорной речью детей и взрослых прослеживается, прежде всего, в образовании композитных агентивов (31% от общего количества окказиональных композитов), усложненных суффиксами *-тель*, нулевым: **Роботодатели:** *предприятия, занимающиеся научными работами, могут получить льготы от государства...; Законоругатели:* *на встрече Владимира Путина с депутатами «акту Магнитского» досталось как следует...; Да, мы давно уже не министерство литературы, и чиновники в соответствии с новыми законами относятся к поэтам, прозаикам, драматургам, критикам, как к пивохлёбам или кошколюбам, объединённым в общественные организации «по интересам»...; Естественно, дубогрызы из ЦК и Госплана сопротивлялись отчаянно...; а также мясоделы, деньгохлёб, пиаровод, фольксвагеновед и др.*

В данном отношении наиболее показательны тексты пародийной направленности, где налет «разговорности» наиболее заметен. Подобная стилизация и создает сатирический эффект: **помадопоглотительница, шкафошубонабивательница, машинопоцарапательница** (о женщине) (ср.: **конфетообожатель, дельфинозвукоиздаватель, посудодробительница** – из разговорной речи взрослых). В текстах этих же жанров возможно производство окказиональных композитов с орудийным значением: *Где-нибудь в горах или в лесу помажется смолой, добавит в неё пахучей травки и назовет «пахучка», «подмышкомазалка»... (о дезодоранте); Это своеобразный путаноцеп// (о жезле сотрудника ГАИ).*

Образование окказионализмов со значением отвлечённого действия также актуально для публицистической речи (36 % от общего количества окказиональных композитов): **Грекопадение:** *статисты из ЕС готовы лишить Грецию и евро надежды...; Массовое бюджетобрезание:* *российские регионы утверждают бюджет на следующий год, сокращая расходы на здравоохранение, образование и культуру...; ...одноплатформенники мало чем отличаются и внешне, а чтобы разобраться в опциях, нужно быть просто доктором фольксвагеноведения...; Нарodosбережение:* *Владимир Путин рассказал о своем видении социальных проблем...; Посудопотребление:* *Российских покупателей*

обманывают на миллиарды рублей...; Грекопредставление: Афины взяли в заложники всю Европу до 19 февраля 2012 года и др.

При этом в основе создания композитов такого типа могут находиться идиоматические выражения: *Правила правокачания: в России крепнет новая форма объединения граждан. Они не ведут людей на оппозиционные митинги и не пикетируют судов. В их поле зрения – собственная среда обитания и местные проблемы...; ... надо сказать, Пельтцер многие недолго любили за «правдорубство», она могла вспылить, высказать всё, что думает о человеке, сдобрив свою оценку парой – тройкой слов по матушке... и др.* Подобные примеры уже анализировались при рассмотрении особенностей композитной деривации в разговорной речи взрослых (ср.: *слёзоглотание, вороносчитание* и др.). Стилистический эффект усиливается, если осуществляется деривационный повтор по образцу конкретного слова: *И чем их только не лечат: излоукальванием, пчелопокусыванием, мухозасиживанием...*

В публицистической речи окказиональные дериваты (субстантивы и адъективы) активно создаются посредством лексикализованных элементов *-фобия, -мания, -подобный, -любивый, главно-* (27 % от общего количества окказиональных композитов): *Загарофобия: ни минуты на солнце. Россияне не столько загорают, сколько испытывают свою кожу на устойчивость...; Олимпиадофобия: почему хозяева летних Игр 2012 года боятся гостей...; ... казалось бы – что же тут плохого? Спортивная мода лучше, чем «хиппомания» прежних лет...; ... лечит взяточманию Гарифуллин комплексно: использует психоанализ, групповую психотерапию, кодирование, гипноз, медикаменты, снимающие депрессию...; а также сараеподобный КДС (о Кремлевском дворце съездов), гитлероподобные существа, реформолюбивый Сердюков, взяточлюбивый доктор, верховный главноиграющий, верховный главноуспокаивающий, верховный главноосматривающий и др.* Эффект окказиональности усиливается, когда в качестве производящей основы выступают имена собственные: *настоящая жсераромания* началась среди региональных руководителей... (от *Жерар*). Показательным является образование словообразовательных рядов в целях усиления стилистического эффекта. Так, автор одной из газетных статей выделяет следующие вариации патологической увлеченности: *Важно сформировать ценности, которые заменят радость от получения взяток. У каждого они свои. Это могут быть и другие зависимости, менее опасные, за которые не сажают в тюрьму: рыбалкомания, спортомания, гурмания, сексомания и так далее...* Подобные дериваты демонстрируют тенденцию публицистической речи к шаблонности и серийности.

Отмечены случаи, когда узуальные слова выступают в роли структурных прототипов окказиональных новообразований композитного типа: *В Петербурге закончился снегопад, а у нас – шляпопад;*

Газонокосилки превратились в гряземесилки... Словообразовательный прототип окказионализма может легко угадываться и без его упоминания в контексте: *До Лондона проложат прямой олигархопровод...* (ср.: газопровод, нефтепровод); *В Харькове опять начался ленинопад...* (а также *уткопад* – ср.: снегопад, листопад); *Трубопожатие* крепкое: *Владимир Путин заверил Сильвио Берлускони, что в угоду Украине Россия от South Stream не откажется...; Окладоискатели: зарплата банкиров обгоняют инфляцию...; Система пожародушения: спасательная автоматика в банке случайно погубила сотрудника и отравила ещё девять...; Общество анонимных долгоголиков* и т. п. Подобное оживление словообразовательной структуры явно рассчитано на определённый стилистический эффект. В качестве мотивирующей основы могут выступать и имена собственные, например, названия городов: *Стыки-де-Жанейро: в ноябре определится полный состав участников ЧМ-2014...; Баку-де-Жанейро: от Баку до Рио-де-Жанейро не проложено трасс и не назначено прямых рейсов. <...> Но для сборной России именно сейчас – и только сейчас – от столицы прекрасного Азербайджана до столицы прекрасного ЧМ-2014 проложена ровная, безостановочная столбовая дорога...; Катастрофа-на-Амуре: Дальний Восток – зона бедствия национального масштаба... и др.*

Иногда модель конкретного композитного слова характеризуется относительно высокой регулярностью. Так, нами зафиксированы 5 окказиональных слов, образованных по аналогии со словом *фальшивомонетчик*: *Фальшивомавродчик: в МММ-2011 начали размещать рекламу на государственных банкнотах...; Фальшивоналётчики: в России всплеск торговли подделками дорогих марок...; Фальшивотаблетчики: всё, чего мы не знали о поддельных лекарствах, но всегда хотели спросить...; Фальшивопереводчики: Обнаружены афроамериканские схемы обналичивания средств в российских банках...; Профессия – фальшивобольничник: нелегальный бизнесмен поделился с «МП» тонкостями подделки документов...*

Слово-образец и окказионализм могут находиться в отношениях семантической полярности. Это достигается посредством замены одного из компонентов сложного слова на семантически противоположный, что в определённой степени сближает окказиональное словотворчество публицистики с разговорной речью детей и взрослых: *День левосудия; Арендодатель пытался арендовзять: Распоряжавшийся культурным наследием московский чиновник задержан за взятку в 20 млн руб.; Станкоразрушение: что спровоцировало спад российского станкостроения?*

Аббревиация и усечение

Сложносокращённые слова в сфере публицистической речи, несмотря на свойственный им канцеляризм, проявляют способность к созданию юмористическо-иронического эффекта. Степень экспрессии окказиональных слов имеет прямую зависимость от степени контрастности входящих в их состав морфем (А. Г. Лыков, Е. А. Земская, Э. И. Ханпира и т. д.). В отношении окказиональных аббревиатур следует отметить «несоответствие» между их строгой официальной формой и шуточным содержанием. В целом в публицистической речи окказиональная аббревиация выполняет те же стилистические функции, что и в разговорной речи детей (как правило, среднего школьного возраста и старше) и взрослых. Это хорошо прослеживается на примере агентивной лексики. Среди подобных дериватов отмечаются новообразования инициального типа, которые могут иметь созвучие с узуальными словами: **Б.А.Б.** (от *Борис Абрамович Березовский*), **ОМ** (от *Олег Меньшиков*), **БГ** (ср.: *Трудно быть БГ* – от *Борис Гребенщиков*). Экспрессия новообразований возрастает посредством включения их в устойчивые синтаксические структуры: *Все беды от Б.А.Б.*; *Страсти по БАБу*. Показательным для публицистической речи является создание окказиональных усечений: **Сарко** (от *Саркози* – о французском президенте), **Зумми** (от *Зуман* – о биатлонисте), **Бил** (от *Биллетдинов* – о хоккеисте).

В текстах пародийных жанров встречаются окказиональные аббревиатуры, которые своей «нестандартностью» и «несуразностью» напоминают соответствующие новообразования из разговорной речи: *Это курортные басни/ или как я их называю/ курасни//*; *Есть басня-эпиграмма – эпиграсня*. Возможно также образование глаголов аббревиатурного типа, например, **чипеть** (читать + петь).

Тем не менее, структурное и семантическое разнообразие окказиональных аббревиатур в публицистике значительно возрастает по сравнению с подобными новообразованиями из ранее рассмотренных речевых сфер. Так, наряду с агентивами, публицисты активно создают окказиональные аббревиатуры, представляющие собой наименования разного рода государственных организаций. Подобные дериваты имеют разную структуру и соответствуют инициальному, слоговому, смешанному типам либо соотносятся со схемой «начальная часть слова / слов + целое слово» (64 % от общего количества аббревиатур): **ЖАР** (от *Женская Армия России*); **Газмяс** (... *группа компаний «Газэнергострой», специализирующаяся на строительстве электростанций, во втором квартале 2014 выйдет на непрофильный для себя рынок мясной продукции...*); **СНеп** (от *Союз Неписателей*), **АГЕНПОП** (от *Агентство по печати и массовым коммуникациям*); **Уралвагонзавод**; **Росприродсбыт**. Многие из перечисленных дериватов располагаются в сильных позициях текстов,

например, в заголовках статей, и перекликаются с узуальными словами (ср.: *Уралвагонзавод*, *Росприроднадзор*).

Нередко новые аббревиатурные новообразования создаются в результате осознанного переосмысления дериватов нормативного языка посредством добавления новых характеризующих компонентов либо посредством замены одного из структурных элементов узуальной аббревиатуры: *ОборонДАЧстрой* (ср.: Оборонстрой); *Главмосдолгострой* (ср.: Главмосстрой), *Партгазактив* (ср.: Партактив); *МинОборотеньсервис* (ср.: Миноборонсервис); *СГА* (*Так, вникнув в устройство страны, привычно именуемой Соединёнными Штатами Америки, я теперь неукоснительно называю её Соединённые Государства Америки (СГА)...*), *Госфильмофонд* (*Российский кинематограф: амбиций и денег много, да толку мало...*) (ср.: Госфильмофонд); *РосИллюзия* (ср.: Роскосмос); *Морггордума: таинственная история переселения московского парламента в Ново-Екатерининскую больницу...* (ср.: Мосгордума).

Для пародийных жанров также является возможным производство достаточно объёмных по структуре аббревиатурных новообразований. Примером тому служит окказионализм сатирика М. Задорнова, представляющий собой наименование госструктуры:

НИИВТОРСЫРЧЁРТМЕТЬБРЕДБРАКМРАКСНАБСТЫДСБЫТЗАГРАНПОСТАВКА

Композиционная схема данной аббревиатуры расширена за счёт добавления ряда характеризующих элементов: *чёрт*, *брак*, *мрак*, *стыд*, *бред*. Подобные новообразования также встречаются и в поэтических текстах, примером чему служит окказионализм В. Маяковского *А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-ком*, созданный с целью ярко выраженной критики чрезмерного пристрастия к сложносокращённому способу деривации.

Окказионализмы, образованные не характерными для языкового узуса способами

Непрерывность процессов окказиональной деривации отчётливо прослеживается на материале контаминированных и ретимологизированных окказионализмов. Для текстов публицистической направленности (пародий, фельетонов, критических и аналитических статей и т. д.) свойственно образование новых слов способами, не характерными для нормативного словопроизводства (19 % от общего количества окказиональных дериватов). Их основу составляют разного рода ассоциативные связи (семантические, фонетические, логические и т. д.), нередко во взаимодействии, что во многом сближает публицистическую речь с речью детской, для которой также характерно создание слов путём скрещивания, слияния, оживления внутренней формы. Однако в публицистике данные

новообразования являются более изошрёнными как в структурном, так и в семантическом плане по причине их нацеленности на создание юмористического эффекта посредством семантической двуплановости. Нередко в качестве мотивирующих основ выступают имена собственные (имена людей, названия стран, организаций, партий, госструктур и т. д.)

В публицистических текстах содержится большое количество контаминированных дериватов, мотивирующие основы которых скрещиваются по самым разным принципам. Например, одна из основ «вклинивается» в другую: *ПрезидЕДские выборы: у главного волшебника страны появились законно избранные дублеры...*; *БрООНовское движение; Дело о пираМММиде; Как все запущено* (от Pussy Riot – название группы); *ЧерноМЭРский флот* и др. Вставки могут иметь частичный характер, вплоть до одной буквы: *Диктантор* (название статьи) (о чиновнике, который ввёл обязательные диктанты для госслужащих); *Горе ЛУКОЙЛовое; МУЛЬТНОЕ дело. Что смотрят наши дети?* Контаминация может сводиться к замене одного или нескольких элементов слова: *Глазность: специальные правительственные комиссии будут инспектировать пострадавшие от пожара регионы...*; *КАСКОдёры: судебные приставы намерены арестовывать полисы автострахования водителей должников; Осагное положение: обязательное страхование автогражданской ответственности становится убыточным, страховщики видят выход в индексации тарифов с учётом инфляции; Депардъировать в Россию; Безнагазанность: кто виноват в аварии на Шелетихинской набережной, в результате которой пострадали от взрыва бытового газа 14 домов?; Выступление под аккомбайнемент: председатель колхоза «Россия» переговорил президента России... и т. д.*

Актуальным также является производство контаминированных дериватов способом телескопии: *Блинновации: масленица стала статьей российского экспорта...*; *Арабовладельческий строй: спорт должен сделать Объединённые Арабские Эмираты одним из мировых центров...*; *Последняя КАЗИНОчь: в Москве состоялся рейд по закрытию игорных заведений...*; *С футболом в сердце: жеребьёвка ЧМ-2018 была полна скрытых интриг и переживаний...*; *Мусульмания величия: как Владимир Путин открыл величайшую мечеть...*; а также *дамаски сброшены* (Дамаск + маски), *тарифметика* (тариф + арифметика), *фуаграница* (фуагра + граница), *МММаразм* (МММ + маразм), *ЦСКАзка* (ЦСКА + сказка), *СССРодство*, *СШАкалы* и др. Образность и экспрессивность окказионализмов значительно повышается их включённостью в устойчивые синтаксические структуры (ср.: *мания величия, с болью в сердце, сбросить маски* и др.)

Некоторые контаминированные окказионализмы соотносятся с соответствующими новообразованиями из речи детей по причине ярко выраженной нестандартности и даже несуразности. Подобная игра

в «детскость» всегда нацелена на комизм, что объясняет использование данного приёма в пародийном жанре: *Ну/ в дождь/ это душ/ а в снег/ это снюш!*

Основу языковой игры в публицистических текстах может составлять оживление внутренней формы узуальных слов: *Борьба с КЭШельком: в России могут повесить комиссии за обработку наличных платежей...* (от англ. *cash* – наличные деньги); *МЭРзский колодец: в Подмоскovie чиновники сами секретят свои документы; ПереРосГрузка: крупный бизнес будет мирить Москву и Тбилиси; Вести с орБЫТы: как в невесомости спят, едят и справляют нужду...; Деньги? АЛИМЕНТарно!* (об алиментах) и др.

Следует отметить, что некоторые дериваты (в том числе из группы уже представленных) занимают промежуточное положение между контаминацией и реэтимологизацией, т. к. скрещивание основ может тем самым оживлять и внутреннюю форму мотивирующей основы. Ср.: *Бедагоги: за гибель детей на Кубани ответят руководители столичного выездного оздоровительного лагеря...; Приедут котоловы и увезут ваших котов в коталажку!; Городской пиарламент: выборы в Мосгордуму: кандидаты готовы подкладывать гвозди в ботинки конкурентам...; Бандидаты наук* (название статьи) и др.

Реэтимологизация носит самый разнообразный характер, свидетельством чему являются так называемые графические окказионализмы. Данные дериваты полностью созвучны с узуальными словами, при этом в основе их толкования лежат фонетически схожие лексемы: *ЗапроцеДУРИЛИ; ДИКое везение? Путёвка на евро–2012 под скептической лупой* (Дик Адвокат – тренер сборной России по футболу); *Подражание ЗАПАДу в их системе образования для нас – ЗАПАДня!; ПодНАТОрели; Приступаю <...> «оформлять» песнями очередной печальный конец очередной хоккейной сказки. В смысле СКАзки...* (СКА – хоккейный клуб) и др.

Нередко реэтимологизация узуальных слов приводит к созданию на их основе окказиональных дериватов по принципу семантической поллярности. Некоторые из подобных дериватов сближаются с соответствующими детскими: *В России будет изобретён аналог айпада. Он будет называться «ай-невпад»* (от англ. *pad* – блокнот); *Президент в очередной раз вышел из себя, переназначил премьера и такую сам всем устроил козу, что все стали говорить не «импичмент», а «нампичмент»; Интернет – интерДА* и т. д. (ср.: *Твойдодыр* и др. – из детской речи).

Основу окказиональных дериватов может составлять комбинирование способов деривации, что было нами уже отмечено при рассмотрении окказионального словотворчества в разговорной речи детей и взрослых: *скарлеттйоханссонинг, юлиятимошенковский* (пример А. В. Стражного) и др. [192, с. 14]. Подобным образом могут образовываться и окказиональные имена собственные. Например, нами были

зафиксированы следующие случаи: *Почему бы его (т. е. город) не назвать Наболотинск?.. Окновъевропинск?*

3.3.1.2 Соотношение окказионализма и публицистического контекста

Окказиональные слова публицистических жанров самым тесным образом связаны с контекстом и в определённой степени обнаруживают контекстуальную обусловленность. Это проявляется в связях с представленными в ближайшем окружении лексическими единицами, выступающими в качестве словообразовательной базы окказионализмов. Как показало исследование, характер подобных связей может быть самым разнообразным. При этом окказиональные дериваты как бы уточняют содержание их узуальных коррелятов. Подобный приём является аналогом того, который был ранее отмечен в детской речи: *Поэтому вернее было бы говорить не «политкорректность», а «политРАКЕТность»...; А потому правильно говорить не демократия, а демонократия...; Это не фейс-, а харя-контроль... (ср.: Мам/ перепутала ты/ ну это же/переход/ а не перебегот// – из детской речи).*

В качестве важного текстообразующего фактора выступает неоднократно упомянутая тенденция к семантической полярности. Пары коррелирующих элементов могут образовываться путём употребления окказионализма и узуального слова либо одновременно двух окказионализмов: *увидеть на прикроватной тумбочке сочинения наших порнографов (или порнографинь) в соседстве с повестями о первой школьной любви нам вряд ли удастся; неподцензурная литература сам- и тамиздата...; «лайт-демократия», замешенная на «хард-тирании»...; Пойми: он взял. Это взятка. Я дал. Это датка... и др.* Из вышепредставленных примеров видно, что распространённым способом образования такого рода пар является аналоговая деривация с элементами семантической реверсии: *хард* (от англ. *hard* – тяжёлый) – *лайт* (от англ. *light* – лёгкий).

В публицистических контекстах окказионализмы нередко включаются в однотипно построенные словообразовательные ряды. Как правило, пунктом отправления последующих новообразований являются узуальные слова, фонетический и морфемный состав которых служит своеобразной моделью для всех элементов лексического ряда: *Депутат Госдумы, госдама Любовь Слиска, убеждённая в необходимости всё новых и новых госабсурдов, заявила по телевидению: «Нам нужно здоровое поколение!»; Очевидно, по мере успехов десталинизации должна наступить депетризация. А затем, наверное, и девладимиризация – ведь историческая традиция нашего развития идёт <...> от выбора им единой религии для всего народа...; Мировой нефтерэкет... Думаете, чего Саркози так бьётся за*

демократизацию Ливии и **нефтесправедливость**?.. Обидно, что Россия нынче – никакая. Не может противостоять мировому **нефтемашину**... Советский Союз умел поставить на место **нефтесосов**... (ср.: нефтепродукты, нефтедобыча, нефтедоллар).

3.3.2 Окказиональное словотворчество в поэтической речи

Отличительной чертой художественно-литературных жанров, главным образом поэтических, является функция эстетического воздействия на читателя, что предполагает широкое использование различных средств образности, в частности художественных тропов, к которым мы относим и обладающие качеством троповости окказионализмы.

Начало широкого использования окказионализмов в поэтической речи положил В. Хлебников, который связывал окказиональное словотворчество с идеей обновления поэтического языка путём расширения возможностей «самовитого» слова. Поэт смело экспериментирует с формой и содержанием словесных знаков, тем самым стирая существующие стереотипы и демонстрируя богатые возможности русского языка: *творяне, будетляне, закричальность, смехачи, облакини, времыня, нравительство, нравда, летавель, владач и грозач, ликатый, оснегурить* и т. д. [50, с. 32].

Новаторские идеи В. Хлебникова были подхвачены его современниками и нашли отражение в творчестве А. Ахматовой, О. Мандельштама, В. Маяковского, И. Северянина, М. Цветаевой и т. д. Впоследствии поэтическое окказиональное словотворчество стало одним из определяющих направлений русской поэзии вплоть до настоящего времени. Широкое использование окказионализмов является характерной чертой идиостилий таких поэтов, как Б. Ахмадулина, А. Вознесенский, В. Высоцкий, Е. Евтушенко, С. Кирсанов, Л. Мартынов, Ю. Мориц, Р. Рождественский и т. д.

Исследованию поэтических окказионализмов посвящено большое количество научных трудов, в которых исследуются идиостилии отдельных авторов: В. Маяковского [9], [31], [34], [35], [214], В. Хлебникова [50], [152], Н. Асеева [68], В. Высоцкого [66], А. Вознесенского [82], С. Кирсанова [47], Е. Евтушенко [106], [175] и др. Однако попытки описания окказионализмов, создаваемых разными поэтами, как системы предпринимаются редко. В настоящем исследовании мы исходим из того, что окказионализмы в поэзии, более чем во всех других рассмотренных ранее речевых сферах, свободны от какой бы то ни было хаотичности, случайности, неосознанности в процессе их создания и в то же время отличаются большим разнообразием способов и приёмов словообразования, а также богатством эмоциональных, оценочных оттенков и образных ассоциаций.

При исследовании окказионализмов поэтической речи было принято во внимание, что процесс создания окказиональных слов в большой степени обусловлен факторами индивидуально-личностного характера, в связи с чем у каждого автора обнаруживаются свои предпочтения в выборе тех или иных приёмов словотворчества.

Основное внимание при выборе источников материала было сосредоточено на произведениях поэтов второй половины XX – начала XXI века, (Б. Ахмадулина, А. Вознесенский, В. Высоцкий, Е. Евтушенко, С. Кирсанов, Л. Мартынов, а также И. Жданов, Т. Куцубова, Р. Рождественский, А. Цветков и др.), где окказиональное словотворчество отличается наибольшим разнообразием способов и приёмов деривации. Использовались также и материалы известных мастеров окказионального словотворчества более ранних периодов (А. Ахматова, С. Есенин, О. Мандельштам, В. Маяковский, И. Северянин, М. Цветаева). Частично привлекались материалы из произведений прозаических жанров (В. Астафьев, Ю. Герман, Е. Евтушенко, Ю. Нагибин, С. Солоух, М. Цветаева и др.).

3.3.2.1 Способы окказионального словотворчества в поэзии

Как и в других речевых сферах, наибольшее количество окказионализмов в поэзии создано способом аффиксации. Посредством данного деривационного способа образуются окказиональные субстантивы, глаголы, адъективы, наречия. Значительно увеличивается удельный вес окказиональных композитов, в том числе и тех, которые образованы нестандартными способами (рисунок 3.3).

Рисунок 3.3. – Процентное соотношение способов окказиональной деривации в поэзии

Аффиксация и её виды

Окказиональная аффиксация в сфере поэзии характеризуется большим структурно-семантическим многообразием. Следует отметить широту формантных рядов, включающих аффиксальные единицы различной структуры, семантики и стилистической окрашенности. Наибольшее количество аффиксальных новообразований в их структурно-семантическом многообразии характеризует идиостиль таких поэтов, как Б. Ахмадулина, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, С. Есенин, В. Маяковский. У некоторых поэтов отмечаются предпочтения в отношении отдельных аффиксов, о чём будет сказано далее.

Субстантивная деривация

Субстантивы, мотивированные субстантивами

Имена существительные составляют 41 % от общего количества окказиональных дериватов, созданных способом аффиксации. Среди данной группы новообразований весьма показательны деминутивы (26 % от общего количества окказиональных субстантивов, образованных от субстантивных основ). Достаточно высокой продуктивностью характеризуются суффиксы *-ик* и *-чик*, которые присоединяются к субстантивным основам со значением лица-представителя какого-либо социально-политического, литературного направления, как правило, с отрицательным оттенком: *эсерик прыткий* (Маяк.), *имажинистик* (Маяк.), *акмеистик* (Маяк.), *футуристик* (Маяк.), *нэпчик* (Маяк.), *прогрессистик* (Евт.), *гегемончик* (Мор.). В качестве мотивирующих основ таких новообразований могут выступать и субстантивы с абстрактной семантикой, что наиболее показательно для В. Маяковского: *смешик* (Хл.), *старенький бытик* (Маяк.), *детвориный плачик* (Маяк.), *плюшик* (Маяк.).

В окказиональном словотворчестве поэтов отмечаются случаи образования деминутивных дериватов посредством форманта *-онок*. В качестве словообразовательной базы подобных новообразований выступают как одушевлённые, так и неодушевлённые существительные. В числе первой группы дериватов такие примеры, как *боярчоночек* (Евт.), *евпатарёнки* (Маяк.), *мотылёнок* (Маяк.), *ангелята* (Возн.) и др. Для поэтической речи показательны новообразования со значением невзрослости, мотивированные неодушевлёнными существительными: *А рядом шалун лопушонок / Так сильно-пресильно шуришал, / Что маме и папе / Несносный ребёнок / Всё время работать мешал...* (Матв.); *Им деревянным брюхом не согреть, / Не вывести птенцов – зелёных*

вербеныт... (Ес.); *Там, где капустные грядки / Красной водой поливает
восход, / Кленёночек маленький матке / Зелёное вымя сосет...* (Ес.);
*Топорята на дело топорное / получали дипломы и вон, / в люди или –
заводные, отборные – / щёлкнешь ногтем – послушаешь звон...* (Стрел.);
*Пирог с капустой. Сугроб с девицей. / Та с карапузом – и всё визжат. /
Дрожат антенки, как зад со шприцем. / Слепые шпарят, как ясновидцы, –
/ Жалко маленьких сугробят...* (Возн.); *Будет любовь или нет? / Какая – /
большая или крошечная? / Откуда большая у тела такого: / должно быть,
маленький, / смирный любёночек...* (Маяк.). Новообразования подобного
типа по форме могут совпадать с окказионализмами, которые создаются
детьми. Однако в поэзии данные единицы приобретают функции спе-
циальных стилистических приёмов. Следует отметить, что окказионализм
любёнок был нами зафиксирован также и в детской речи. Ср.: *Сын в
раннем детстве называл себя – ЛЮБЁНОК (любимый ребёнок) Я и
сейчас в приступах нежности его так называю, несмотря на его ворчание*
(из материалов Интернет-переписки).

Формантный ряд со значением уменьшительности заметно
пополняется. Окказиональные деминутивы могут образовываться
посредством суффиксов *-ец, -иц-, -ишк-* и др. часто от субстантивных
основ с абстрактной семантикой: *мелкий лаец* (Маяк.), *удушьице* (Цв.),
заклятьице (Цв.), *любвишка* (Маяк.), *поцелушишко* (Маяк.), *рифмишка*
(Возн.), *игрочишко* (Возн.), *тухлая мечтулька* (Сельв.) и др. К основному
значению подобных новообразований добавляется коннотация
уничижительности.

Наряду с деминутивами в поэтическом словотворчестве, как и
в разговорной речи детей и взрослых, часто встречаются окказионализмы,
выражающие значение преувеличения. В качестве распространённого
деривационного форманта выступает суффикс *-иц-*, а в качестве
мотивирующей основы могут использоваться субстантивы с абстрактной
семантикой: *смертища* (Маяк.), *закатище* (Маяк.), *бытище* (Маяк.),
автомобилище (Манд.), *астрономища* (Возн.), *железобетонище* (Возн.),
рвище (Цв.). В некоторых случаях такие новообразования создают эффект
оксюморона: *Ой ты, желтое ягнятище! / Ты не мни траву небесную, /
Перестань бодаться с тучами...* (Ес.); *... микробище* *низшей расы...*
(Вит.), *Об пол с потолка звоночище хлопал. / И снова, / звенящий мячище
точно, / взлетал к потолку, ударившись об пол... звоночище...* (Маяк.).

Наряду с окказионализмами со значением невзрослости, исполь-
зуются и такие, которые передают значение принадлежности к опре-
делённому полу. Так, дериваты со значением женскости образуются от
агентивных либо зоонимических основ посредством суффиксов *-к-,
-ш-, -иц-, -ис-, -их-, -ин'-* и др.: *нэпачка* (Маяк.), *великанка* (Март.),
дискоболша (Маяк.), *стеклодувиша* (Возн.), *гусица* (Выс.), *тюленица*
(Возн.), *кондуктриса* (Маяк.), *кижиха* (*Мы – Кижичи, / я – киж, а ты –*

кижиха...) (Возн.), *саранчихи* (Возн.), *аистихи* (Павл.), *фотография* (Возн.), *фаустыния* (Возн.) и т. д. В качестве производящей базы окказионализмов данного типа могут выступать также основы наименований неживых объектов: *Лопух со всей лопухиней / В зелёный канаве подрос, / И пух тополей, / Как нетающий иней, / Их толстые листья занёс...* (Матв.); *По морям играя носится / с миноносцем миноносица...* (Маяк.); *В незаоблачной некоей области, / где совсем в облаках не парят, / с топором топориха безоблачно / выпускали на свет топорят...* (Стрел.) и др. Подобные окказионализмы, как и новообразования некоторых ранее упомянутых групп, создают яркий эффект олицетворения.

В поэтических текстах, наряду с образованием окказиональных слов со значением женскости, также отмечаются случаи (хотя и немногочисленные) создания дериватов со значением принадлежности к мужскому полу способом обратной деривации: *Смахнувши слёзы рукавом, / взревел усатый нянь: / – В кого? / Да говори ты нараспашку! / – «В Керенского...» / – В какого? / В Сашку? – / И от признания такого / лицо расплылось Милюкова...* (Маяк.); *А над площадью Испании, / как летающий тарел, / вылетает муж из спальни – / устарел, устарел!..* (Возн.). Подобные окказионализмы в какой-то степени соотносятся с соответствующими детскими новообразованиями, однако создаются поэтами в особых стилистических целях. В обоих случаях окказиональные субстантивы выражают иронию. В первом случае экспрессия усиливается за счёт использования адъектива *усатый* в качестве определения слова *нянь*, что создаёт своеобразный оксюморон. Во втором случае стилистический приём строится на включении окказионализма в конструкцию образного сравнения.

В поэтических текстах в области субстантивной деривации большое место занимает префиксация (124 деривата, что составляет 37 % в пределах рассматриваемой группы). При этом нами отмечены случаи употребления как продуктивных, так и малопродуктивных для языкового узуса приставок, имеющих самую разнообразную семантику. Так, поэтами активно создаются окказионализмы со значением отрицания и противопоставления, что соотносит данную коммуникативную сферу с разговорной речью и публицистикой. В сфере окказиональных субстантивов заметно относительно большое число новообразований с префиксом *не-*, который вносит значение отрицания, отсутствия в производящие основы с отвлечённой семантикой: *нерадость* (Евт.), *не-ум* (Цв.), *не-гулянья под луной* (Цв.), *нелицо* (Цв.), *нежизнь* (Слуцк.), *неуют* (Ахмад.), *нечеловечество* (Мориц), *некрик* (Павл.). Подобные окказионализмы одновременно выступают в роли метонимических замещений, что повышает экспрессию высказываний: *Напялив одичавший неуют / Чужой плечам, остывшей за ночь кофты / Хозяйки, чтоб хозяйничать,*

встают... (Ахмад.). В данном примере фрагмент *одичавший уют кофты* рассматривается как образный эквивалент выражения *напялив уютную, остывшую за ночь кофту*. Зафиксированы случаи образования пар из коррелирующих элементов с приставкой и без: *Где граничат жизнь и нежизнь...* (Слуцк.); *На грани смерти и несмерти...* (Слуцк.).

В поэтических текстах противопоставление может выражаться также посредством форманта *анти-*, который достаточно продуктивен в словотворчестве А. Вознесенского: *В антиплавках дьявол синий / плыл, как вызов нагоде, / весь обтянутый резиной, / а где плавки – декольте...*; *Ей несут, интересничая, / похоронные лепты. / Антиинтеллигенция, / а не интеллигенты...*; *Быть женщиной – быть антимашинной. / Быт с женщиной – тяжёл, как жернова. / Будь женщиной, родившийся мужчиной, / спустивший на ботфорты кружева!* и т. д. Подобные дериваты, как правило, выступают в качестве средств выражения иронического отношения писателя к описываемой ситуации.

В целом в поэтических текстах значительно увеличивается разнообразие префиксальных единиц. Так, например, значение предшествования может выражаться префиксами *до-*, *пред-*: *... там, в моей до-жизни неживой, / смертельного я натерпелась страху, / пока тебя учил родитель твой: / «Не смей! Не знай!» – и по щекам с размаху...* (Ахмад.); *... в тревоге пред-войны и пред-весны...* (Ахмад.); *Чистым слухом / Или чистым звуком / Движемся? Преднота / сна. Предноб блаженства... преднота сна...* (Цв.). Значение существования, протекания во времени после чего-либо передается посредством приставки *после-*: *И в послежизни, жизнью ставшей, / где снова юность настаёт, / свою тенью неуставшей / буди всех тех, кто устаёт* (Евт.); *Оно отошло давным-давно, / время, выраженное мною, / с его войною и послевойною...* (Слуцк.) и др.

В языке поэзии встречаются окказиональные субстантивы с приставкой *раз-* / *рас-*, выражающих значение высокой степени проявления чего-либо. Если в узусе данный префикс часто присоединяется к основам агентивов и создаёт значение высокой степени проявления внешних либо внутренних качеств (ср. красавец – раскрасавец), то в окказиональном словотворчестве новообразования с приставкой *раз-* / *рас-* могут мотивироваться словами из общественно-политической и экономической сферы [114, с. 152]. Подобные окказиональные слова встречаются в произведениях В. Маяковского: *рассоциализм, архи-разиерархия, разнэп* и т. д. Показательно, что окказионализмы с приставкой *раз-* / *рас-* со значением избытка и высокой степени встречаются и в художественной прозе, например: *размиллионер* (Дост.), *раснайпер* (Аст.), *разнесчастье* (Ник.) и т. д. Значение высокой степени проявления качества может выражаться также посредством форманта *сверх-*. Подобные примеры мы

встречаем в поэтических текстах А. Вознесенского: *Выживаем назло / сверхтолчкам хамоватым. / Как тебя натрясло, / белый домик Ахматовой!..*; а также *СверхВосток, СверхЗапад* и др.

В качестве словообразовательных формантов могут выступать и префиксоиды, например *полу-*, вступающий в отношения контраста с производящими основами, существование которых с подобными приставками в узусе невозможно, поскольку это противоречит законам логики: *полу-эшафот* (Евт.), *полумятежник* (Евт.), *полуподавитель* (Евт.), *полу-Родина* (Евт.), *полулюбовь* (Евт.), *полусовесть* (Евт.), *полупохабщина* (Маяк.), *полуугроза* (Цв.). Нередко подобные слова используются для выражения эмоционально-оценочных оттенков, показывая, что высокая нравственность не подлежит каким-либо ограничениям: *Ты был полу-Гамлет и полу-Челкаш...* (Евт.); *Нельзя шпажонкой попусту коля, / Быть и в полугвардейцах кардинала, / и полумушкетёрах короля...* (Евт.). Для новообразований с *полу-* показательное их объединение в пары по принципу противоположности, что представляет собой один из характерных признаков троповости: *Её глаза – как два тумана, / Полуулыбка, полуплач...* (Забол.); *Дураки ему, полумумнице, / полудурку, мешают жить...* (Слущк.); *Полумятежник, полуподавитель / Родившегося полумятежа...* (Евт.) и др.

Группа абстрактных субстантивов значительно увеличивается за счёт дериватов с *нулевыми* суффиксами. В числе подобных новообразований слова, образованные от основ с абстрактным значением по моделям, характерным и для разговорной речи, например, *синева – синь*. Образованные способом нулевой суффиксации поэтические новообразования отличаются широтой семантики, характеризующейся пространственной и временной отвлечённостью. В. В. Лопатин объясняет данное явление стремлением поэтов к отражению просторечных мотивов в поэтической речи [120, с. 135]. Например, *водь, березь, цветь* (Ес.), *звездь* (Маяк.), *мясь* (от *мясо*) (Куц.). Данные дериваты обладают мягким звучанием, мелодичностью и характеризуются достаточной лёгкостью в рифмовании: *Глядит / в удивленья небесная звездь – затрубадурила Большая Медведица. / Зачем? / В королевы поэтов пролезть?..* (Маяк.); *Не жалею вязи дней прошедших, / Что прошло, то больше не придет. / И луна, как солнце сумасшедших, / Тихо ляжет в голубую водь...* (Ес.).

В поэтической речи определённое место занимают окказиональные субстантивы, образованные префиксально-суффиксальным способом. Особенно показательны префиксально-суффиксальные новообразования с суффиксом *-j-*. Суффикс *-j-* в дериватах данного типа имеет абстрактное значение, семантика конкретизируется посредством префиксов: *А мы – бездорожье, / Дублёная кожа, / Дрянцо, бессапожье, / Ощёбья, отребья, / Бессолье, бесхлебье...* (Цв.); *Тут беспонья свадьба, / там кого-то вздули, /*

*Шёпоты да взвизги, песни да смешки... (Сев.); ... ворочаются, ждут, что выйдет срок, / им зябко в **междустрочьях** полутёмных... (Ан.); Воротясь обратно из **завездья** / и в слезах целуя землю-мать, / мы начнём последние известья / из глубин вселенной принимать... (Асеев); Пусть с Небес, где безвинно убитым, наверное, славно, / Наблюдают они за успехами близких, любимых; / Может быть, ощущают повторно **предсмертий** кошмарность, / Боль и ужас, внезапно загубленных жизнью обрывы... (Хор.)* и т. д. И. Л. Загрузная отмечает, что подобные окказионализмы являются характерной чертой идиостиля Н. Асеева, и в доказательство тому приводит 15 новообразований с формантом *-j-*: **безграничье, бессловье, занебесье, изглубье, подзорье** и др. [69, с. 9].

Субстантивы, мотивированные глаголами

В области образования отглагольных имён существительных (16 % от общего количества аффиксальных субстантивов) не отмечается особого многообразия словообразовательных моделей. Тем не менее, прослеживаются некоторые тенденции, отличные либо в чём-то схожие с теми, которые свойственны окказиональному словотворчеству взрослых в сфере разговорной речи, а также речи детей.

Это касается, главным образом, отглагольных агентивов с формантом *-тель*: *Где вы, / сеятели правды / или звёзд **сиятели**?.. (Маяк.); Ведь не зря ж / Эта жгучая женская блажь / Орд и стай – / По **заглатывателю** тайн... (Цв.); Имея наивысший американский чин – / заслуженный **разглаживатель** дамских морщин... (Маяк.); Звезда моя, надел приватный, / малолитражка, травести... / **Плеватели**, / доплюньте до звезды!.. (Возн.); Моя надежда – читатели книг, / Хочется высказаться о них. / Они меня больше радуют, / Чем, например, **вниматели** радио... (Слущк.)* и др. Подобные дериваты встречаются и в прозе, например: **кидатель ботинок** (Наг.), **подсматриватель жизни** (Евт.), **глотатель продуктов** (Сол.), **обдумыватель** (Федорч.) и т. д. Такого рода окказионализмы часто имеют иронические оттенки и в этом плане сближаются с аналогично построенными агентивами из сферы публицистики.

Отглагольные субстантивы со значением отвлечённого действия составляют 67 % от общего количества окказиональных имён существительных отглагольной природы. Анализ показал, что среди субстантивов, мотивированных глаголами, достаточно большую группу составляют такие, которые образованы посредством нулевой суффиксации. Подобные новообразования сближаются с ранее отмеченными отсубстантивными окказионализмами типа **водь, березь**: *Война – богатым / банки денег, / а нам – / костьюлей / кастаньетный **теньк**... (Маяк.); Поцелуй в землю,*

мертвенно звонкий, / И вот зарываются в осыпь и **осунь**... (Сельв.); Из клеток щипались раскормленные гуси. / Бугайская **мычь**, поросычье **хрю**... (Сельв.); Заунывным **карком** / В тишину болот / Чёрная глухарка / К всенощной зовёт... (Ес.); Не совиный **ух** зашурлил, / не волчья пасть **оскалилась**... (Ес.) и т. д. Как правило, в качестве мотивирующих основ выступают глаголы звучания. В качестве словообразовательных формантов используются такие суффиксы, как *-от-*, *-н'*, являющиеся малопродуктивными в нормативном языке и характеризующиеся явным оттенком «разговорности»: Града **стукот**, града **цокот** / По зальделой мостовой... (Евт.); И кричат они, / И вопят они. / От такой **крични** / Загашай огни... (Ес.) и др.

Окказиональные субстантивы отглагольной природы могут выражать также и орудийную семантику, однако количество подобных дериватов невелико в сравнении с описанными группами окказионализмов. Так, например, встречаются новообразования с формантом *-л(о)*, обозначающие части человеческого тела: У одного **язвило** набухло, словно лиловая картофелина в / сырой темноте подземелья. Белыми стрелами из него / произрастали сплетни. / **Ядило** этот был короче других языков. Его, видно, / ухватили однажды за клевету, но он отбросил кончик, как / ящерица отбрасывает хвост... (Возн.); Горлань горланья, / оранья **орло?** / ко мне доплеталось пьяное допьяна... (Маяк.).

Субстантивы, мотивированные адъективами

В поэтической речи несколько возрастает количество субстантивов, мотивированных основами имён прилагательных (20 % от общего количества окказиональных субстантивов, образованных способом аффиксации), что в целом свойственно для жанров книжной речи. Как правило, подобного рода субстантивы выражают значение отвлечённого признака. В качестве наиболее продуктивного форманта выступает суффикс *-ость* / *-есть*: Дай, Маяковский, мне / **глыбастость**, / буйство, / бас... (Евт.) (от окказионализма *глыбастый*); Я люблю тебя за гордость, / словно тайную жену, / за твою **высокогорность**, / вышину и тишину... (Евт.); Есть в счастье горький вкус испуга. / Стоим смиренно подле вечности. / Как нам не разлюбить друг друга? / Лишь под защитой **подвенечности**... (Евт.); В течение дня / страну наводняя / потопом / ненужной **бумажности**, / в машину / живот / уложит – / и вот / на дачу / стремится в важности... (Маяк.); И толчётся совесть, / Словно кровь под кожей, / В зрелость или в **псовость**. / Как они похожи... (Слуцк.); Не плачьте обо мне – я проживу / той грамоте наученной девчонкой, / которая в **грядущести** нечёткой / мои стихи, моей рыжея чёлкой, / как

дура будет знать. Я проживу... (Ахмад.); *Как в чёрно-белой кинохронике / Фигура мечется по берегу: / Медвежесть, брови, подбородок и / «Белеет парус одинокий»* (Гриц.) и др. Примеры показывают, что подобные слова могут мотивироваться прилагательными, указывающими на отношение к животным, растениям, месту, времени, со значениями качественной оценки и т. д. Аналогичным образом создаются и окказионализмы, мотивированные причастиями *прошляпленность* (Евт.), *задранность голов* (Брод.), *распятость* (Сев.).

Показателем продуктивности дериватов данного типа является и то, что они могут мотивироваться и другими частями речи, например, существительными и наречиями: *И сербости я надеваю звезду / Чтоб сербов не бросить в аду холокоста...* (Мор.); *Грядущих лет брызгой / хожу по мгле Сеновой / всей нынчести изгой...* (Маяк.).

Аналоги отадъективных окказиональных слов с суффиксом *-ость / -есть* встречаются в разговорной речи детей и взрослых. Однако примеры демонстрируют, что словообразовательная база таких новообразований в поэтической речи отличается гораздо большим семантическим разнообразием. Окказиональные субстантивы с суффиксом *-ость / -есть* продуктивны также и в прозаических текстах: *тигриность* (Наг.), *миимозность* (Наг.), *ангельскость красоты* (Цв.), *зоологичность* (Бун.), *угольность бровей* (Бун.), *довольность собою* (Аст.).

В группе отадъективных субстантивов имеются аналоги ранее рассмотренных единиц, мотивированных именами существительными. В их числе дериваты с нулевым формантом: *Пропылен / и нем / календарь как календарь, / но в сегодняшнем / красном дне / воскресает / годов легендарь...* (Маяк.); *Но странная из солнца ясь / струилась...* (Маяк.); *Зверю нужен лишь харч. / Человек родил алчь...* (Возн.); *Над светскою чернью, / над сплетней усердной, / над околотитературною серью! / Великие ветры пронзают лопатки. / Он даже и летом / не снимет крылатки...* (Возн.) и др. В качестве мотивирующих основ окказионализмов данного типа могут выступать также и причастия: *Там перекапывалась новь, / Окапывалась – бывь...* (Цв.).

Глагольная деривация

Глаголы, мотивированные глаголами

Окказиональные глаголы в поэтической речи составляют 26 % от общего количества аффиксальных новообразований, что в какой-то степени соотносится с тем, что наблюдалось и в других речевых сферах (ср.: 29 % – в детской речи, 37 % – в разговорной речи взрослых, 22% –

в публицистике). При этом многие окказиональные глаголы употребляются в причастных и деепричастных формах.

Внутриглагольная деривация в окказиональном словотворчестве поэтов представлена главным образом префиксальными новообразованиями, часто усложнёнными постфиксом *-ся* и суффиксом *-ива-* / *-ыва-*. Высокая активность префиксального образования окказиональных глаголов отмечается в произведениях видных мастеров поэзии, таких, как В. Высоцкий, С. Есенин, В. Маяковский, Б. Слуцкий и др. [9, с. 13], [67, с. 14]. В составе окказиональных глаголов префиксы способны передавать широкий спектр значений. Так, например, пространственные отношения могут выражаться посредством формантов *про-*, *об-*, *в-*: **Просинело. Пророзовело.** / *Прозвенело в ухе другом...* (Возн.); *Буераки... пеньки... косогоры* / **Обпечалили** русскую ширь... (Ес.); *Но, как волчонок загнанный, одна, / она в слезах мне щеки обшептала...* (Евт.); *С пытливей дрождью святотатца* / *Прильнула – виупатьея, всосатьея* / *В таинственное бытие...* (Ход.); *тогда ты в раковины эти <...> виуришишь с песком тысячелетий / свой шёпот...* (Ганд.); *Вот такую едва ль отуманишь, / И не хочешь пойти, да пойдёшь, / Ну, а ты даже в сердце не вранишь / Напоённую ласкою ложь...* (Ес.); *Так дети, влакиваясь в плач, Вишптываются в шёпот...* (Цв.) и др.

Значительно расширяется ряд префиксов со значением способов глагольного действия. Временные и видовые значения передаются приставками *пред-*, *от-*, *до-*, *вз-* / *вс-*, *за-*, *из-* / *ис-*, *вы-*, *раз-* / *рас-*. Например: *Всё непременно чередом идёт, / двадцатый век наводит свой порядок, / подрагивает, словно самолёт, / предслыша небо серебром лопаток...* (Ахмад.); *За широкой спиной ямищицкой / Две не встретятся головы. / Начинает мне Господь – сниться, / Отоснулись – Вы.* (Цв.); *Что ему престиж? Ведь засуха / высушила насухо / полсемьи, а он доголодал, / дотянул до урожая...* (Слуцк.); *Врач смотрел, / губу своротив, / нос / под очками / взморща...* (Маяк.); *Подымая гири и гантели, / обливаясь сто десятым потом, / нагоняя мускулы на теле, / все двуногие заувлекались спортом...* (Маяк.); *И снова / в тостах стаканы исчоканы, / и сыплют стеклянные искры из щёк они...* (Маяк.); *Вот так медведи именно могут: / недвижно, / задравши морду, / как те, / повыть, / извытьея / и лечь вберлогу...* (Маяк.); *В три вечера я, в три вечера / Всю вытосковала – тоску...* (Цв.); *Если душу вылюбить до дна, / Сердце станет глыбой золотою...* (Ес.); *То ли – в избу и запеть, / Просто так, с морозу, / То ли взять и помереть / От туберкулезу. / То ли выстонать без слов, / А может – под гитару?..* (Выс.); *Леди, / спросите / у мерина сивого – / он / как Мурманск / разизнасилвал...* (Маяк.) и др.

В поэтической речи возникновение того или иного окказионального деривата предопределяет структура предшествующих производных слов той же частеречной принадлежности. Построение словообразовательных

рядов осуществляется в целях ритмизации текста: *Другие знали, ведали и прочее... / Но все они на взлёте, в нужный год / Отплавали, отпели, отпророчили.* / Я не успел, я прозевал свой взлёт... (Выс.); *Там, на верховьях, жил он где-то. / Отгромыхал и отворчался... / Струисты / Воды старой Истры. / На берегу клочок газеты / Шуришит, кто жив, а кто скончался...* (Март.); *Отбыла, отспешила. К душе / льнет прилив незатейливых истин. / Способ совести избран уже / и теперь от меня не зависит...* (Ахмад.) и т. д.

Глаголы, мотивированные именами существительными и прилагательными

В качестве одной из особенностей окказионального словотворчества в сфере поэтической речи выступает активная тенденция к образованию отыменных глагольных дериватов, которые составляют 52 % от общего числа аффиксальных глаголов. Подобная тенденция отмечалась и в ранее рассматриваемых речевых сферах (66 % – в детской речи, 71 % – в разговорной речи взрослых). Так, например, в произведениях В. Маяковского зафиксированы 363 отыменных глагола и причастия [214, с. 5]. Стремление к «оглаголиванию мира» характеризует также и творчество И. Северянина [10, с. 27]. Исследование показало, что большое распространение получили окказиональные глаголы, обозначающие подобие одного действия другому, которое совершается иным лицом либо представителем животного мира (глаголы на *-и-(ть)*): *На фронтах технической фантастики / Всё решают деньги и войска, – / Их фашистит безо всякой свастики...* (Мор.); *Пожил, / и отошёл, / и лёг, / а ночь / паучит нити...* (Маяк.); *Время за полночь медленным камнем, / За холодным стеклом ни шиша. / Только мы до утра тараканим, / Насекомую службу верша...* (Цветк.). В качестве мотивирующих основ подобных новообразований могут выступать и антропонимы: *Видите – / небо опять **цудит** / пригорошню обрызганных предательством звёзд?..* (Маяк.); *Усадьба ночью, **чингисхань!** / Шумите, синие берёзы. / Заря ночная, **заратустрь!** / А небо синее, **моцарть!**..* (Хл.) [10, с. 21].

Уподобление неживому объекту также актуально для поэтической речи. Подобные новообразования, как правило, создаются посредством форманта *-и-(ть)* + *-ся*: *Поцелуй охотнорядца – в бороде не **занозись!**..* (Евт.); *Капитал / ежом противоречий / рос вовсю / и креп, / итыками **иглясь**...* (Маяк.); *Ночь по комнате **тинится**...* (Маяк.); *Сбежав / от повинностей / скушных и тяжких, / за скакуном / **хвостятся** подтяжки...* (Маяк.); *Клинки обжигались ликёром, / И похоть будили смешки, / И в такт бархатистым рессорам / **Качелились** в язвах кишки...* (Сев.); *Паучок по паутинке вверх полез. / **Бриллиантится** весёлая роса...* (Сев.) и др.

Данные окказиональные глаголы обладают высокой степенью образности и выступают в качестве свёрнутых метафор. Так, окказионализм **паучить** приравнивает действие ночи, постепенно окутывающей землю, к тому, как паук ткёт паутину. В свою очередь, окказиональный глагол **качелиться** создаёт образ состояния агонии, в которой пребывает человек.

Зачастую окказиональные глаголы вместе с мотивирующими их именами существительными, стоящими в форме творительного падежа, образуют тавтологичные сочетания, что также отражает одну из особенностей поэтической речи, истоки которой обнаруживаются ещё в фольклоре: *Она чарует и сверлит, / она колдует и слесарит, / то стареньким орлом орлит, то шумным ханом – государит...* (Слуцк.); ... *то в море закат киселём раскиселится...* (Маяк.); *Денди туфлястый (огурцами огурятся) – / к чёрту! / Дамица (грудь – стог). / Ужин. / Курица...* (Маяк.). Тавтологичные конструкции могут также совпадать с грамматической основой предложения, где подлежащее мотивирует образование окказионального глагола-сказуемого: *Не тучи над Рязанью затучились, / Не громы над рекой распрогромились...* (Бок.); а также *ночь разночится* (Маяк.), *Миссисипи миссисипится* (Маяк.) и т. д. Как было отмечено выше, примеры такого употребления встречаются и в детской речи (ср.: *бычок бычит* и т. д.).

Для поэтической речи также характерно активное образование окказиональных отыменных глаголов со значением наделения неким признаком. В качестве наиболее продуктивных выступают деривационные модели *о- + -и(-ть)*, *об- + -и(-ть)*, *раз- / рас- + -и(-ть)*: *Голубой, онелепленный, пепельный, <...> Город, ласточкой купола лепленный...* (Манд.); *Захочет покоя уставший слон – / царственный ляжет в опожаренном песке...* (Маяк.); *Оснегурить тебя. / Пороши серебром. / Дать большую метлу, / Право гнать зиму...* (Хл.); а также *обосененная тишина* (Ес.), *разлунить лысины, расканарить закат* (Маяк.), *развеерить хвосты* (Стрел.). Дериваты с формантами *о- + -и(-ть)* и *об- + -и(-ть)* соотносятся с соответствующими новообразованиями из сферы разговорной речи (ср.: *омальчишить* и др.), а также из сферы публицистики (ср.: *опрезидентить* и др.). Однако поэтические глаголы в основной своей массе имеют форму причастий и деепричастий. Кроме того, поэтические глаголы содержат скрытое сравнение, что позволяет причислять их к средствам тропеической образности (ср.: *опожарить песок, разлунить лысины, развеерить хвосты*).

Для окказионального словотворчества в сфере поэтической речи также показательны глаголы с формантом *обез- / обес- + -и(-ть)*, выражающим значение лишения того, что названо мотивирующей основой. При этом окказиональные глаголы во многих случаях употребляются в форме причастий: *Тревоги лихой наговор – / Ноябрь,*

обесснеженный месяц, / Зимы просквоженный притвор, / Порывистый ветер осенний... (Сопр.); Так – только Елена над брачной бойней, / В сознании: наготой моей / Четыре Аравии *обезноено* / И *обезжемчужено* пять морей... (Цв.); Что толку – / тебе / одному / удалось бы?! / Жду, / чтоб землёй *обезлюбленной* / вместе, / чтоб всей / мировой / человечьей гущей... (Маяк.); Мы замолчали, мы онемели, / Вдруг *обеззвучел* маленький дом... (Сев.) и др.

Наряду с регулярными моделями словопроизводства, частично пересекающимися с теми, которые используются в других сферах речи, в поэзии реализуются и такие, которые в других речевых сферах аналогов не имеют, например, *вы-* + *N* + *-и-(ть)*, *в-* + *+N* + *-и-(ть)* и др.: Ты сердце *выпеснил* избе, / Но в сердце дома не построил... (Ес.); Народы, / жившие, *въямься* в нужду, / притерись / Уралу ко льду, / ворвались в дверь, / идя на штурм... (Маяк.); Ему лишь *взмедведиться* может такое... (Маяк.); В смокинг *виштопорен*... (Маяк.); Алкаш не каждый у пивной / так вавилоны – до закорка / *впиджачен* в бурое, насуплено / взирая, – пишет по земной / тще к наливным подвалам Орка... (Амел.) и др. Данные окказиональные глаголы характеризуются достаточно прозрачной структурой, т. к. легко соотносятся с соответствующими глагольными прототипами (ср.: *вытрудить*, *впасть*, *вздуматься*, *ввинтить*). Тем не менее, им присуща особая образность, характеризующая поэтическую речь в целом.

Адъективная деривация

Адъективы, мотивированные адъективами

В числе окказиональных адъективов данного типа нами отмечены новообразования с приставкой *раз-* / *рас-*, выражающей значение высокой степени какого-либо качества: Возьми / *разбольшуций* / дом в Нью-Йорке, / взгляни / *насквозь* / на зданье на то... (Маяк.); Шаг держи! / Не теряй темп! / *Перегнать* / пятилетку / нам бы. / *Распрабабкиной* техники / скидывай хлам. / Днепр, / турбины / верти по заводьям... (Маяк.); Прощай, лямка! прощай, честь! / Самая что ни-на-есть / *Разрабочая*, крестьянская! (Цв.); Нет, Государь *Распровеликий*, / Распорядитель снов, / Не на своих сынов работал, – / *Бесам на торжество!*.. (Цв.). Дериваты данного типа довольно часто встречаются и в прозе: *расцветастые* косыночки (Евт.); *передовой-распередовой* (Аст.), *разбольничный* режим (Звер.) и др. Подобная приставка придает мотивирующим прилагательным качественные оттенки и часто создает эффект иронии.

В числе окказиональных адъективов имеются такие, которые моделируют присущие качественным прилагательным краткие формы,

а также формы компаратива, элатива и формы субъективной оценки. В большинстве случаев подобные окказионализмы мотивируются относительными прилагательными. Среди примеров использования окказиональных адъективов в краткой форме нами отмечены следующие: *Ну что тебе надо ещё от меня? / Чугунна ограда. Улыбка темна...* (Возн.); *Я вызнал трав сезонный рост, / Повадки знаков зодиака, / И легкий ветер-забияка / Предстал мне азбучен и прост...* (Цветк.); *И любовь и чувства так лесны...* (Сев.).

Кроме того, поэтическая речь содержит немалое количество окказиональных форм компаратива и элатива: *Где роза есть нежнее и чайнее?* (Маяк.); *Найти / растёт старание / мужей / поиностранные...* (Маяк.); *Бил колокол на колокольне ближней, / Пел колокол на колокольне дальней, / И мостовая стлалась всё булыжной...* (Март.); *Я помню – ту, имевшую в виду / писать в тетрадь до сини предрассветной. / Я медленно навстречу ей иду – / на двадцать лет красивей и предсмертней...* (Ахмад.); *Спроворит, как по нотам, / футбольнейший подкат / официант с блокнотом...* (Евт.); *Он на фордовских / мощных заводах, / на рекламнейшем из производств, / где рабочим / в мертвецкой лишь отдых...* (Асеев) и т. д. Анализ вышеприведённых окказиональных дериватов даёт основание говорить о присущей им образности, создаваемой за счёт семантических переносов метафорического и метанимического характера, когда за относительными признаками закрепляются определённые качественные признаки: *футбольнейший* – более ловкий, прыткий, быстрый; *рекламнейший* – очень известный; *поиностранные* – богаче и т. д.

Адъективы, мотивированные субстантивами

В поэтических текстах значительно увеличивается количество окказиональных адъективов, которые составляют 25 % от общего числа аффиксальных окказионализмов (ср.: 11 % – в детской речи, 14 % – в разговорной речи взрослых). Образование окказиональных имён прилагательных, мотивированных субстантивными основами, занимает достойное место в словотворчестве многих поэтов (73 % от общего количества аффиксальных адъективов). Большую группу составляют окказиональные дериваты, объединённые значениями принадлежности или иного рода отнесённости к тому, что выражено производящей основой.

Определённая преемственность между словотворчеством поэтов и разговорной речью детей и взрослых прослеживается в производстве окказионализмов с формантом *-ин-* (37 случаев): *деревнина дочка* (Евт.), *стройкин сын* (Евт.), *чахоткины плевки* (Маяк.), *тучкины штучки* (Маяк.), *вещины губы* (Маяк.), *скрипкина речь* (Маяк.) и т. д. Значение принадлежности может передаваться посредством и других

словообразовательных единиц. В качестве одного из таких выступает суффикс *-ов-* / *-ев-*: *пекловы* глубины (Маяк.), *Петербурговы* буруны (Маяк.), *капиталова* дворня (Маяк.), *Авророва* шестидюймовка (Маяк.), *гитаровый гриф* (Выс.), *пургово*в кашель (Ес.), *июневый* набросок (Сев.), *омутовая* муть (Салим.), *вулканово* жерло (Хал.) и др. В поэмах В. Маяковского зафиксированы 26 новообразований с данным формантом [8, с. 12]. В качестве словообразовательного форманта поэтами используется также формант *-j-* / *-иј-*: *благодарушье миноносье* (Маяк.), *небье* лицо (Маяк.), *штычий* блеск (Маяк.), *сугробьи* горбы (Сельв.), *гостиничьи* рёбра (Сельв.), *шашьи* свисты (Сельв.) и др.

Приведённые примеры показывают, что новообразования от основ неодоушевлённых имён существительных с вышеуказанными суффиксами создают скрытый эффект олицетворения. Подобные окказионализмы нередко становятся компонентами метафорических конструкций, за счёт чего образность подобных фрагментов усиливается, например: *небье* лицо (Маяк.), *скрипкина* речь (Маяк.), *стройкин* сын (Евт.), *пурговыи* кашель (Ес.) (ср.: *лунанина* мама – из детской речи).

Известны также окказиональные адъективы со значением свойственности (98 случаев), образованные при помощи суффиксов *-ск-*, *-овск-*, *-н-* и др. Среди них наиболее показательны адъективы с формантами *-ск-*, *-овск-*, которые выражают отношение к лицу, предмету, месту и т. д.: *нэпское* сердце (Маяк.), *гумские* дамы (Маяк.), *бюрократовский* аппетит (Маяк.), *гегемонские* интересы (Мор.), *манекенские* паи (Выс.), *привиденские* корабли (Цв.), *босфорский* плеск (Мес.) и др. Подобные примеры часто встречаются и в художественной прозе: *портосовская* страсть к щегольству (Наг.), *торгфлотовский* моряк (Евт.), *гонконговская* лавчонка (Евт.), *обитатели общежитьевского* «кубрика» (Год.). Ранее отмечалось употребление данных формантов в разговорной речи детей и взрослых, а также в сфере публицистики.

Значение признака, который проявляется в избытке, выражается посредством суффиксов *-аст-*, *-ат-*. В языковом узусе подобные дериваты мотивируются основами со значениями цвета, части тела, характерного атрибута человеческой внешности [66, с. 66]. В поэтической речи в качестве мотивирующих основ могут выступать субстантивы, которые обозначают любые бросающиеся в глаза объекты и их изображения: *черепастый* флаг (Выс.), *туфлястый* денди (Маяк.), *молоткастый*, *серпастый* (о паспорте) (Маяк.), *серьгастый* (Кенж.). Ср. в прозаических текстах: *галифастые* комиссары (Аст.), *крестатый* танк (Стад.). Окказионализмы с формантами *-аст-*, *-ат-* в какой-то степени характерны и для детского словотворчества (ср.: *косатая* снегурочка). В детской речи в качестве производящей основы могут выступать и слова со значением родства: *дочкастая* мамаша (пример К. Чуковского) [231, с. 32].

Для поэтических текстов также, как и для разговорной речи взрослых и детей, представляется актуальным выражение значения отсутствия какого-либо признака или качества, что достигается посредством употребления сложных формантов (*без-* / *бес-* + *-н-*, *без-* / *бес-* + нулевой суффикс): *Степь беззимняя гола...* (Манд.); *Безмесячная ночь дышала негой кроткой...* (Апхт.); а также *бестинный пруд* (Сев.), *бестелые кости* (Ес.), *бескудрая голова* (Ес.), *бескартузый Бронштейн* (Маяк.). Ср. в художественной прозе: *бесцерковные попы* (Герм.), *беспогонные военкоры* (Наг.), *бесцарёвая порода* (Федорч.) и т. д.

Особая образность достигается в случае образования дериватов посредством *без-* / *бес-* + нулевой суффикс. Языковой узус предписывает использование в качестве производящей базы имён прилагательных со значением части тела живого существа [66, с. 86]. Однако в окказиональном словотворчестве мы наблюдаем расширение производящей базы выше указанного словообразовательного типа и, как следствие, развитие семантической двуплановости: *безорлого неба пустыня* (Хл.), *бестелое слово* (Маяк.), *безмясый век* (Маяк.), *бескрыший дом* (Цв.). Ср.: *безмясый век* (т. е. голодный) (Маяк.) – *безмясая шея* (т. е. тонкая) (Ес.).

В поэтической речи, также как и в публицистической, отмечается использование и других сложных формантов с пространственными (*за-* / *пред-* / *над-* / *под-* + *-н-*) и с временными (*за-* / *до-* / *после-* + *-н-*) значениями, что в целом отражает одну из особенностей книжной речи: *На застенное пристанище, / За пожнёвые утырины, / На укрепы ли козельские. / Ой, бахвалятся провытники...* (Ес.); *Марина, до! До – детства, до – судьбы, / до – ре, до – речи, до – всего, что после, – равно, как вместе мы склоняли лбы / в той общедетской предрояльной позе...* (Ахмад.); *Пора одеться в зиму / предновостройным паркам...* (Шир.); *И доскою надкрестною – Прибита к горе заря...* (Ес.); *Москва колотила – в булыжник копытами, – клубилась в дымках – подгородних равнин...* (Асеев); *Бродит за полночь меж подворотен / Подколонной гармоник стон...* (Сопр.); *Жалкий обладатель за полночных улиц. – Будто пёс бездомный, зло скуля, сугулясь...* (Стрел.); *Вечно преждевременный, навечно / довременный и послевременный Павел / не был своевременным, конечно...* (Слуцк.) и т. д.

Адъективы, мотивированные глаголами

Отглагольные имена прилагательные составляют сравнительно небольшую группу окказиональных дериватов (21 % от общего количества окказиональных адъективов). К ним относятся, как правило, дериваты со значением способности к совершению действия, выраженного

мотивирующей глагольной основой. Некоторые поэтические окказионализмы данного типа напоминают соответствующие новообразования из разговорной речи детей и взрослых. Это прежде всего окказионализмы с формантами *-уч-*, *-лив-*, *-ист-*: *хромучий пёс* (Евт.), *капучая слюна* (Ес.), *когти скребущие* (Бун.), *шелестливые стишки* (Евт.), *увековечливая кисть* (Маяк.), *рыдалистая дрожь* (Ес.) и т. д. Следует отметить, что подобные новообразования из разговорной речи согласуются, как правило, с наименованиями живых существ (ср.: *мявкистая кошка*, *ругачая мама* и др. – из речи детей). В поэтической речи данные окказионализмы могут сочетаться также с названиями неживых объектов и абстрактных понятий.

Адвербиальная деривация

Наречные дериваты составляют относительно небольшую группу окказиональных новообразований в сравнении с окказионализмами других частей речи (8 % от общего количества аффиксальных окказионализмов). Однако их количество несколько превышает имеющееся в сфере разговорно-бытовой коммуникации, где подобные новообразования составляют чуть более одного процента. Наибольшей продуктивностью отличаются адвербиальные окказионализмы, образованные посредством форманта *-о* от адъективных основ: *Надоело жить очерково...* (Возн.); *Он отсюда / мыслил / ракетно. / Мысль его, описав дугу, / разворачивала / парапеты / возле Зимнего на снегу!..* (Возн.); *Улетаю – когда журавлино, когда тополино...* (Павл.); *Морщины поперёк лба / нотно лоб разлиновали...* (Павл.); *Скажи мне, Сулягин, любимец богов, / куда это время уходит концертно...* (Павл.). Примечательно то, что многие окказиональные наречия мотивируются субстантивными основами, поскольку подразумеваемые в таких случаях прилагательные в языковом узусе отсутствуют: *Инфузорно / Мы пылаем / И выпениваем в споре / Восклищанья, несть числа им, / Будто это капли в море...* (Март.); *Кудри чёрные змейно трепал ветерок...* (Ес.); *И в актовом зале, / как будто бы в зале Конвента, / за выкриком выкрик / взлетают несметно, / кометно...* (Евт.); *В шумном платье муаровом, в шумном платье муаровом / По аллее олуненной Вы проходите морево...* (Сев.). Выше представленные окказиональные наречия характеризуются высокой степенью образности, т. к. в основе их создания находятся метафорические переносы. Одним из таких примеров служит окказионализм *морево*, который имеет фонетическую обусловленность (ср.: *морево – муаровое*), а на основе звукового сходства происходит сближение семантическое: лёгкость муарового платья, его шелест могут напоминать шелест морской волны. Большое количество адвербиальных окказионализмов с формантом *-о*

содержится в текстах художественной прозы: *купоросно ярка зелень сада* (Бун.); *гранатно краснеет <...> окно* (Бун.); *ниточно сузившаяся тропа* (Наг.); *так раскатисто, так горохово* (Наг.); *жестяно прошелестел первый снаряд* (Год.) и др.

Аналогия с ранее рассмотренными речевыми сферами, в частности с публицистической, прослеживается в образовании окказиональных наречий с формантом *по-* + *-и*, предполагающим образное сравнение: *Конферансье, по-мефистофельски носат*, / *нам представляет человеческий зоосад...* (Евт.); *По Петровке / ходят яро / пары, / сжаты по-сардиньи...* (Маяк.); *С печальными глазами, не в силах отстраниться, / Но подемагожьи растягиваясь ртом...* (Сельв.) и т. д.

Сложение

Художественные тексты изобилуют окказиональными композитами, характеризующимися разной частеречной принадлежностью. Количество дериватов данного типа составляет 28 % от общего числа зафиксированных нами окказионализмов. Данный факт отражает характерную для системы окказиональной деривации тенденцию к структурно-семантическому усложнению.

Для поэтических текстов является актуальным образование окказиональных субстантивов на основе сочетаний, лексические единицы которых находятся в отношениях сочинения. Один из компонентов таких композитов (как правило, второй) выполняет функцию характеризующего средства: *слоно-конь* (Евт.), *санки-самолеты* (Ес.), *жизнь-качель* (Горб.), *память-падалыщица* (Гандл.). Особенно велико количество подобных окказионализмов в текстах В. Маяковского: *очки-велосипед, волосы-джунгли, усища-веники, транспорты-галюшины, тучи-борода, пики-перья, клипсы-лапки* и т. д. В подобных новообразованиях контрастность между словообразующими средствами создается на уровне целых основ, чем и определяется своеобразие метафорической образности по сравнению с аффиксальными окказионализмами (ср.: *волосы*, подобно джунглям).

Количество композитов с абстрактной семантикой значительно увеличивается за счёт дериватов, образованных на основе именных словосочетаний посредством продуктивного в книжных текстах суффикса *-j-*: *свинцовоночие* (Маяк.), *черноручье роици* (Асеев), *зеленолистья яруссы* (Бок.), *бурноводье* (Кирс.), *чернолюдые* (Манд.) и т. д. Отвлечённость семантики характерна и для окказионализмов, в которых первый компонент выражен именем числительным: *тысячехолмие* (Манд.), *стоглазье* (... и даже лужи изумлённые глядели / *Стоглазьем лопочущихся пузырей...*) (Сельв.), *пятилучие* (*Две стороны обойдите. / В каждой дивитесь пятилучию. / Называется «Руки»...*) (Маяк.).

По данным И. Л. Загрузной, композиты данного типа составляют самую многочисленную группу среди окказиональных существительных Н. Асеева (*десятикратно, толстодушие, пестроцветье* и др.) [69, с. 9].

Менее продуктивным является производство дериватов со вторым глагольным компонентом. Данная группа, как правило, представлена новообразованиями с абстрактной семантикой. В качестве словообразовательного форманта часто выступает нулевой суффикс: *словопад* (Маяк.), *листолёт* (Ес.), *свистопад* (Возн.), *крылолёт буеров* (Сев.) и др.

Отмечается значительное увеличение количества адъективных композитов (34 % от общего числа окказиональных композитов). Особой продуктивностью характеризуются окказионализмы, образованные от именных словосочетаний посредством нулевого суффикса (ср.: *синеглазый*). Языковой узус предписывает производство подобных дериватов от основ имён существительных со значением части тела живого существа [89, с. 56]. В сфере окказионального словотворчества отмечаются многочисленные случаи отклонения от языковой нормы, когда в качестве мотивирующей основы выступают имена существительные самой разнообразной семантики. Среди подобных композитов показательны такие, которые в сочетании с определяемыми субстантивами как бы переводят обозначаемые данными субстантивами объекты в разряд живых существ, тем самым выражая эффект олицетворения: *зеленорогие столетники* (Евт.), *златозубая высь* (Ес.), *зеленокосая береза* (Ес.), *медногорлая сирена* (Маяк.), *льнянокудрая волна* (Манд.), *каменногрудый, каменнолобый, каменнобровый* (о столбе) (Цв.) и др.

В качестве первого компонента окказионального композита может выступать и числительное: *стошумный Нью-Йорк* (Асеев), *стотысячесабельная конница* (Маяк.), *тыщевёрстное протяженье* (Евт.), *тысячесвечовая рампа* (Слуцк.).

Аналогия с ранее рассмотренными речевыми сферами прослеживается в образовании окказиональных композитов с опорой на соответствующие дериваты узуального характера, которые нередко включаются в общие с новообразованиями контексты: *Сорвиголов и оторвиголов видал...* (Выс.); *Лесная живопись / Плетней ты кривопись...* (Март.). При этом в отдельных случаях сохраняется тенденция к выражению семантической полярности: *Никак придумать не могу / Смехоточивые репризы...* (Меж.) (ср.: слезоточивый).

Для поэтических текстов характерно достаточно активное образование композитов (глагольных, адъективных и адвербиальных) по окказиональным моделям. В качестве словообразовательной базы подобных слов могут использоваться как фразеологизмы, так и свободные словосочетания: *И, в долгожданной поре и свободе, / Там, где позволено листошуршать, / Вы, оголтело, забыв о погоде, / Мчитесь к любви,*

чтобы ею дышать... (Дубин.); *И с жадным страхом улица глядела, <...> как в отблесках дешёвого газета / белым-белели руки на груди...* (Ахмад.); *И выползет из колоса, / Как рой, пшеничный злак, / Чтобы пчелиным голосом / Озлатонивить мрак...* (Ес.); *Он электроблещет колдовски...* (Март.) (о Днепре); *Эй вы! Синегубые! / Эй! Холодноносые! / Эй вы! Стукозубые / И дыбоволосые!..* (Выс.); *Лёва поднял глаза / с подглазными мешками, набитыми пылью скитаний, / и вдруг спросил / совсем по-московски, / вернее по-улицегорьковски...* (Евт.).

Аббревиация

В поэтической речи, также как и в речи других жанрово-стилевых разновидностей, отмечается создание окказиональных аббревиатур. Однако дериваты данного типа не имеют широкой распространённости и являются характерными для словотворчества некоторых поэтов (А. Вознесенского, Е. Евтушенко, В. Маяковского, В. Хлебникова). Это могут быть новообразования слогового типа: *Наступал период ледниковый. / Кислород твердел. Белели пики. / В белый панцирь был Земшар закован...* (Возн.); а также *людволны* (Хл.), *людлучи* (Хл.), *чегубы* (Хл.) и т. д. [50, с. 152]. Сложносокращённые новообразования инициального типа в подобных произведениях достаточно редки. Примером таких окказионализмов служит дериват А. Вознесенского *е.в.ж.*, представляющий собой своеобразную терминологическую единицу: *Стоило гроши и вдруг алтын. / Ложная растёт дороговизна. / Ценность измеряется одним – / единицей вложенности жизни! <...> Сколько лет темницы в мятеже? / Сколько лет страданья на страницу? / Всё определимо е.в.ж. – / непоколебимой единицей...*

Некоторые поэтические аббревиатуры соотносятся с соответствующими дериватами из публицистической речи. В этом отношении примечательны окказиональные агентивы А. Вознесенского, построенные с усечением первого компонента: *Сказанное вчера по Голосу, а нынче госсоловьями – / благословляю...; Ах, Клубок Литтарантулов, не устали делить монументы...; А ну, шарахни / по совмещанам свои затрецины!..* и др. Первые два окказиональных деривата характеризуются ярко выраженной метафоричностью и уподобляют людей представителям фауны. В окказиональном субстантиве *госсоловей* наблюдается актуализация фразеологической семантики мотивирующей его основы (*заливаться соловьем*).

Также отмечаются случаи образования мастерами слова окказиональных аббревиатур разных типов, представляющих наименования организаций, учреждений, госструктур и др.: *И промысловики, / которым*

*здесь не место, / несут китам венки / от Главгарпуностреста... (Евт.);
Небылицей покажется кое-кому. / А я, / в середине XXI века, / на Земле, /
среди Федерации коммун – гражданин ЗЕФЕКА (Маяк.).*

Окказионализмы, образованные не характерными для языкового узуса способами

Поэтические тексты содержат достаточно большое количество контаминированных и рэтимологизированных окказионализмов (16 % от общего количества окказиональных дериватов), что свидетельствует об определённых универсальных тенденциях в области окказионального словопроизводства, пронизывающих как речь детей, так и речь взрослых в её определённом жанрово-стилевом разнообразии. Большой интерес со стороны поэтов к контаминации объясняется возможностью создания особой образности посредством совмещения значений, как правило, двух мотивирующих основ. Обыгрывая созвучные формы, авторы намеренно сталкивают их семантически, вызывая в сознании читателя необходимые образы. Это позволяет соотнести данные дериваты с тропами других разновидностей, в частности с рассматриваемым рядом исследователей тропом, именуемым как сталкивание значений [164]. Контаминированные дериваты являются приметой идиостилий таких поэтов, как А. Вознесенский, В. Высоцкий, С. Кирсанов, хотя встречаются также в произведениях и других поэтов.

Контаминация в поэтической речи отличается большим разнообразием включаемых в состав новообразований словесных элементов. В качестве деривационной базы какой-либо одной контаминированной единицы могут выступать слова, выражающие очень далёкие по смыслу понятия. Именно поэтому созданные подобным способом окказионализмы трудно поддаются систематизации. Очень важную, нередко перво-степенную, роль в контаминации играют разного рода созвучия элементов, используемых в роли словообразовательной базы: *Вот мордой в обрыв / нагорья лежат / в сиянье горбы / твоих Эльбружат...* (Кирс.). Окказионализм *Эльбружата* основывается на звучании слов *Эльбрус* и *верблюд*, подготавливается данная лексическая единица предшествующей зоонимической метафорой *Эльбрус – двугорбый верблюд (Я снег твой люблю / и в лёд твой влюблюсь, / двугорый верблюд, / двугорбый Эльбрус...)*, благодаря чему отмеченный окказионализм развёртывает начальную метафорическую ассоциацию: *Эльбрус – верблюд, малые нагорья – верблюжата*, понимаемые как детёныши Эльбруса. Соматизмы (*горбы, морды*) способствуют актуализации уподобления и выступают в качестве локальных метафор. Здесь можно усмотреть также и совмещение

значений *верблюды* и *Эльбрус*. В другом примере В. Высоцкого *Снуют людишки в ужасе / По правой стороне, / А мы во всеоружасе / Шагаем по стране...* обнаруживается приём, близкий к каламбуру, что достигается «подгонкой» окказионализма под рифму.

Созвучие элементов, мотивирующих контаминированные окказионализмы, может приобретать различный характер. Иногда возникает своеобразное наложение морфем по типу «телескопии»: *Мой ирландыш, прощай навсегда...* (Евт.); *Всё запрограммировал Гуру Урагана. / Чёрный урагангел, помилуй нас!..* (Возн.); *Бродит меж нами духовный чучмек – / чучеловече...* (Возн.); *Лешачиха со зла, / лишив меня лешевелюры, / вчера из дупла на мороз прогнала...* (Выс.); *Завидев / утра полосу, / они ползут, / и я ползу <...> на грандиозье Монте-Карло / поганенькие монтекарлики...* (Маяк.); *убежала как змея / или ящерица / ты не ты и не моя / ты не настоящерица...* (Кирс.). Возможно также наложение, когда одна мотивирующая основа как бы «вклинивается» в другую. Таков, например, окказионализм В. Маяковского *затрубадурила* (задурить + трубадур): *Глядит / в удивленье небесная звездь – затрубадурила Большая Медведица. / Зачем? / В королевы поэтов пролезть?..*

Кроме того, нами зафиксированы случаи контаминации с усечением одной из производящих основ, как правило, первой: *Улыбчивый, мурлыбчивый, со многими на «ты», / И дружески отзывчивы чеширские коты...* (Выс.); *Чем шире рот, тем чешире кот...* (Выс.); *Взор небесный. Рост. Вес. / Заглядишься – Зеркулес...* (зеркало + Геркулес) (Возн.); *Мимо черт нёс в ад двух критиков, взяв их, / как зайца за уши, за их ядовитые / язюилы...* (язык + Зоил – древнегреческий оратор, философ) (Возн.) и т. п.

Установка на обыгрывание смысловых ассоциаций может привести к тому, что созвучие оказывается приблизительным. Примером тому является окказиональный дериват Е. Евтушенко *неустаюноша* (*Не уставай до самой смерти, / неустаюноша седой, / от возмущенья грязью, мерзью, / от восхищения красотой...*). В данном случае мы наблюдаем наложение части суффикса мотивирующего причастия и начального звука *ю* в корне слова *юноша*.

Другой тип построения контаминированных окказионализмов оновывается на использовании из производящей базы начального элемента первого слова и конечного элемента второго без явления наложения. Таков, например, окказионализм А. Вознесенского *осенебри* (*Летят вдали / красивые осенебри, / но если наземь упадут, / их человолки загрызут...*), в котором используется целиком элемент *осень* и общая концовка слов, обозначающих месяцы. В результате создаётся образное представление об осенних месяцах, чему вероятно способствует и созвучие элемента *неб* со словом *небо*, которое продуцирует зрительные ассоциации с осенним небом.

Известны и более изощрённые способы контаминации, когда конечный звук первого контаминирующего элемента оказывается как бы лишним в составе второго. Именно эта избыточность и создаёт эффект контаминации: *В яйцах ворочались, вылупляясь, **страхусы**...* (Возн.); *Я не был только протестом. / Протест мой звучал как тест. / Я был Твоим **архитекстором**. / Пора возвращаться в текст...* (Возн.). Поэтами могут использоваться также и омонимичные основы иноязычного происхождения: *Пусть **кURLычат** они, улетаая, / на бескрайнем трубят миру – / три журавлика вечной стаи – / W / w / w / ru...* (Возн.).

Реэтимологизация как приём наделения узуального слова чуждой ему внутренней формой – явление в поэзии достаточно частое. Например, слово *завещание* у А. Вознесенского становится как бы производным от глагола *верещать*, что приводит к созданию окказионализма *заверещание*. В большинстве случаев в качестве характеризующего компонента используются глагольные основы. Выше представленный пример отражает данную тенденцию. Аналогичным образом строятся слова *гробувь* (Евт.) (*Это их магазины, / где ты приодеться не пробуй, / где не платья – проклятья, / не обувь, а **гробувь**...*); *бьюга* (Хл.) (*И **бьюга** водопада об утёсы / Седыми бивнями волны...*); *лизолятор* (Выс.) (*Пошёл лизать я раны в **лизолятор**...*); *крохей* (Выс.) (*Название **крохей** от слова «кроши», / От слова «кряхти» и «крути» и «круши», / Девиз в этих матчах: «Круши – не жалей! / Даёшь королевский **крохей!**»*).

В поэтической речи также возможно употребление окказиональных дериватов, направленных на своеобразное моделирование и стилизацию детской речи. Нами отмечены случаи совпадения окказиональных слов поэтов и детей: *Почему ручей? Надо **журчей**. Ведь он не ручит, а журчит* (из детской речи) [213, с. 39]; *И точильный камень льётся / **Журчаем**...* (Манд.). Переосмыслению могут подвергаться также и компоненты слов, обозначающие родителей: *Послушайте все – ого-го! эге-гей! – / Меня, Попугая – пирата морей! / Родился я в тыща каком-то году / В банановлиановой чаще. / Мой папа был **папа-пугай** какаду, / Тогда ещё не говорящий...* (Выс.).

3.3.2.2 Поэтические окказионализмы и контекст

В предыдущих разделах отмечалось, что окказиональные слова соотносятся с контекстом и получают в нём определённую актуализацию. Подчёркивалось также и то, что новообразования подобного типа способны объединяться в ряды или группы семантически и структурно соотносимых элементов. Данные тенденции уже наблюдаются в детской речи, хотя и не характеризуются широкой представленностью, и находят самое разнообразное продолжение в речевых сферах взрослых.

Поэтические окказионализмы, помимо роли своеобразных образно-тропеических фрагментов, представляющих своего рода вкрапления в поэтическом тексте, зачастую выполняют текстоорганизующую и текстообразующую функции, приобретая при этом композиционную значимость. Поэтический параллелизм отмечается в работах ряда исследователей [10, с. 37], [75, с. 167–171].

У многих поэтов обнаруживается тенденция к построению образно-тропеических рядов, объединяющих слова одних частей речи. Цепочки, включающие глагольные дериваты, обнаруживаются в произведениях М. Цветаевой, В. Высоцкого, В. Маяковского и др. В качестве объединяющих элементов таких рядов нередко выступают префиксальные морфемы (*недо-*, *в-*, *от-*, *вы-* и т. д.). Например, в тексте В. Маяковского «Флейта-позвоночник» представлен ряд глагольных окказионализмов с формантом *вы-*: ***выхмурясь тупенько, столетия выжуют, сердце вызнакомь, глазами вызарила*** и др. Префикс *вы-* в глагольных дериватах этого ряда выражает значение интенсивно совершаемого действия, направленного на достижение определённого результата. Другим примером построения ключевого глагольного ряда является стихотворение М. Цветаевой «Так вслушиваются в исток...». В качестве семантически и композиционно значимой словообразовательной единицы выступает приставка *в-*: ***вчувствовывается в кровь, впадываются в пропасть, вглатываются в глоток, вплакиваясь в плач, вишптываются в шёпот, вплясываются, вкрикиваясь в крик, в малчиваются в тихость, вбаливаются в любовь*** и т. п. В данном тексте М. Цветаевой многочленный ряд глагольных дериватов, представляющих в своём большинстве окказионализмы, выполняет функцию композиционного и смыслообразующего ядра всего произведения, выражая идею увлечённости, поглощённости и стремления к полному насыщению чувствами и эмоциями.

В стихотворении В. Высоцкого «Алиса в Стране Чудес» в один образно-тропеический ряд объединяются окказиональные существительные с элементом *анти-*, который присутствует в предшествующем этому ряду слове *антиподы* и выражает общую идею противоположности и противопоставления: – *Мы – антиподы, мы здесь живём! / У нас тут антиординаты. / Стоим на пятках твёрдо мы и на своем, / Кто не на пятках, те – антипяты!* <...> *И даже пробуют ходить на головах / Антиребята, антимамы, антипапы.*

Показательны в данном отношении ряды окказиональных субстантивов, соотносимых с именами людей. Подобный приём активно используется А. Вознесенским, который в своих стихотворениях производит серии агентивов окказионального характера, мотивированных именами нарицательными, а также основами других частей речи, по модели образования отчеств людей: *Свитер Фертович, Винтичек*

Отвёрткович, Вытегра Осётрович, Акварель Офортovich, Вытри-слёзы-Горькович, Ветром Свирь-строй Тёртович (о Викторе Федоровиче), *Марлен Картинович, Антиминфинович, Политехничевич, Марлен Триумфович, Мортирович* (о Марлене Мартыновиче). В какой-то степени данные дериваты соотносятся с рэтимологизированными агентами из речи детей и взрослых (ср.: *Барбарисович – Борисович, Обезьянович – Емельянович*).

Помимо вышеописанного приёма текстообразования, для поэзии характерно построение словообразовательных гнёзд, в которых окказиональные слова имеют общую мотивирующую основу. Е. А. Земская рассматривает такое явление в качестве приёма окказионального словообразования, который она называет «словообразовательный куст» [75, с. 196]. Ярким тому примером является произведение В. Хлебникова «Заклятие смехом», в котором наблюдается образование ряда окказионализмов самой разнообразной частеречной принадлежности от производящей основы *смех*: *смехачи, смеянствовать, смеяльно, усмеяльно, надсмехальный, иссмеяться, смейево, смешики, смеюнчики* и т. д. [50, с. 181]. При этом следует отметить, что в некоторых случаях основа *смех* выступает в качестве производящей опосредованно: *смех – смеяться – смейево* (ср.: *кружиться – кружево*), *смех – смеяться – смеяльный – смеяльно* и т. д.

Аналогичным образом строится деривационный ряд в стихотворении В. Маяковского «Евпатория»: *Скрип уключин, / всплески / и крики – / развлекаются / евпаторийки. / В дым черны, / в тюбетейках ярких / караимы / евпаторьяки. / И сравнясь, / загорают рьяней / москвичи – / евпаторьяне. / Всюду розы / на ножках тонких. / Радуются / евпаторёнки... / Все болезни / выжмут / горячие / грязи / евпаторячьи. / Пуд за лето / с любого толстого / соскребет евпаторство*. Следует отметить, что указанные дериваты представляют собой наименования лиц в их отнесенности к конкретному месту пребывания, наряду с которым выражаются дополнительные модификационные характеристики по возрасту и полу.

Интересный приём образования ряда окказионализмов разной частеречной принадлежности представлен в стихотворении С. Кирсанова «Глядя в небо». Новые слова появляются как результат скрещивания некой основы со словом *дирижабль*: При этом взаимодействовать может как начальная часть слова, так и конечная: *пролежабль, держабль, дирижабры, диризяблик, дирижаворонок* и др. Подобное наблюдается и в произведении В. Высоцкого «Письмо в редакцию телепередачи...», где в качестве связующего элемента выступает адъективная основа *бермудский*: *черти бермутят воду; бермуторно на сердце и бермутно на душе; кормят, поят нас бермутью*.

Характерная для современной поэзии тенденция к усложнению образной информативности находит выражение и в усложнении тропеических средств образности, что проявляется также в системе средств окказионального словотворчества. Материалы показывают, что в окказиональных словах, создаваемых поэтами, могут чётко прослеживаться ассоциации метафорического характера, т. е. по сходству, смежности, контрасту, которые порождаются как морфемной структурой самих окказиональных слов, так и контекстом. Показателен в данном отношении окказионализм В. Высоцкого **антиллеристы**, троповость которого основывается на приёме сталкивания значений. С одной стороны, данное новообразование представляет собой встречающийся в разговорной речи искажённый вариант слова *артиллерист*, совпадающий с ним по лексическому значению. На этот смысл указывает контекстное окружение, т. к. речь идет о бомбардировке и ядрах: *Тропы ещё в антимир не протоптаны, / Но, как на фронте, держись ты! / Бомбардируем мы ядра протонами, / Значит мы антиллеристы...* В то же время здесь можно предполагать и ложную этимологию: **антиллеристы** – это те, кто отрицают лирику. Данная семантика проясняется в контексте развернувшейся в 70-е годы на страницах «Литературной газеты» дискуссии о пользе лириков, т. е. людей духовного склада ума, и физиков, представителей точных наук. Таким образом, в окказионализме **антиллеристы**, который является образным сам по себе, оживляется и ассоциация с омонимичным разговорным словом, что создаёт эффект игры семантики омонимов, квалифицируемый как один из тропов сталкивания значений.

Оживление внутренней формы характерно и для окказионализма В. Маяковского **тьмутараканья**: *Шеры... / облигации... / доллары... / центры... / В винницкой глуши тьмутараканья, / так я рисовал, / вот так мне представлялся / стопроцентный / американец...* Данный окказионализм необычен уже тем, что представляет собой деепричастную форму не существующего в языке глагола *тьмутараканиться*. Наряду с обыгрыванием значения топонима *Тмутаракань*, посредством мягкого знака вызываются ассоциации с *тьмой* и *тараканами*. Интересно отметить также, что слово *тьмутаракань* может употребляться в значении 'глушь, медвежий угол, глухомань', на что указывает словарь синонимов [2, с. 506].

Интерес представляют и другие окказиональные слова С. Кирсанова, например: *То стужа ветку серебрит, / то душит слякоть дряблая. / Дичок привит, и вот – гибрид! / Моягода, мояблоня...* Метафоричность данных «гибридных» новообразований заключается в том, что сами слова уподобляются новым сортам садовых растений. Под дичком понимается необработанное, непоэтическое слово, которое впоследствии превращается в слово как предмет искусства. Кроме того, здесь можно предполагать и

скрытое олицетворение, поскольку созданные поэтом слова представляют для него нечто дорогое, как бы дорогого человека.

Таким образом, в поэтической речи окказиональные слова проявляют наивысшую степень семантического и информативного усложнения и являются результатом творческого труда поэтов, в совершенстве владеющих приёмами работы со словом. В поэтических контекстах окказионализмы развивают дополнительные смыслы и нередко соотносятся с тропами других разновидностей (метафорой, олицетворением, совмещением значений и т. д.).

3.3.2.3 Окказиональные слова в системе поэтического текста

Окказиональные слова могут изучаться не только в качестве особого разряда лексики, но и как органичные элементы поэтических текстов. Интерес к этой проблеме обусловлен тем, что окказиональные слова, наряду с другими тропеическими средствами, часто выступают в качестве элементов образной структуры текстов, становясь при этом важными показателями текстовых признаков цельности и связности, коммуникативной обусловленности и композиционной организации.

Как и тропы других разновидностей, окказиональные слова могут занимать в системе целых текстов доминирующее положение, что позволяет рассматривать подобные тексты в качестве одного из подразрядов общего разряда текстов-тропов. Признаками этих текстов, тропеичность которых основывается на употреблении окказиональных слов, являются такие, как употребление окказионализмов в сильных позициях (начало и конец текста, заглавие и др.), включение окказионализмов в разные смысловые блоки, их согласованность по семантическим, словообразовательным и фонетическим признакам и их участие в формировании смысловой и – шире – композиционной структуры текстов.

Как отмечалось выше, окказионализмы в связной речи способны образовывать ряды, в основе которых лежат определённые приёмы словообразования: по типу словообразовательных гнёзд, сведение производных с разными корнями к какому-либо одному образцу, создание групп семантически и грамматически различающихся контаминатов на основе лексем, в чём-либо сходных по звучанию.

Выступая в функции текстообразования, окказиональные слова подчиняются логике смыслового развёртывания текста и приобретают композиционную значимость. Есть основания считать, что между способами окказионального словотворчества и жанрово-типологическими разновидностями текстов существует определённая взаимосвязь. Например, конструирование разного рода контаминатов более характерно

для текстов каламбурного характера, в которых на первое место выдвигается эффект словесной игры. Как правило, это тексты относительно небольшого объёма, где концентрация окказионализмов достаточно велика. Аффиксальные дериваты часто образуют в структуре текста небольшие, нередко отстоящие друг от друга достаточно далеко объединения, выступающие в качестве доминант образности. В развёрнутых текстах группы окказионализмов могут быть организованы по иерархическому принципу.

Всё сказанное проиллюстрируем на примерах анализа нескольких текстов с окказионализмами, которые соответствуют признакам текстотропов. Вначале рассмотрим текст стихотворения С. Кирсанова «Тебетанье»:

*Ты боярышня моярышня
мне щебечешь – я **твоярышня**
но сказала – ни за что
не рассказывать товарищам
убежала как змея или ящерица
ты не ты и не моя
ты не **настоящица**
ты щебечешь я **тебечу**
я земляк воробичу
птиц летящих нам навстречу
тебетанью обучу.*

Приведённый шуточный текст основан на моделировании ситуации общения между влюблёнными, которые не пришли к полному согласию. Смысловая доминанта текста сконцентрирована в окказиональном слове **тебетанье**, построенного по образцу слова *щебетанье*, на что указывает глагол *щебетать* в форме второго лица *щебечешь*. Показательно, что за словом *щебетать* и его производным в языке, помимо прямого значения, закреплено переносное – человеческая речь, напоминающая птичье щебетанье. Благодаря этому, окказионализм **тебетанье** также совмещает в себе два значения и в пространстве всего текста два смысловых плана: «человеческое» и «птичье».

Второй смысловой центр текста составляют обозначения собеседницы лирического повествователя, используемые в функции обращений. Основу ряда составляют окказиональные контаминаты **моярышня** и **твоярышня**, созданные по образцу слова *боярышня* с привлечением основ притяжательных местоимений, и контаминат **настоящица**, в котором второй компонент не имеет самостоятельного значения и несёт коннотации комизма. Общий смысл фрагмента с данными окказионализмами – это переход от согласия (*ты моярышня..., я твоярышня...*) к разладу (*ты не ты и не моя /ты не настоящица...*). Это обуславливает появление следующего, заключительного фрагмента с доминантой **тебетанье** со

значением чего-либо неразборчивого, что выражает несогласие лирического субъекта с нежеланием его возлюбленной скрывать их отношения от других.

Помимо окказионализмов, в выражении тропеической образности текста использован приём сталкивания значений. Один семантический план составляют слова, относящиеся к области человеческого, а другой – к области зоономов (птицы, воробич, ящерица).

Теперь перейдем к рассмотрению текста С. Кирсанова «Глядя в небо»:

*Серый жесткий дирижабль,
Ночь на туче пролежабль,
Плыл корабль среди капель
И на север путь держабль.
Гелий – лёгкая душа,
Ты большая туча либо
Сталь-пластинчатая рыба,
Дирижабрами дыша.
Серый, жесткий дирижабль...
Где синица? Где журавль?
Он плывёт в большом дыму
Разных зарев перержавленных.
Золушка кричит ему:
Диризяблик, Дирижаворонок!
Он, забравшись в небовысь,
Дирижъяблоком повис.*

В отличие от предшествующего, данный текст посвящен описанию предмета, т. е. дирижабля, летательного аппарата, представляющегося для настоящего времени необычным. Стимулом для авторского воображения явилось и звучание слова *дирижабль*, которое дало толчок словообразовательному процессу, т. е. созданию серии контаминатов на основе сходно звучащих слов. В известной степени текст носит шуточный характер и имеет налёт некоторой сказочности, проглядывающей в начальных строках стихотворения (*дирижабль* лежит на облаке, держит путь на север и далее, в связи с упоминанием о Золушке).

Концентрация окказиональных слов в этом небольшом по объёму тексте высока и несводима к одному типу. Первый ряд образуют слова *пролежабль* и *держабль*, в которых созвучие слов *дирижабль* и глаголов *пролежал* и *держал* обнаруживается в конечной части контаминатов. В составе данных производных компонент *-жабль* оказывается семантически пустым, так как полностью поглощается семантикой глаголов и создаёт эффект словесной игры. Во второй ряд входят окказиональные контаминаты *дирижаворонок*, *диризяблик*, *дирижабры*, *дирижъяблоко*, которые одновременно являются метафорами, что подтверждается возможностью их развёртывания в словосочетания со сравнительным союзом,

например: *дирижабль, как жаворонок; дирижабль, как зяблик*. Основой уподобления птицам первых двух контаминатов является функция – способность летать – и звучание (шум винтов дирижабля – голоса птиц). Окказионализм *дирижабры* основан на уподоблении дирижабля рыбе, с одной стороны, по сходству формы, а с другой – по колебаниям поверхности дирижабля, что напоминает дыхание. Сравнение дирижабля с яблоком обусловлено сходством формы и положения в пространстве.

Образно-смысловая структура текста отличается чёткой системностью. Вначале дирижабль уподобляется живым существам (птицы, рыбы), затем предмету растительного мира (яблоко). Тропы первого ряда связаны с представлением дирижабля в движении, а заключительный окказионализм-метафора указывает на его неподвижность.

К числу оригинальных текстов, тропеическая образность которых во многом основывается на употреблении окказиональных слов, относится и стихотворение Л. Мартынова «Чёрт Багряныч», предметом описания в котором является циклон, распространяющийся по большой территории в преддверии зимы:

За ночь

Чёрт Багряныч

Обагрил листву:

Наступила осень въявь, по существу.

Жухни,

Чёрт Багряныч,

И одно пророчье:

Будет луночь, саночь! Всё иное прочь!

И Буран Бураныч мчится с Вайгача,

И охрипнут за ночь рации, пища,

Что Бурану Бураныч хочет в эту ночь

Взбить ледяную луночь с призраками коч.

Мол,

Примчусь к вам в полночь,

Вьюгой окручу

Галич и Котельнич, станцию Свечу,

Свислочь, Птичь и Маныч, плавни на Дону.

Поднял

Чёрт Багряныч

Свист на всю страну!

Ясны

В эти ночи

В снежной мгле небес

Разве только очи строгих стюардесс.

Это,

*Чёрт Багрянтьте,
Всё наделал ты,
Отряхая за ночь пестрые кусты!*

В отличие от прежнего, данный текст характеризуется более сложной организацией тропеической образности, основным средством выражения которой являются лексические окказионализмы. В смысловой структуре текста обнаруживается чёткая организация, распространяющаяся и на ряды окказионализмов, которые включены в состав смысловых блоков, связанных по иерархическому принципу. В роли смыслового ядра всего текста выступает окказионализм *Чёрт Багрянтыч*. Его доминирующее положение проявляется в использовании в качестве заглавия и в употреблении в сильных позициях текста. Этот же элемент является одной из доминант в коммуникативной структуре текста, поскольку вступает с лирическим повествователем (Я-субъектом) в отношения контекст-партнёрства, выступая в функции адресата.

Как средство тропеической образности окказионализм *Чёрт Багрянтыч* полифункционален. Элемент *Багрянтыч*, внешне соответствующий словообразовательной модели отчества, в данном контексте указывает на характерный признак описываемого явления – способность изменять цвет листвы: *За ночь / Чёрт Багрянтыч / Обагрил листву...* Тропеичность данного выражения как окказионализма совмещается с реализующейся в тексте функцией олицетворения природной стихии. Такого рода метафоричность восходит ко временам мифологического мышления, когда силы природы наделялись признаками и свойствами живых существ (заметим, что влияние этой традиции обнаруживается и в принятом в метеорологии обозначении сезонных циклонов и антициклонов человеческими именами). Описание воздействия на природу представленного в роли сказочного мифологического персонажа циклона соответствует фольклорному представлению о Чёрте как о существе, способном издавать свист: *Поднял / Чёрт Багрянтыч / Свист на всю страну!..*

Наряду со словосочетанием *Чёрт Багрянтыч*, в тексте представлены и два других окказионализма, которые созданы по его образцу (*Буран Бурантыч* и *Бурун Бурунтыч*) и выступают в качестве доминант смысловых блоков второго уровня иерархии. Каждый из этих двух персонажей выполняет своё определённое действие, дополняя общую картину циклона.

В образно-тропеическую структуру текста включены и два окказионализма, образованные способом сложения: *луночь* и *саночь*. В первом можно усмотреть результат сложения на базе словосочетания *лунная ночь*, а во втором – *санная ночь*. За этими словами угадываются и предстоящее похолодание, и изменение состояния дорог. Во фрагменте *взбить лдяную луночь с призраками коч* можно усмотреть сложный синкретичный образ, где сливаются представления лунной ночи,

колышущейся водной поверхности, покрытой мелкими льдинами, и подобие волн кочкам на зыбкой поверхности.

Художественное своеобразие текста заключается и в передаче масштабности изображаемого. Это подчёркивается гиперболой (*Поднял / Чёрт Багряныч / Свист на всю страну!..*), а также употреблением развёрнутых рядов имён собственных, которые в основном являются названиями населённых пунктов и водоёмов. Такое впечатление усиливается также в результате упоминания о метеосводках и, косвенно, – о полётах.

Помимо отмеченных средств образности в тексте широко используется звукопись. Текст отличается обилием имён собственных на *-ич*, которые частично воспроизводят звуковой облик центрального образа *Чёрт Багряныч*. Акцентуация этого образа создаётся и повторением слов на *-оч* (*луночь, саночь, ночь, полночь*).

Таким образом, все средства рассмотренного текста образуют единый гармоничный ансамбль, в котором доминирующее положение занимают окказионализмы.

Иной способ создания окказионализмов, их группировки и взаимодействия с контекстом представлен в стихотворении Л. Мартынова «Вятичи»:

*В роще,
Где туристами
Ставятся шатры,
Есть над быстрой Истрою
Древние бугры.
Где стоят горелые
Мертвые дубы,
Вылезают белые
Старцы, как грибы.
Это племя вятичей
Обитало там,
Где течёт назад ручей
По глухим местам.
Это смотрят вятичи
Из своих бугров
И, на мир наш глядячи,
Молвят: – Будь здоров!
Вопрошают вятичи:
– Кто такие вы,
Мужжи-самокатичи,
Мятичи травы?
Вы автомашинычи,
Газовая чадь,*

Или как вас иначе
Звать и величать?
Вы кричите, воете,
Жжёте вы костры,
Бестолково роете
Старые бугры.
С банками-жестянками
Мечете вы сор,
Чтоб из ям с поганками
Вырос мухомор.
Это правда истая,
Ибо так и есть
Здесь над быстрой Истрою,
Где бугров не счесть.
И сочит закат лучи,
Чтобы их стеречь,
И уходят вятичи
В Горелую Сечь.

В основу данного текста положена фантастическая, достаточно хорошо освоенная в поэзии ситуация, когда давно ушедшие из жизни люди по воле воображения автора оживают и ведут разговор с современниками, высказывая о них своё мнение. В смысловой структуре текста имеются два доминирующих информативных центра. Первый из них, обозначенный словом *вятичи*, обозначает представителей древнего племени, жившего некогда на берегах Истры, и второй, обозначенный группой слов, в состав которой входят три созданных по образцу слова *вятичи* окказионализма: ***самокатичи***, ***мятичи (травы)***, ***автомашиньчи***.

Такая однотипность, выраженная как на словообразовательном, так и на фонетическом уровне, подчёркивает антитезу между двумя информативными центрами, с одной стороны – мудрых старцев, а с другой – современных автотуристов, которые губят природу и с неуважением относятся к своему историческому прошлому. Будучи образованными по одной модели со словом *вятичи*, эти слова имеют иное словообразовательное значение, указывая не на место проживания, а на отношение к используемым транспортным средствам (ср.: ***самокатичи***, ***автомашиньчи***) и на признак по действию (ср.: ***мятичи травы***). Эти окказионализмы, как и другие слова данного речевого фрагмента, удачно воспроизводят речевые особенности жителей Древней Руси. Слово ***самокатичи*** по форме напоминает и другие древние образования с префиксоидом *само-* (ср.: *самолёт* (о ковре), *самобранка* (о скатерти)), называющие предметы, пользование которыми не требует дополнительных усилий.

Окказионализм *чадь* напоминает некоторые древние слова, образованные способом нулевой суффиксации (ср.: *челядь*, *чудь белоглазая* – о таинственных жителях северной части Древней Руси). В речь старцев включены также архаичные слова, не являющиеся окказионализмами: *мужи* (т. е. *мужчины*), *величать*. В этот ряд вписывается и слово из авторской речи *вопрошают*.

В функциональном отношении речь старца представляет собой риторическое обращение, помогающее выразить идею автора о недопустимости пренебрежительного отношения к природе и к своему прошлому. Эта речь является одной из двух смысловых доминант, которые в композиции текста образуют параллельное построение. Всё это даёт основание включать данный текст в разряд текстов-тропов.

Проведённый анализ подтверждает мнение о том, что жанровые и стилистические особенности поэтических текстов с окказионализмами находятся в зависимости с положенными в основу текстов приёмами окказионального словотворчества. Контаминированные производные разных типов наиболее характерны для текстов каламбурного характера, в которых на первое место выдвигается сам приём. Как правило, это тексты малого объёма, отличающиеся большим удельным весом окказионализмов, используемых для тропеического моделирования простых, не связанных с подробной детализацией ситуаций. В стихотворении С. Кирсанова «Тебетанье» это ситуация объяснения двух влюблённых, в стихотворении «Глядя в небо» – полёта дирижабля.

Окказионализмы, произведённые посредством аффиксации, могут образовывать однотипно построенные ряды, сконцентрированные на отдельных участках текста или разбросанные по всему текстовому пространству. В последнем случае такие производные часто выполняют функцию доминант смысловых блоков, которые могут быть организованы по иерархическому принципу, как, например, в тексте Л. Мартынова «Чёрт Багряныч». Описание отображаемых ситуаций в текстах этой группы может быть и малым, и достаточно развёрнутым, от чего зависит и их общий объём.

Выводы

1. Своеобразие окказионального словотворчества взрослых определяется возросшим уровнем речевой способности коммуникантов, расширением словарного запаса, а также специализацией и дифференциацией речи. Интенсивность развития речевой способности взрослых, по сравнению с детской, снижается, поэтому основополагающими факторами

окказионального словотворчества становятся, главным образом, не возрастные, а стилистические. Однако словотворчество взрослых по многим признакам сближается с детским.

2. Речевыми сферами наиболее интенсивного окказионального словотворчества взрослых являются разговорная и книжная речь, в которой, в свою очередь, выделяются такие наиболее тесно связанные с созданием окказиональных слов области, как публицистика и поэзия.

3. Значительно сближаются с детскими окказионализмы взрослых, продуцируемые в разговорной речи, что во многом объясняется общностью характерной для этой коммуникативной сферы бытовой тематики. В области аффиксального словообразования субстантивов общим для детей и взрослых является большое количество окказиональных агентивов и зоонимов со значениями дифференциации живых существ по полу (с преобладанием дериватов, указывающих на женский пол), невзрослости, склонности к действию, приверженности к чему-либо. Показательно также образование групп субстантивов со значением орудийности. Сходные с детскими процессы аффиксальной деривации обнаруживаются также в системе глаголов, прилагательных и наречий. Однако для речи взрослых характерно расширение словообразовательных типов, включающих ряды сходно оформленных дериватов. В словотворчестве взрослых нередко обнаруживается тенденция к имитации словопроизводства детей, своеобразной игры в «детскость».

4. В окказиональном словопроизводстве взрослых значительно возрастает количество композитов и аббревиатур. Среди сложений наибольшее место занимают субстантивы агентивной и орудийной направленности, создаются также субстантивы со значением отвлечённого действия. Прослеживается тенденция к усечению основ узуальных слов. Инициально-буквенные новообразования, как правило, мотивируются именами собственными и создаются в юмористических целях. Создаваемые взрослыми контаминаты и реэтимологизированные слова характеризуются заметной установкой на юмористические и сатирические эффекты (ср.: *гденьги*, *зряплата*). Важным показателем превращения окказионального словопроизводства в своеобразную языковую игру является коллективное словотворчество, которое обнаруживается в основном в Интернет-переписке.

5. Словотворчество, наблюдаемое в книжной речи, характеризуется большей степенью осознанности, мотивированности, а также подчинённостью сложившимся в книжных стилях нормам и установкам.

6. Окказиональные деривационные процессы публицистики определяются сосредоточенностью данного стиля на социальной и политической тематике. Это обнаруживается в обилии аффиксальных и сложных субстантивов со значением характеристики лиц по политическим взглядам,

убеждениям, нравственным качествам, глаголов со значением изменения личностных качеств, общественного положения, прилагательных со значением качественной оценки и т. д. В качестве дериваторов часто выступают разного рода префиксы и префиксоиды (*пере-*, *недо-*, *супер-*, *анти-*, *мега-*, *квази-* и др.), а также элементы сложных слов *-фобия*, *-мания*, *-подобный*, *-любивый* и др. Некоторые словотворческие процессы, характерные для разговорной речи, находят продолжение в публицистике: в качестве словообразовательных формантов могут выступать суффиксы, характеризующиеся ярко выраженной грубоватостью (*-щик*, *-ак-*, *-к-*, *-ун*).

7. В публицистике весьма распространена окказиональная аббревиация, отличающаяся исключительным разнообразием типов и подтипов. Многие аббревиатурные новообразования создают эффект комизма в результате контраста входящих в их состав морфем (например, **ОборонДАЧстрой**). Возрастает количество окказиональных дериватов, образованных с помощью контаминации и ретимологизации. Экспрессивность и образность окказионализмов публицистики значительно возрастает за счёт включения их в идиоматические словосочетания.

8. Окказиональное словотворчество поэтической речи характеризуется большим разнообразием способов, типов и моделей деривации, что обусловлено широтой поэтической тематики. На этот процесс в значительной степени оказывают влияние факторы индивидуально-личностного порядка. Творцами наиболее отличающихся от стандарта окказионализмов в большинстве случаев являются те, поэтическое творчество которых ориентировано на полисемантизм и образную ассоциативность.

9. В сфере аффиксации в поэтической речи наблюдается образование именных и глагольных дериватов с помощью широко разветвлённой системы аффиксов, среди которых заметно многообразие префиксов (субстантивы с *раз-* / *рас*, *пред-*, *после-*, *не-*, *анти-*, *до-* и др.; глаголы с *недо-*, *от-*, *из-* / *ис-*, *вз-* / *вс-* и др.). Значительно расширяется количественное и качественное многообразие имён существительных с абстрактным значением, образованных с помощью простых и сложных формантов. В отличие от разговорной речи, в поэзии, равно как и в публицистике, отмечается большое количество окказиональных композитов, включая субстантивные, адъективные, глагольные и наречные новообразования. Обнаруживается также возрастание количества контаминированных и ретимологизированных дериватов, отличающихся многообразием положенных в их основу приёмов.

10. Окказиональное словопроизводство в поэзии в известной мере модифицирует и концентрирует деривационные процессы, характерные для других областей словопроизводства, в том числе и для детской речи (например, использование основ неодушевлённых существительных для производства окказиональных субстантивов со значениями невзрослости,

принадлежности к женскому либо мужскому полу, адъективов со значением принадлежности). Обнаруживаются также приёмы имитации речи детей (В. Высоцкий, С. Кирсанов, О. Мандельштам, В. Маяковский).

11. Установка поэтического стиля на тропеическую образность часто обуславливает включение окказионализмов в сложные тропеические комплексы, в которых совмещаются разные приёмы троповости. Весьма показательным для современной поэзии является построение рядов окказионализмов, выполняющих текстообразующие и текстоорганизующие функции (В. Высоцкий, С. Кирсанов, В. Маяковский, Л. Мартынов, М. Цветаева и др.).

12. Примеры из разных сфер речи взрослых показывают соответствие окказионального словотворчества ранее отмеченным тенденциям: к аналогии, генерализации и сверхгенерализации, к созданию коррелятов к узуальным словам на основе сопоставления и противопоставления.

МГПУ им. И.П.Шамшурдина

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Окказиональное словотворчество представляет собой процесс, сопровождающий функционирование и развитие человеческой речи, начиная с раннего детского возраста, и находящий продолжение в разных речевых сферах взрослых людей.

2. Окказиональное словопроизводство характеризуется преемственностью и системностью. Анализ результатов словотворчества приводит к выводам о том, что в основе данного процесса лежат общие тенденции: образование слов по аналогии, генерализация и сверхгенерализация, создание коррелятов к узуальным словам на основе сопоставления и противопоставления. Системность проявляется также в вовлечении в деривационные процессы слов, принадлежащих к одним и тем же лексико-морфологическим и морфологическим классам и соотносимых с одними и теми же лексико-семантическими группами. Единонаправленность процессов окказионального словообразования прослеживается и на уровне деривационных рядов, которые, распространяясь по разным речевым сферам, приобретают характер сквозных. Некоторые детские новообразования употребляются и в речи взрослых, получая как бы вторую жизнь. В речевых сферах, которые рассчитаны на образность и экспрессию, они обогащаются дополнительными коннотациями.

3. Наряду с общими закономерностями, в окказиональном словотворчестве детей и взрослых обнаруживаются и некоторые различия, обусловленные лингвистическими и экстралингвистическими факторами: уровень развития речевой способности коммуникантов, степень овладения правилами и нормами русской речи, широта словарного запаса, степень осознанности целей словотворчества и его результатов и др. Это находит отражение в изменении количественного соотношения окказиональных слов, образованных разными способами. В речи взрослых заметно увеличивается число окказионализмов, созданных на основе основосложения, аббревиации и усечения. В книжной речи существенно возрастает число контаминированных и реэтимологизированных новообразований. Образованные в рамках этих способов дериваты становятся более сложными с точки зрения семантики и морфемно-структурной организации. Обогащение словарного запаса коммуникантов обуславливает расширение словообразовательной базы окказионализмов и инвентаря словообразовательных формантов. На направлениях деривационных процессов всё более сказываются факторы стилистического порядка.

4. По мере совершенствования речевой способности коммуникантов и обогащения их словаря, наряду с качественными изменениями создаваемых ими окказионализмов, наблюдаются изменения соотношения окказиональных дериватов, выполняющих номинативные и экспрессивные

функции. Обе названные функции присущи окказиональному слово-производству как детей, в том числе дошкольного возраста, так и взрослых. По мере перехода на более высокие ступени речевого развития соотношение окказиональных дериватов, выполняющих обе отмеченные функции, меняется. Количество функционально номинативных новообразований снижается, в то время как удельный вес экспрессивных возрастает. На фоне повышения речевой культуры взрослых носителей языка окказионализмы номинативного характера воспринимаются как речевые ошибки, и их употребление становится редким. Окказионализмы, используемые в публицистической и поэтической речи, создаются исключительно как экспрессивные и экспрессивно-образные средства.

5. Окказиональные слова образного характера создаются как детьми, начиная с дошкольного возраста, так и взрослыми, независимо от сферы общения. Переход на более высокие ступени овладения речью ведёт к семантическому и структурному усложнению окказионализмов образно-тропеического характера. Для жанров публицистики и поэзии особенно показательны тропеические единицы, образованные способами сложения, контаминации и реэтимологизации, а также путём комбинирования разных способов. Помимо этого, окказиональные дериваты, создаваемые поэтами, часто совмещаются с тропами других видов и образуют целостные тропеические комплексы. У окказионализмов образно-тропеического характера в большинстве случаев наблюдаются более тесные, чем у нетропеических единиц, связи с контекстом. Это находит выражение в употреблении подобных новообразований в роли текстообразующего средства. В структуре поэтического текста окказионализмы часто занимают сильные позиции, становятся доминантами смысловых блоков и приобретают композиционную значимость.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Александров, А. Детская речь / А. Александров // Рус. филос. вест. – Варшава, 1883. – Т. 10, № 3. – С. 86–120.
2. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка : ок. 11000 синоним. рядов : практ. справ. / З. Е. Александрова. – М. : Рус. яз., 2001. – 568 с.
3. Александрова, О. И. Поэтические неологизмы начала XX века / О. И. Александрова // Рус. речь. – 1974. – № 1. – С. 42–46.
4. Алексеева, М. М. Методика развития речи и обучения родному языку дошкольников : учеб. пособие / М. М. Алексеева, Б. И. Яшина. – 3-е изд. – М. : Академия, 2000. – 400 с.
5. Антюфеева, Ю. Н. Английские новообразования в развитии: потенциальное слово, окказионализм, неологизм : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ю. Н. Антюфеева ; Тул. гос. пед. ун-т. – Белгород, 2004. – 19 с.
6. Аржанов, А. Закон есть закон / А. Аржанов // Журналист. – 1968. – № 3. – С. 20.
7. Аркин, А. Е. Дошкольный возраст / А. Е. Аркин. – 5-е изд., доп. и перераб. – М. : Учпедгиз, 1948. – 336 с.
8. Арушанова, А. Г. Речь и речевое общение детей : кн. для воспитателей дет. сада / А. Г. Арушанова. – М. : Мозаика-Синтез, 1999. – 272 с.
9. Астафьев, А. Ю. Художественные функции окказионализмов (на материале поэм В. В. Маяковского) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. Ю. Астафьев ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2007. – 16 с.
10. Бабенко, Н. Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ : учеб. пособие / Н. Г. Бабенко. – Калининград : Калинингр. ун-т, 1997. – 234 с.
11. Бакина, М. А. Отадъективныя новообразования в языке современной поэзии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. А. Бакина ; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М., 1973. – 30 с.
12. Барлас, Л. Г. Русский язык. Стилистика : пособ. для учителей / Л. Г. Барлас. – М. : Просвещение, 1978. – 256 с.
13. Басава, Г. І. Аўтарскія неалагізмы / Г. І. Басава, М. Р. Прыгодзіч // Роднае сл. – 1995. – № 12. – С. 59–61.
14. Басава, Г. І. Лістабой, ліставей, ліставір... Аказіянальныя назоўнікі, створаныя паводле канкрэтнага ўзору / Г. І. Басава // Роднае сл. – 1995. – № 10. – С. 65–68.
15. Басова, А. И. Окказиональные слова в современной белорусской художественной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / А. И. Басова ; Беларус. гос. ун-т. – Минск, 1981. – 24 с.

16. Баталов, О. Г. Когнитивно-функциональный аспект окказионального словообразования в художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. Г. Баталов ; Нижегород. гос. лингвист. ун-т. – Н. Новгород, 2004. – 16 с.
17. Бекетова, Н. А. Экспрессивное словообразование в современных медиатекстах (на основе суффиксальных имён существительных) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. А. Бекетов ; Белгор. гос. нац. исслед. ун-т. – Белгород, 2014. – 23 с.
18. Беляева, Л. В. Окказионализмы Ф. М. Достоевского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. В. Беляева ; Ленингр. гос. пед. ин-т. – Л., 1999. – 16 с.
19. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры : сб. ст. : пер. с англ., фр., нем., исп., пол. яз. / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 153–172.
20. Брагина, А. А. Неологизмы в русском языке : пособие для студ. и учителей А. А. Брагина. – М. : Просвещение, 1973. – 224 с.
21. Бутон, Ш. П. Развитие речи / Ш. П. Бутон // Психолингвистика : сб. ст. : [переводы] / сост. А. М. Шахнарович ; общ. ред. А. М. Шахнаровича. – М. : Прогресс, 1984. – С. 307–324.
22. Валавин, В. С. Словотворчество Маяковского: опыт словарь окказионализмов : ок. 3500 сл. / В. Н. Валавин. – М. : Азбуковник, 2010. – 621 с.
23. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие для вузов по филол. направлениям и специальностям / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2001. – 302 с.
24. Вахтеров, В. П. Основы новой педагогики / В. П. Вахтеров. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Т-во И. Д. Сытина, 1916. – Т. 1. – [б. с.].
25. Введенская, Л. А. Современный русский литературный язык : учеб. пособие / Л. А. Введенская, Т. В. Дыбина, И. И. Щеболева ; [Рост. гос. ун-т]. – 3-е изд., испр. и доп. – Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1976. – 232 с.
26. Введенская, Л. А. Современный русский литературный язык : учеб. пособие / Л. А. Введенская, Н. П. Колесников. – СПб. : Питер, 2004. – 211 с.
27. Введенская, Л. А. Этимология : учеб. пособие / Л. А. Введенская, Т. В. Дыбина, И. И. Щеболева ; ред. Г. В. Валимова. – Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1976. – 231 с.
28. Виноградов, В. В. История слов : ок. 1500 сл. и выражений и более 5000 сл., с ними связанных / В. В. Виноградов ; ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Толк, 1994. – 1138 с.
29. Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов // Вопр. языкознания. – 1953. – № 5. – С. 3–29.
30. Виноградова, В. Н. Стилистический аспект русского словообразования / В. Н. Виноградова ; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1984. – 184 с.

31. Винокур, Г. О. Маяковский – новатор языка / Г. О. Винокур. – М. : Сов. писатель, 1943. – 136 с.
32. Воейкова, М. Д. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка / М. Д. Воейкова ; Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед., С.-Петерб. гос. ун-т. – М. : Знак, 2011. – 327 с.
33. Возрастная психология : краткий курс лекций / авт.-сост.: М. А. Дыгун (общ. ред.) [и др.] ; Мозыр. гос. пед. ун-т. – Мозырь, 2009. – 113 с.
34. Воробьева, Т. Б. Окказионализмы в поэзии В. В. Маяковского; (лингвостилистический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. Б. Воробьева ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М., 1982. – 24 с.
35. Воробьева, Т. Б. Творческие окказионализмы В. Маяковского / Т. Б. Воробьева // Стилистика художественной литературы : [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; [отв. ред. А. Н. Кожин]. – М., 1982. – С. 189–216.
36. Выготский, Л. С. Вопросы детской (возрастной) психологии / Л. С. Выготский // Собр. соч. : в 6 т. / Л. С. Выготский ; Акад. пед. наук СССР ; редкол.: А. В. Запорожец (гл. ред.) [и др.]. – М., 1984. – Т. 4 : Детская психология / под ред. Д. Б. Эльконина. – С. 244–268.
37. Габинская, О. А. Типология причин словотворчества / О. А. Габинская. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. – 153 с.
38. Гаврилова, Н. И. Дневник матери. Записки о душевном развитии ребёнка до семилетнего возраста / Н. И. Гаврилова, М. П. Стахорская ; под ред. К. Н. Корнилова, Н. А. Рыбникова. – М. : Практ. знания, 1916. – 234 с.
39. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – 4-е изд., стереотип. – М. : КомКнига, 2006. – 144 с.
40. Гарбовская, Н. Б. Онимные и отонимные новообразования в современных масс-медийных текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. Б. Гарбовская ; Адыгейс. гос. ун-т. – Майкоп, 2006. – 24 с.
41. Гвоздев, А. Н. От первых слов до первого класса : дневник науч. наблюдений / А. Н. Гвоздев. – М. : URSS : КомКнига, 2005. – 322 с.
42. Гвоздев, А. Н. Формирование у ребёнка грамматического строя языка : [в 2 ч.] / А. Н. Гвоздев ; Акад. пед. наук РСФСР ; под ред. С. И. Абакумова. – М. : АПН РСФСР, 1949. – Ч. 2. – 192 с.
43. Гвоздев, А. Н. Вопросы изучения детской речи / А. Н. Гвоздев. – М. : Детство-Пресс, 2007. – 472 с.
44. Гельгардт, Р. Р. Вопросы лексикологии, стилистики и грамматики в аспекте общего языкознания : межвуз. темат. сб. / Р. Р. Гельгардт ; Калинин. гос. ун-т ; [редкол.: Р. Р. Гельгардт (отв. ред.) и др.]. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1977. – 159 с.
45. Геранина, И. Н. «Оживляж» или «оживление»: функционирование окказиональных слов в средствах массовой информации / И. Н. Ге-

ранина // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. – 2006. – № 3 (7). – С. 145–147.

46. Голев, Н. Д. Русская письменная разговорная речь и её отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации / Н. Д. Голев // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2013. – № 5. – С. 12–30.

47. Голобородько, К. Ю. Окказионализмы в поэзии С. Кирсанова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / К. Ю. Голобородько ; Харьк. гос. ун-т. – Харьков, 1993. – 17 с.

48. Горбачевич, К. С. Вариативность слова и языковая норма: на материале соврем. рус. яз. / К. С. Горбачевич. – Л. : Наука, 1978. – 238 с.

49. Горбачевич, К. С. Изменение норм русского литературного языка / К. С. Горбачевич. – Л. : Просвещение, 1971. – 270 с.

50. Григорьев, В. П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта / В. П. Григорьев. – М. : Наука, 1986. – 254 с.

51. Гридина, Т. А. Концепция объяснительного словаря детской речи : материалы к курсу «Онтолингвистическая лексикография» / Т. А. Гридина // Урал. филол. вестн. Сер. : Психоллингвистика в образовании. – 2012. – № 5. – С. 23–27.

52. Гридина, Т. А. Онтолингвистика. Язык в зеркале языковой игры : учеб. пособие / Т. А. Гридина. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 149 с.

53. Гридина, Т. А. Особенности гипо-гиперонимических отношений в ментальном лексиконе детей и взрослых : (по материалам эксперимента) / Т. А. Гридина // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2009. – № 117. – С. 189–193.

54. Гридина, Т. А. Потенциальная семантика детских словотворческих инноваций в свете экспериментальных данных: методика прямого толкования / Т. А. Гридина // Урал. филол. вестн. Сер. Психоллингвистика в образовании. – 2013. – № 4. – С. 5–18.

55. Гридина, Т. А. Художественный текст как поле языковой игры / Т. А. Гридина // Урал. филол. вестн. Сер. Психоллингвистика в образовании. – 2012. – № 5. – С. 101–110.

56. Гридина, Т. А. Язык как творчество: аспекты изучения детской «неологии» / Т. А. Гридина // Пед. образование в России. – 2013. – № 6. – С. 118–123.

57. Гридина, Т. А. Языковая «реальность» как факт детского сознания / Т. А. Гридина // Урал. филол. вестн. Сер. Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – 2012. – № 3. – С. 6–21.

58. Гришакова, В. Из дневника матери / В. Гришакова // Дошкольное воспитание : журн. для матерей и воспитательниц / О-во нар. дет. садов. – Киев, 1915. – № 6/7. – С. 410–427.

59. Грищева, Е. С. Структурно-семантическое и функциональное описание лексических окказионализмов в рамках теории элокутивного

поля : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. С. Грищева ; Хакас. гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова. – Барнаул, 2006. – 19 с.

60. Денисова, Э. С. Иконичность словообразовательной формы: (на материале окказиональной деривации русского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Э. С. Денисова ; Кемеров. гос. ун-т. – Кемерово, 2005. – 25 с.

61. Доброва, Г. Р. О вариативности речевого онтогенеза: референциальная и экспрессивная стратегии освоения языка / Г. Р. Доброва // Вопр. психолингвистики. – 2009. – № 9. – С. 53–70.

62. Дускаева, Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / Л. Р. Дускаева ; науч. ред. М. Н. Кожина. – Изд. 2-е, доп., испр. – СПб. : СПбГУ, Филол. фак., 2012. – 274 с.

63. Еливанова, М. А. Выражение пространственных отношений с помощью наречий в раннем возрасте / М. А. Еливанова // Проблемы социо- и психолингвистики : сб. ст. / отв. ред. И. Г. Овчинникова ; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2004. – С. 144–148.

64. Елисеева, В. В. Авторский окказионализм как средство создания комического эффекта (в прагматическом аспекте) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В. В. Елисеева ; Ленингр. гос. пед. ин-т. – Л., 1984. – 17 с.

65. Елисеева, М. Б. Фонетическое и лексическое развитие ребёнка раннего возраста / М. Б. Елисеева. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – 172 с.

66. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка : ок. 1900 словообразов. единиц / Т. Ф. Ефремова. – 2-е изд. – М. : АСТ : Астрель, 2005. – 636 с.

67. Жабеева, Ю. И. Структурно-семантические и функциональные особенности окказионализмов В. Высоцкого : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. И. Жабеева ; Мордов. гос. пед. – М., 2010. – 22 с.

68. Завадская, А. В. «Эпатажная лексика» в поэзии русских футуристов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. В. Завадская ; Оренбург. гос. ун-т. – Самара, 2008. – 20 с.

69. Загрузная, И. Л. Семантическая и словообразовательная структура окказионализмов в поэзии Н. Асеева : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. Л. Загрузная ; Ленингр. гос. пед. ин-т. – Л., 1980. – 20 с.

70. Залевская, А. А. Актуальные подходы к психолингвистическому исследованию лексики / А. А. Залевская // Слово и текст : актуальные проблемы психолингвистики : сб. науч. тр / Твер. гос. ун-т : [редкол.: А. А. Залевская (отв. ред.) и др.]. – Тверь, 1994. – С. 5–18.

71. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику : учебник / А. А. Залевская ; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т «Открытое о-во». – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999. – 381 с.

72. Залевская, А. А. Слово в лексиконе человека : психолингвист. исслед / А. А. Залевская. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 204 с.
73. Запорожец, А. В. О психологии детей раннего и дошкольного возраста / А. В. Запорожец ; М-во здравоохранения СССР, Центр. ин-т усовершенствования врачей. – М. : [б. и.], 1971. – 16 с.
74. Земская, Е. А. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М.: Наука, 1981. – 276 с.
75. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – 2-е изд., стереотип. – М. : КомКнига, 2005. – 224 с.
76. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование : учеб. пособие для студ. пед. ин-тов / Е. А. Земская. – М. : Просвещение, 1973. – 304 с.
77. Зразікава, В. А. Індывідуальна-аўтарскія неалагізмы ў творчасці беларускіх пісьменнікаў / В. А. Зразікава // Беларус. мова і літ. – 2006. – № 2. – С. 36–40.
78. Зразікава, В. А. Семантычная характарыстыка індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў-прыметнікаў у мове мастацкіх твораў першай паловы ХХ ст. / В. А. Зразікава // Весн. Беларус. дзярж ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. Псіхалогія. – 2005. – № 2. – С. 101–106.
79. Иванова, Н. Г. Лексические новообразования в языке русской поэзии: семасиологический анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. Г. Иванова ; Одесск. гос. ун-т. – Одесса, 1985. – 16 с.
80. Ильясова, С. В. Олигарх Олигархович, или словотворчество в языке современных СМИ: (на материале наименований лиц) / С. В. Ильясова // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – № 6, ч. 2. – С. 217–221.
81. Ицкович, В. А. Языковая норма / В. А. Ицкович. – М. : Просвещение, 1968. – 94 с.
82. Калашников, В. И. Окказионализмы в поэзии А. А. Вознесенского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / В. И. Калашников ; Ленингр. гос. пед. ин-т. – Л., 1987. – 17 с.
83. Калниязов, М. У. Окказиональные и потенциальные слова в языке современной периодики: (суффиксальные имена существительные) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. У. Калниязов ; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М., 1978. – 19 с.
84. Кириченко, С. В. Окказиональные сложные прилагательные и их функции в художественной речи: на материале соврем. сов. худож. прозы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. В. Кириченко ; Каз. ун-т. – Алма-Ата, 1990. – 24 с.
85. Китайгородская, М. В. Языковое существование современного горожанина : на материале языка Москвы / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М. : Яз. славян. культур, 2010. – 496 с.

86. Кожевникова, Н. А. Об обратимости тропов / Н. А. Кожевникова // Лингвистика и поэтика : сб. науч. ст. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; [отв. ред. В. П. Григорьев]. – М., 1979. – С. 215–224.

87. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка : учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 464 с.

88. Козейко, И. П. Словообразовательные неологизмы в современном белорусском языке: (на материале 60–80-х годов XX века) : автореф. дис. ... канд филол. наук : 10.02.02 / И. П. Козейко ; Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т языкознания им. Я. Коласа. – Минск, 1989. – 17 с.

89. Колоіз, Ж. В. Принципи класифікації okazіоналізмів / Ж. В. Колоіз // Надзённыя праблемы лексікалогіі і анамастыкі славянскіх моў : зб. навук. арт. / М-ва адукацыі РБ, Мазыр. дзярж. пед. ун-т ; адк. рэд.: А. В. Солахаў, В. В. Шур. – Мазыр, 2006. – С. 72–75.

90. Кольцова, М. М. Ребёнок учится говорить. Пальчиковый игротренинг / М. М. Кольцова, М. С. Рузина. – Екатеринбург : У-Фактория, 2006. – 214 с.

91. Кононова, Ю. Н. Детское okazіональное слово как единица неологии / Ю. Н. Кононова // Вестн. Адыгейс. гос. ун-та. Сер. 2, Филология и искусствоведение. – 2011. – № 3. – С. 20–26.

92. Коршак, Е. Н. Авторские новообразования в поэтическом тексте : на материале англ. поэзии XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. Н. Коршак ; Ленингр. гос. пед. ин-т. – Л., 1983 – 19 с.

93. Коссериу, Э. Синхрония, диахрония и история : пер. с исп. / Э. Коссериу // Новое в лингвистике. – М., 1963. – Вып. 3. – С. 236–237.

94. Костина, Е. В. Авторские новообразования в языке отечественной детской литературы: функциональный и словообразовательный аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Костина ; Орлов. гос. ун-т. – Орёл, 2007. – 26 с.

95. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб. : Златоуст, 1999. – 320 с.

96. Котелова, Н. З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов / Н. З. Котелова // Новые слова и словари новых слов / Акад. наук СССР, Ин-т рус. языка ; [отв. ред. Н. З. Котелова]. – Л., 1978. – С. 5–27.

97. Красникова, И. Р. Прагматика okazіональных антрополексем в современном русском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / И. Р. Красникова ; Рост. гос. пед. ун-т. – Ростов н/Д., 2004. – 22 с.

98. Кривецкая, Е. С. Okazіональная фразеологическая номинация как средство выражения языковой личности автора художественного текста : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. С. Кривецкая ; Пятигор. гос. лингвист. ун-т. – Ставрополь, 2006. – 25 с.

99. Кубрякова, Е. С. Теория номинации и словообразование / Е. С. Кубрякова // Языковая номинация: виды наименований / Э. С. Азнаурова [и др.] ; АН СССР, Ин-т языкознания ; [отв. ред.: Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева]. – М., 1977. – С. 222–303.

100. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений: семантика производного слова / Е. С. Кубрякова ; АН СССР. – М. : Наука, 1981. – 200 с.

101. Кудрявцев, В. Т. Феномен детской креативности: произвол и штампы сознания / В. Т. Кудрявцев // Дошкол. воспитание. – 2007. – № 2. – С. 18–27.

102. Кузьмина, Т. В. Грамматическое варьирование в ранней детской речи / Т. В. Кузьмина // Проблемы онтолингвистики : материалы Междунар. конф., посвящ. 210-летию РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, 21–22 мая 2007 г. / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена ; отв. ред. С. Н. Цейтлин. – СПб., 2007. – С. 118–120.

103. Кулакова, Н. В. Использование словообразовательных окказионализмов как текстообразующего средства при написании сочинений младшими школьниками : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Н. В. Кулакова ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2005. – 18 с.

104. Купина, Н. А. Креатемы в детской речи / Н. А. Купина // Урал. филол. вестн. Сер. Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – 2012. – № 3. – С. 22–27.

105. Купрадзе, С. Д. Потенциальные и окказиональные дериваты в языке произведений Е. А. Евтушенко : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / С. Д. Купрадзе ; Белорус. гос. пед. ун-т. – Минск, 2003. – 21 с.

106. Купрадзе, С. Д. Потенциальные и окказиональные дериваты в языке произведений Е. А. Евтушенко : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / С. Д. Купрадзе. – Минск, 2002. – 184 л.

107. Кураш, С. Б. Дзеянне метафарычнага механізму на розных моўных узроўнях / С. Б. Кураш // Слова ў мастацкім кантэксте: онімы, метафары : манаграфія / У. У. Шур, С. Б. Кураш ; М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Мазыр. дзярж. пед. ун-т імя І. П. Шамякіна. – Мазыр, 2013. – С. 158–163.

108. Кураш, С. Б. К проблеме интерпретации тропа: импликация смысловых элементов метафорического контекста / С. Б. Кураш // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках : материалы Междунар. науч. конф, Гродно, 15–16 апр. 2003 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Гродн. гос. ун-т ; отв. ред.: С. А. Емельянова [и др.]. – Гродно, 2003. – С. 37–41.

109. Лаврентьева, Н. Б. О мотивированности как характерном признаке образных слов / Н. Б. Лаврентьева // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР, Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 1978. – Вып. 7. – С. 59–69.

110. Лаврова, Н. А. Контаминация и другие способы словообразования / Н. А. Лаврова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2008. – № 26. – С. 75–78.
111. Лаврова, Н. А. Контаминация и паронимическая аттракция / Н. А. Лаврова // Урал. филол. вестн. Сер. Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – 2012. – № 3. – С. 93–99.
112. Лаврова, Н. А. Окказиональные образования и их место в языковой системе / Н. А. Лаврова // Актуальные пробл. гуманитар. и естеств. наук. – 2010. – № 9. – С. 224–228.
113. Лагута, О. Н. Метафорология: теоретические аспекты / О. Н. Лагута. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2003. – Ч. 1. – 114 с.
114. Левоневский, А. Мой ребёнокъ: наблюдёнія надъ психическимъ развитіемъ мальчика въ теченіе первыхъ четырёхъ лѣтъ его жизни / А. Левоневскій. – СПб. : О. Богданова, 1914. – 216 с.
115. Леонтьев, А. А. Психолінгвистика / А. А. Леонтьев ; АН СССР. Науч. совет по теории сов. языкознания при Отд-нии лит. и яз. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1967. – 118 с.
116. Леонтьев, А. А. Слово в речевой деятельности. Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности / А. А. Леонтьев ; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1965. – 245 с.
117. Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – М. : Просвещение, 1969. – 214 с.
118. Лепская, Н. И. Язык ребёнка. Онтогенез речевой коммуникации / Н. И. Лепская ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Филол. фак. – М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 152 с.
119. Литневская, Е. И. Письменная разговорная речь: миф или реальность? / Е. И. Литневская // Вестн. Моск. ун-та. – 2011. – №5. – С. 67–82.
120. Лопатин, В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования / В. В. Лопатин. – М. : Наука, 1973. – 152 с.
121. Лотман, Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллин : Александра, 1992. – Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. – 479 с.
122. Лукашанец, А. А. Словообразовательные гнёзда глаголов в русском и белорусском языках : (на материале одной из групп глаголов конкретного физического действия) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. А. Лукашанец ; Академ. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М., 1981. – 19 с.
123. Лурия, А. Р. Речь и развитие психических процессов у ребёнка. эксперим. исслед. / А. Р. Лурия, Ф. Я. Юдович ; Акад. пед. наук РСФСР, Ин-т дефектологии. – М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1956. – 94 с.
124. Лыков, А. Г. Русское окказиональное слово : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / А. Г. Лыков ; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М., 1972. – 59 с.

125. Лыков, А. Г. Современная русская лексикология: (русское окказиональное слово) : учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / А. Г. Лыков. – М. : Высш. шк., 1976. – 119 с.
126. Лысенко, С. А. Взаимодействие устной и письменной формы существования языка в Интернет-коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С. А. Лысенко ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2010. – 24 с.
127. Львов, М. Р. Основы теории речи : учеб. пособие для студ. высш. пед. заведений / М. Р. Львов. – М. : Академия, 2002. – 248 с.
128. Любимова, Н. А. Звуковая метафора в поэтическом тексте / Н. А. Любимова, Н. П. Пинежанинова, Е. Г. Сомова ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996. – 142 с.
129. Маркова, А. К. Периодизация речевого развития / А. К. Маркова // Вопр. психологии. – 1973. – № 6. – С. 96–106.
130. Масленников, Д. Б. О терминологическом дисбалансе в толковании окказионального и потенциального слова / Д. Б. Масленников // Вестн. Вост. экон.-юрид. гуманит. акад. – 2009. – № 3. – С. 55–58.
131. Масленников, Д. Б. Русское поэтическое словотворчество / Д. Б. Масленников. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2009. – Ч. 1 : Футуристы. – 160 с.
132. Матвеева, Т. В. Лексико-семантические группы русских глаголов : учеб. слов.-справ. / Т. В. Матвеева. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 153 с.
133. Мезенин, С. М. Образность как лингвистическая категория / С. М. Мезенин // Вопр. языкознания. – 1986. – № 3. – С. 48–57.
134. Менчинская, Н. А. Вопросы умственного развития ребёнка / Н. А. Менчинская. – М. : Знание, 1970. – 32 с.
135. Метликина, Л. С. Окказиональное словотворчество в прозе Б. А. Пильняка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. С. Метликина ; Моск. гос. обл. соц.-гуманит. ин-т. – М., 2010. – 20 с.
136. Миронова, Н. А. Словотворчество в произведениях поэтов-модернистов 80–90-х г. XX века : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. А. Миронова ; Орлов. гос. ун-т. – Орёл, 2002. – 21 с.
137. Миськевич, Г. И. Новые слова, их принятие и нормативная оценка: (проблема новых слов в культурно-речевом аспекте) / Г. И. Миськевич, Л. К. Чельцова // Актуальные проблемы культуры речи : [сб. ст. / под ред. В. Г. Костомарова, Л. И. Скворцова] ; АН СССР. Ин-т рус. яз. – М., 1970. – С. 243–272.
138. Мукаржовский, Я. Литературный язык и поэтический язык / Я. Мукаржовский // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. : пер. с чеш. А. Г. Широкова ; сост., ред. Н. А. Кондрашова. – М., 1967. – С. 409–431.
139. Намитокова, Р. Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект / Р. Ю. Намитокова. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1986. – 156 с.

140. Нарынская, М. Ю. Структурно-семантические особенности лексико-синтаксических окказионализмов в идиолекте М. И. Цветаевой : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. Ю. Нарынская ; Рост. гос. ун-т. – Ростов н/Д., 2004. – 26 с.
141. Негневицкая, Е. И. Язык и дети / Е. И. Негневицкая, А. М. Шахарович ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1981. – 111 с.
142. Никитевич, А. В. Русский глагол в составе номинативных рядов : монография / А. В. Никитевич ; Гродн. гос. ун-т. – Гродно : ГрГУ, 2004. – 347 с.
143. Норман, Б. Ю. Грамматика говорящего / Б. Ю. Норман ; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. – 229 с.
144. Нухов, С. Ж. Семиологические аспекты окказионального словообразования современного английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / С. Ж. Нухов ; Моск. гос. пед. ин-т. – М., 1987. – 16 с.
145. Овчинникова, И. Г. Взаимосвязи единиц в ментальном лексиконе русского ребёнка: (на материале устных ассоциаций) / И. Г. Овчинникова // Детская речь: психолингвист. исслед. : [сб. ст.] / отв. ред. Т. Н. Ушакова, Н. В. Уфимцева. – М., 2001. – С. 148–154.
146. Оганесян, А. Г. Окказиональные слова в поэзии С. Кирсанова: словообразовательно-стилистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. Г. Оганесян ; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М., 1989. – 22 с.
147. Огородникова, Е. С. Об особенностях окказиональных неологизмов и квазиологизмов в произведениях фантастики / Е. С. Огородникова // Разноуровневые черты языковых и речевых явлений: межвуз. сб. науч. тр. / Пятигор. гос. лингвист. ун-т. – Пятигорск, 2005. – Вып. 8. – С. 119–125.
148. Одинцов, В. В. Лингвистические парадоксы : [для старш. шк. возраста] / В. В. Одинцов. – М. : Просвещение, 1982. – 174 с.
149. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 57000 сл. / С. И. Ожегов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1988. – 750 с.
150. Озерова, Е. Г. Сложные слова в детской речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. Г. Озерова ; Белгород. гос. ун-т. – Белгород, 1998. – 26 с.
151. Откупщиков, Ю. В. Очерки по этимологии / Ю. В. Откупщиков ; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. – 479 с.
152. Пацула, Ю. Н. Окказионализмы новейшего времени: структурно-семантический и функционально-прагматический аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. Н. Пацула. – Ростов н/Д., 2005. – 167 л.
153. Перцова, Н. Н. Словотворчество и связанные с ним проблемы идиостиля Велимира Хлебникова : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Н. Н. Перцова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М., 2000. – 103 с.

154. Плотникова, Л. И. Словотворчество как феномен языковой личности: порождение, функционирование, узуализация нового слова : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л. И. Плотникова ; Белгород. гос. ун-т. – Белгород, 2004. – 42 с.
155. Плотникова, С. В. Развитие лексикона ребёнка : учеб. пособие / С. В. Плотникова. – М. : Флинта : МПСУ, 2013. – 221 с.
156. Попова, Т. В. Неология и неография современного русского языка : учеб. пособие / Т. В. Попова, Л. В. Рацибурская, Д. В. Гугунава. – М. : Флинта-Наука, 2005. – 120 с.
157. Потебня, А. А. Эстетика и поэтика : [сборник] / А. А. Потебня ; [сост. И. В. Иванько, А. И. Колодной]. – М. : Искусство, 1976. – 614 с.
158. Прыгодзіч, М. Р. Аўтарскі неалагізм у мастацкім творы / М. Р. Прыгодзіч // Полымя. – 1984. – № 6. – С. 204–208.
159. Пряхина, А. А. Окказионализмы в современной русской периодике / А. А. Пряхина // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – 2008. – № 1, ч. 1. – С. 144–146.
160. Равуцкі, А. І. Лексічны аказіяналізм як від тропа / А. І. Равуцкі // Надзённыя праблемы лексікалогіі і анамастыкі славянскіх моў : зб. навук. арт. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Мазыр. дзярж. пед. ун-т ; адк. рэд. А. У. Солахаў, У. У. Шур. – Мазыр, 2006. – С. 75–77.
161. Рахимкулова, Г. Ф. Языковая игра в прозе Владимира Набокова: к проблеме игрового стиля : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 ; 10.02.19 / Г. Ф. Рахимкулова ; Рост. гос. ун-т. – Ростов н/Д., 2004. – 48 с.
162. Рацибурская, Л. В. Авторские неологизмы Ю. Полякова в аспекте языковой игры / Л. В. Рацибурская, Л. В. Кулинич // Урал. филол. вестн. Сер. Язык. Система. Личность : лингвистика креатива. – 2012. – № 2. – С. 121–124.
163. Ревзина, О. Г. Поэтика окказионального слова / О. Г. Ревзина // Язык как творчество : сб. науч. тр. к 70-летию В. П. Григорьева / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. ; редкол.: З. Ю. Петрова, Н. А. Фатеева. – М., 1996. – С. 303–308.
164. Ревуцкий, О. И. Троп и троповость в аспекте текстоцентризма / О. И. Ревуцкий // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П. П. Шубы) : материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 6–7 апр. 2006 г. : в 2 ч. / редкол. : И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2006. – Ч. 2. – С. 104–107.
165. Ревуцкий, О. И. Лингвистический анализ художественного текста : учеб. пособие для студ. филол. фак. вузов / О. И. Ревуцкий. – Минск : НМЦентр, 1998. – 192 с.
166. Ревуцкий, О. И. Филологический анализ художественного текста : учеб. пособие / О. И. Ревуцкий. – Минск : РИВШ, 2006. – 320 с.

167. Ремчукова, Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики: (морфологические ресурсы языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Е. Н. Ремчукова ; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2005. – 40 с.
168. Ретунская, М. С. Английское окказиональное словообразование: на материале имён существительных и прилагательных : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. С. Ретунская ; Горьк. гос ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Горький, 1974. – 21 с.
169. Ризель, Э. Г. Стилистика немецкого языка : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / Э. Г. Ризель, Е. И. Шендельс. – М. : Высш. шк., 1975 – 316 с.
170. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / отв. ред. Е. А. Земская. – М. : Наука, 1981. – 276 с.
171. Рыбников, Н. А. Введение в изучение ребёнка / Н. А. Рыбников. – 2-е изд. – Минск : Госиздат Белоруссии, 1921. – 44 с.
172. Рыньков, Л. Н. Именные метафорические словосочетания в языке художественной литературы XIX века: (послепушкинский период) / Л. Н. Рыньков. – Челябинск : Южно-Урал. кн. изд-во, 1975. – 184 с.
173. Самыличева, Н. А. Окказиональные слова как средство экспрессивизации газетного текста: (на материале нижегородских СМИ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. А. Самыличева ; Нижегород. гос. ун-т. – Н. Новгород, 2011. – 22 с.
174. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Яз. слав. культуры, 2002. – 552 с.
175. Санникова, Н. Ю. Словотворчество Евгения Евтушенко: на материале имён существительных : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 13.02.01 / Н. Ю. Санникова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М., 2005. – 24 с.
176. Сахарный, Л. В. Психолингвистические аспекты теории словообразования : учеб. пособие / Л. В. Сахарный ; Ленингр. гос. ун-т. – Л. : ЛГУ, 1985. – 97 с.
177. Седов, К. Ф. Онтопсихолингвистика: становление коммуникативной компетенции человека : учеб. пособие / К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2008. – 318 с.
178. Сенько, Е. В. Неологизация в современном русском языке конца XX века: межуровневый аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Т. В. Сенько ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2000. – 51 с.
179. Сивова, А. А. Структурно-семантические особенности окказиональных слов в публицистике последней трети XX – начала XXI в.: (на материале газеты «Комсомольская правда») : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. А. Сивова ; Нижегород. гос. пед. ун-т. – Н. Новгород, 2006. – 23 с.
180. Сичинаева, Ю. Н. Особенности проявления языковой личности в окказиональном словотворчестве: (на материале текстов В. Маяковского

и И. Северянина) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. Н. Сичинаева ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2007. – 23 с.

181. Словарь русского языка : в 4 т. / редкол.: С. Г. Бархударов (гл. ред.) [и др.]. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1959. – Т. 3. – 992 с.

182. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук, 1960. – Т. 10 : По – Поясочек. – 887 с.

183. Смирницкий, А. И. Объективность существования языка : материалы к курсам языкознания / А. И. Смирнитский ; под общ. ред. В. А. Звегинцева ; Моск. гос. ун-т. – М. : Изд-во МГУ, 1954. – 34 с.

184. Современный русский литературный язык : учеб. пособие / Н. М. Шанский [и др.] ; под ред. Н. М. Шанского. – 2-е изд., перераб. – Л. : Просвещение, Ленингр. отд-ние, 1988. – 671 с.

185. Солахаў, А. В. Да праблемы лексікаграфічнага апісання аўтарскіх аказіяналізмаў / А. В. Солахаў // Надзённыя праблемы лексікалогіі і анамастыкі славянскіх моў : зб. навук. арт. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Мазыр. дзярж. пед. ун-т ; адк. рэд.: А. В. Солахаў, В. В. Шур. – Мазыр, 2006. – С. 77–79.

186. Солганик, Г. Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) / Г. Я. Солганик // Язык современной публицистики : сб. ст. : [учеб. пособие] / сост. Г. Я. Солганик. – 3-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 232 с.

187. Солганик, Г. Я. Стилистика текста : учеб. пособие / Г. Я. Солганик. – М. : Флинта : Наука, 1997. – 254 с.

188. Сомова, Е. Г. Звукосимволизм как фоностилистическое средство в поэтическом тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. Г. Сомова ; Гос. С.-Петерб. ун-т. – СПб., 1991. – 18 с.

189. Сохин, Ф. А. Начальные этапы овладения ребёнком грамматическим строем языка : автореф. дис. ... канд. пед. наук (по психологии) / Ф. А. Сохин ; Моск. гос. пед. ун-т. – М., 1955. – 14 с.

190. Сохин, Ф. А. Психолого-педагогические проблемы развития речи дошкольников / Ф. А. Сохин // Пед. и возраст. психология. – 1989. – № 3. – С. 39–43.

191. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 696 с.

192. Страмной, А. В. Газетный текст как источник неологизмов: на материале русской и французской прессы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; 10.02.05 / А. В. Страмной ; Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 2007. – 21 с.

193. Стрижак, А. Л. Лексические инновации в газетных текстах конца XX – начала XXI века (на материале российских и русскоязычных белорусских изданий) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / А. Л. Стрижак ; Гом. гос. ун-т. – Минск, 2015. – 24 с.

194. Ташлыкова, М. Б. Морфемика. Морфонология. Словообразование : учеб. пособие / М. Б. Ташлыкова ; Иркут. гос. ун-т. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. – 219 с.
195. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие / А. А. Тертычный. – М. : Аспект-пресс, 2000. – 320 с.
196. Титова, Н. В. Семантика и поэтическая функция окказиональных слов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. В. Титова ; Челяб. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2006. – 23 с.
197. Тогоева, С. И. Новое слово – новое значение в коммуникативной и инновационной деятельности человека / С. И. Тогоева // Психолингвистические исследования слова и текста : сб. науч. тр. / М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации, Твер. гос. ун-т ; редкол.: А. А. Залевская (отв. ред.) [и др.]. – Тверь, 1997. – С. 115–120.
198. Тогоева, С. И. Психолингвистические проблемы неологии / С. И. Тогоева ; М-во образования Рос. Федерации, Твер. гос. ун-т. – Тверь : Изд-во ТвГУ, 2000. – 155 с.
199. Токарь, О. В. Психология развития и возрастная психология в схемах, таблицах, комментариях : учеб. пособие / О. В. Токарь. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта, 2014. – 64 с.
200. Торопцев, И. С. Язык и речь / И. С. Торопцев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 199 с.
201. Тропина, И. А. Наречия-инновации: лингвопрагматический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. А. Тропина ; Юж. федер. ун-т. – Ростов н/Д., 2007. – 23 с.
202. Трофимова, Г. Н. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Г. Н. Трофимова ; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2004. – 32 с.
203. Тухарели, Н. Л. Психолингвистические аспекты процесса номинации в онтогенезе / Н. Л. Тухарели // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред.: В. В. Красных, А. И. Изотов. – М., 2001. – Вып. 17. – С. 11–18.
204. Улуханов, И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И. С. Улуханов ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М. : Рус. слов., 1996. – 221 с.
205. Улуханов, И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания / И. С. Улуханов ; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1977. – 256 с.
206. Ушакова, О. С. Развитие речи дошкольников / О. С. Ушакова ; [Ин-т психотерапии, Ин-т дошк. воспитания и семейн. образования]. – М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2001. – 256 с.
207. Ушакова, Т. Н. О механизмах детского словотворчества / Т. Н. Ушакова // Вопр. психологии. – 1969. – № 1 – С. 62–73.

208. Ушакова, Т. Н. О причинах детского словотворчества / Т. Н. Ушакова // *Вопр. психологии.* – 1970. – № 6 – С. 114–126.
209. Фадеева, Т. М. Структурные особенности окказиональных сложных эпитетов / Т. М. Фадеева // *Вестн. Нижегород. ун-та.* – 2011. – № 6. – С. 680–683.
210. Фельдман, Н. И. Окказиональные слова и лексикография / Н. И. Фельдман // *Вопр. языкознания.* – 1957. – № 4. – С. 15–24.
211. Фергюсон, Ч. Автономная детская речь в шести языках / Ч. Фергюсон // *Новое в лингвистике.* – М., 1975. – Вып. 7 : Социоллингвистика. – С. 422–440.
212. Фомина, М. И. Современный русский язык. Лексикология : учеб. пособие / М. И. Фомина. – 4-е изд. – М. : Высш. шк., 2001. – 415 с.
213. Фрумкина, Р. М. Психоллингвистика : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Р. М. Фрумкина. – М. : Академия, 2003. – 320 с.
214. Ханпира, Э. И. Окказиональное словообразование В. В. Маяковского: (отыменные глаголы и причастия) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Э. И. Ханпира ; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М., 1966. – 16 с.
215. Харченко, В. К. «Годовалые кольца» детского словотворчества / В. К. Харченко // *Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. Гуманит. науки.* – 2011. – Вып. 10, № 12. – С. 61–67.
216. Харченко, В. К. Корпус детских высказываний / В. К. Харченко. – М. : Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2012. – 520 с.
217. Харченко, В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности / В. К. Харченко // *Рус. яз. в шк.* – 1976. – № 3. – С. 66–71.
218. Харченко, В. К. Словарь современного детского языка : ок. 10000 слов : свыше 15 000 высказываний / В. К. Харченко. – М.: Астрель : АСТ : Транзиткнига, 2005. – 637 с.
219. Хахалова, С. А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры : монография / С. А. Хахалова. – 2-е изд., испр. и доп. – Иркутск : ИГЛУ, 2011. – 292 с.
220. Хохлачева, В. Н. Индивидуальное словообразование в русском литературном языке XIX в. / В. Н. Хохлачева // *Материалы и исследования по истории русского литературного языка : сб. ст. : [в 5 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. языка ; отв. ред. В. В. Виноградов.* – М., 1962. – Т. 5. – С. 166–182.
221. Хромова, С. А. Индивидуально-авторское словотворчество в его отношении к языковому словообразовательному стандарту: (на материале произведений К. Бальмонта и И. Северянина) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. А. Хромова ; Саратов. гос. ун-т. – Саратов, 2007. – 20 с.
222. Царёв, П. В. Потенциальная лексика в современном английском языке / П. В. Царев // *Иностр. яз. в шк.* – 1978. – № 1. – С. 20–26.

223. Цейтлин, С. Н. Детская речь: инновации формообразования и словообразования: на материале современного русского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / С. Н. Цейтлин ; Ленингр. гос. пед. ин-т. – Л., 1989. – 32 с.
224. Цейтлин, С. Н. Окказиональные морфологические формы в детской речи : учеб. пособие / С. Н. Цейтлин ; Ленингр. гос. пед. ин-т. – Л. : ЛГПИ, 1988. – 77 с.
225. Цейтлин, С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи / С. Н. Цейтлин. – М. : Знак, 2009. – С. 364.
226. Цейтлин, С. Н. Язык и ребёнок: лингвистика детской речи / С. Н. Цейтлин. – М. : Владос, 2000. – 240 с.
227. Чарнаброўкіна, Н. У. Аказіянальныя словы ў складзе лексічных сродкаў сучаснай беларускай паэзіі : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / Н. У. Чарнаброўкіна ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 1998. – 17 с.
228. Чарнаброўкіна, Н. У. Лексіка-семантычная група аказіянальных назваў адцягненых паняццяў / Н. У. Чарнаброўкіна // Весн. беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія. – 1996. – № 3. – С. 24–27.
229. Черникова, Н. В. Аспекты изучения семантических неологизмов : учеб. пособие к спецкурсу / Н. В. Черникова ; Мичур. гос. пед. ин-т. – Мичуринск : Мичур. гос. пед. ин-т, 1998. – 80 с.
230. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2013. – 176 с.
231. Чуковский, К. И. От двух до пяти / К. И. Чуковский. – Минск : Нар. асвета, 1984. – 319 с.
232. Шендельс, Е. И. Грамматическая метафора / Е. И. Шендельс // Филол. науки. – 1972. – № 2. – С. 50–70.
233. Шабалина, О. В. Структура и функционирование метафоры в детской речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. В. Шабалина ; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2007. – 21 с.
234. Шабовіч, М. У. Аказіянальныя словы ў беларускіх мастацкіх тэкстах 20-х гг. XX ст. : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / М. У. Шабовіч ; Беларус. дзярж. пед. ун-т. – Мінск, 2004. – 19 с.
235. Шанский, Н. М. Лексика и фразеология современного русского языка : учеб. пособие / Н. М. Шанский ; Гл. упр. высш. и сред. пед. учеб. заведений М-ва просвещения РСФСР, Науч.-метод. каб. по заоч. обучению учителей. – М. : Просвещение, 1957. – 168 с.
236. Шаталова, Ю. Н. Словотворчество в повседневной речи: (структурно-семантический и функциональный аспекты) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. Н. Шаталова ; Белгород. гос. нац. исслед. ун-т. – Белгород, 2013. – 21 с.

237. Шахнарович, А. М. К проблеме понимания метафоры / А. М. Шахнарович, Н. М. Юрьева // Метафора в языке и тексте / [В. Г. Гак и др.] ; отв. ред. В. Н. Телия ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М., 1988. – С. 108–118.

238. Швачкин, Н. Х. Возрастная психоллингвистика: хрестоматия : учеб. пособие / Н. Х. Швачкин ; сост. К. Ф. Седова. – М. : Лабиринт, 2004. – 330 с.

239. Штерн, В. Психология раннего детства до шестилетнего возраста / В. Штерн ; пер. М. А. Энгальгардт. – Петербург : Школа и жизнь, 1915 – 309 с.

240. Шумилова, А. В. Новообразования в газетном заголовке: структурно-функциональный аспект: (на материале нижегородских СМИ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. В. Шумилова ; Нижегород. гос. ун-т. – Н. Новгород, 2011. – 24 с.

241. Эльконин, Д. Б. Развитие речи в дошкольном возрасте : (краткий очерк) / Д. Б. Эльконин. – М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. – 115 с.

242. Юрина (Шенделева), Е. А. Образность лексических единиц: (к вопросу о месте образности в структуре лексического значения слова) / Е. А. Юрина (Шенделева) // Русские говоры Сибири. Семантика : [сб. ст.]. – Томск, 1995. – С. 21–32.

243. Юрьева, Н. М. Формирование концептуальной системы и языковой номинации на ранних этапах онтогенеза / Н. М. Юрьева // Язык. Сознание. Культура : [сб. ст. по материалам семинара] / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, Ин-т психологии ; под. ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. – М. ; Калуга, 2005. – С. 136–152.

244. Якобсон, Р. О. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений / Р. О. Якобсон // Теория метафоры : сб. ст. : пер. с англ., фр., нем., исп., пол. яз. / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 110–132.

245. Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм «за» и «против» : сб. ст. : пер. с англ., фр., нем., чеш., пол. и болг. яз. / под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова. – М. : Прогресс, 1975 – С. 193–230.

246. Якобсон, Р. О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика : [сб. ст. : переводы] / сост. и общ. ред. Ю. С. Степанова. – М. : Радуга, 1983. – С. 462–482.

247. Якубинский, Л. П. О поэтическом глоссемосочетании / Л. П. Якубинский // Сборники по теории поэтического языка. – Пг., 1919. – Вып. 3 : Поэтика. – С. 7–12.

248. Янко-Триницкая, Н. А. Словообразование в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая. – М. : Индрик, 2001. – 503 с.

249. Berko, J. The child's learning of english morphology / J. Berko // Word. – 1958. – Vol. 14. – P. 150–177.

250. Brinton, L. J. *Lexicalization and language change (Research Surveys in Linguistics)* / L. J. Brinton, E. C. Traugott. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2005. – 207 p.
251. Clark, E. V. *The lexicon in acquisition* / E. V. Clark. – Cambridge : Cambridge Univ., 1995 – 306 p.
252. Crystal, D. *Language and the Internet* / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2001. – 261 p.
253. Dressler, W. U. “Scenario” as a concept for the functional explanation for the language change / W. U. Dressler // *Language change and functional explanations* / ed. by J. Gvozdanović. – Berlin, 1997. – P. 109–142.
254. Elsen, H. *Neologismen: Formen und Funktionen Neuer Wörter in Verschiedenen Varietäten des Deutschen* / H. Elsen. – Tübingen : Narr, 2004. – 199 s.
255. Fischer, R. *Lexical Change in Present-day English: a Corpus-Based Study of the Motivation, Institutionalization, and Productivity of Creative Neologisms* / R. Fischer. – Tübingen : Gunter Narr Verlag, 1998 – 209 s.
256. Gombert, J. E. *Metalinguistic development* / J. E. Gombert. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1992. – 233 p.
257. Goodluck, H. *Language acquisition: a linguistic introduction* / H. Goodluck. – Oxford ; Cambridge : Blackwell, 1991. – 224 p.
258. Konieczna, E. *Derivational neologisms in children's speech from polish and english data* / E. Konieczna // *Zeszyty nauk. uniwersyteckiego. Ser. Filologiczna: studia anglica resoviensia*. – Rzeszów, 2002. – № 1. – S. 52–63.
259. *Language acquisition: studies in first language development* / Univ. of Cambridge ; ed.: P Fletcher, M. Garman. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1989. – 617 p.
260. Legendre, G. *Early child grammars: qualitative and quantitative analysis of morphosyntactic production* / G. Legendre // *Cognitive Science*. – 2006. – № 30. – P. 803–835.
261. Lemnithzer, L. *Neologismenlexicographie und das Internet* / L. Lemnithzer // *Lexicographica*. – Göttingen, 2010. – S. 65–78.
262. Lust, B. C. *Child language. Acquisition and growth* / B. C. Lust. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006. – 410 p.
263. Singleton, D. M. *Language acquisition: the age factor* / D. M. Singleton, L. Ryan. – 2nd ed. – Clevedon : Cromwell Press Ltd., 2004. – 291 p.

СЛОВНИК

Детские окказионализмы

- антивесёлый (13 л.) с. 72
антилоп (5 л.) с. 33
апельсинёнок (6 л. 4 м.) с. 31
арбузёнок (4 г. 4 м.) с. 31
арбузовый (11 л. 1 м.) с. 45
ахтыбожемойкоровка (3 г. 5 м.) с. 52
бабусьник (4 г.) с. 34
баклачок (Конч.) с. 50
банановыжиматель (5 л.) с. 48
банконас (3 г.) с. 15, с. 51, с. 79
Барбарисович (школьн. возр.) с. 52
Басилина (дошкольн. возр.) с. 52
бегемотолягушка (8 л. 3 м.) с. 47
бегнуть (3 г. 5 м.) с. 40
безбардак (4 г.) с. 50
безденьгий (5 л. 3 м.) с. 44
безумительно (4 г. 2 м.) с. 50
беспальный (4 г.) с. 44
бессолнцый (5 л.) с. 44
бесшапочный (6 л. 3 м.) с. 44
блондинище (4 г.) с. 31
бобрица (9 л.) с. 53
Богинёнок (8 л.) с. 31
боленка (11 л. 11 м.) с. 50
болтабесничать (≈ 7 л.) с. 50
борщеварочный (12 л. 7 м.) с. 48
бубличничать (3 г. 5 м.) с. 54
буквин (Сах.) с. 44
Бурундуковский (школьн. возр.) с. 52
бычить (2 г. 3 м.) с. 41
бычица (3 г.) с. 32
ВаПа (школьн. возр.) с. 49
вежа (4 г. 5 м.) с. 34
велосипедёнок (10 л. 3 м.) с. 31
вертолётить (3 г.) с. 41
вертяк (4 г. 8 м.) с. 35
Веселина (дошкольн. возр.) с. 52
веселютик (Яснор) с. 50
вилкать (11 л. 4 м.) с. 40
воблёнок (4 г.) с. 30
водайник (2 г.) с. 54
водёнка (11 л. 9 м.) с. 54
водителить (4 г. 4 м.) с. 41
вознючий (3 г.) с. 46
ворóтник (5 л.) с. 34
вороб (6 л.) с. 31
вортушка (5 л.) с. 51
вредимый (Гуз.) с. 43
всамыйразенький (5 л.) с. 52
втебямый (3 г. 5 м.) с. 50
выгинальный (6 л.) с. 46
выдавиться (3 г.) с. 39
вымьки (3 г.) с. 30
вытонуть (2 г. 9 м.) с. 38
гавковый (4 г.) с. 46
ГалПетра (школьн. возр.) с. 49
гаснуться (3 г.) с. 40
Герляндия (Касс.) с. 52
главность (8 л.) с. 37
глупяк (5 л. 7 м.) с. 37
глухотвой (4 г.) с. 50
головаст (≈ 5 л.) с. 54
головастёнок (≈ 5 л.) с. 54
головёнка (5 л.) с. 54
голодность (4 г.) с. 37
гольщик (5 л.) с. 33
гонялка (Усачёв) с. 36
горчёнок (3 г. 7 м.) с. 30
гранатище (8 л.) с. 31
гребесло (4 г.) с. 51
грибчонок (9 л.) с. 31
159роме (5 л.) с. 45
грустника (5 л.) с. 28
грязность (10 л.) с. 37
гузина (6 л.) с. 54
дворняжник (5 л. 2 м.) с. 32
двухребённый (4 г.) с. 48
девиц (3 г.) с. 33

дикодобрый (4 г. 5 м.) с. 48
 доестся (4 г.) с. 40
 домтел (11 л. 5 м.) с. 49
 доразвитый (Касс.) с. 43
 дочкастый с. 115
 дрессирнуть (5 л.) с. 40
 думание (7 л.) с. 37
 думательный (6 л. 5 м.) с. 46
 дупел (4 г.) с. 51
 душ (3 г. 5 м.) с. 33
 дырковый (5 л. 4 м.) с. 45
 дятить (3 г. 5 м.) с. 41
 Ёг (3 г. 5 м.) с. 33
 едомания (10 л. 5 м.) с. 34
 едопад (5 л.) с. 48
 едьё (5 л.) с. 53
 жадница (3 г.) с. 37
 жалевчивый (6 л. 6 м.) с. 46
 железл (4 г. 6 м.) с. 51
 жираблюд (3 г.) с. 50
 Жмотов (школьн. возр.) с. 52
 забегающий (\approx 7 л.) с. 53
 забивательный (4 г. 5 м.) с. 46
 забывалка (5 л. 6 м.) с. 35
 забыватель (4 г. 4 м.) с. 35
 зависливый (3 г. 11 м.) с. 46
 заглаголить (8 л.) с. 42
 закиндериться (3 г.) с. 42
 закрытка (3 г.) с. 39
 закурноситься (4 г. 5 м.) с. 42
 замалента (4 г.) с. 51
 замеряльник (4 г. 5 м.) с. 36
 замешать (4 г. 3 м.) с. 39
 замолнить (2 г. 3 м.) с. 42
 занавесостирательный (8 л. 3 м.) с. 48
 затончить (3 г. 4 м.) с. 42
 затучиться (2 г. 8 м.) с. 88
 затучный (4 г. 7 м.) с. 45
 змеемышка (10 л. 11 м.) с. 47
 значонок (3 г. 10 м.) с. 31
 зубийца (8 л.) с. 50
 Зубрилина (школьн. возр.) с. 52
 игран (4 г.) с. 51
 игранда (5 л.) с. 51
 издынный (5 л. 4 м.) с. 45
 индятина (6 л.) с. 54
 искпедиция (Зах.) с. 52
 испаутинить (6 л. 3 м.) с. 41
 кабачонок (4 г.) с. 31
 какайник (2 г.) с. 54
 кач (13 л.) с. 49
 Кефировна (дошкольн. возр.) с. 51, с. 20
 кикиморник (4 г.) с. 32
 Кисалина (дошкольн. возр.) с. 52
 клевалка (\approx 11 л.) с. 53
 козлица (3 г.) с. 32
 козлятский (2 г. 9 м.) с. 44
 колбасничать (\approx 3 г.) с. 71
 колгонист (3 г.) с. 34
 Колобушка (3 г.) с. 32
 Колобчонок (3 г.) с. 32
 коль (3 г. 6 м.) с. 36
 колючиться (3 г. 5 м.) с. 42
 комарее (5 л.) с. 45
 комариха (6 л.) с. 32
 компотозакрываательный (12 л. 7 м.) с. 48
 конее (6 л.) с. 45
 коница (6 л.) с. 32
 копата (3 г.) с. 51
 коров (7 л.) с. 33
 коровщица (9 л.) с. 33
 косатый (4 г.) с. 44
 котиха (4 г. 6 м.) с. 32
 котица (3 г.) с. 32
 котлетничать (3 г.) с. 71
 котожираф (6 л. 2 м.) с. 54
 кошкотаскатель (6 л.) с. 48
 кранёнок с. 33
 краниха с. 33
 краньё (4 г. 1 м.) с. 36
 кричалка (5 л. 4 м.) с. 35
 кричание (4 г. 6 м.) с. 36
 крокодильский (\approx 6 л.) с. 28
 кроличный (5 л.) с. 45
 крысин (4 г. 2 м.) с. 44
 Ксюша-Длиннюша (5 л.) с. 53

кудрилка (6 л.) с. 36
кудрятый (5 л. 6 м.) с. 44
купильщик (12 л.) с. 35
ласт (4 г. 5 м.) с. 33
ластик (4 г. 5 м.) с. 33
Лёня-Гудоня (5 л.) с. 53
лепмень (5 л.) с. 51
лестница-спортсменка (4 г.) с. 47
летальщик (11 л. 8 м.) с. 35
лечитель (4 г. 5 м.) с. 35
лизательный (11 л. 2 м.) с. 46
лизык (2 г.) с. 51
линеечник (6 л.) с. 34
лисюк (3 г.) с. 33
ложкать (11 л. 4 м.) с. 40
лопатать (2 г.) с. 40
лош (2 г.) с. 54
лошадёнок (2 г.) с. 54
лошадист (4 г. 4 м.) с. 33
лунанин (3 г.) с. 44
лучшевсехний с. 52
любёнок (\approx 4 г.) с. 103
любопытиться (\approx 7 л.) с. 42
лягушкоопродуктиться (13 л. 10 м.) с. 48
мадамчик (6 л.) с. 32
Макароновна (дошкольн. возр.) с. 52
Максим-Плаксим (5 л.) с. 53
маморотник (7 л.) с. 50
мамошница (3 г. 8 м.) с. 50
махиться (6 л.) с. 42
мегаржачный (11 л. 6 м.) с. 72
мегахомяк (11 л. 4 м.) с. 34
медленнота (5 л.) с. 38
медленноходный (13 л. 6 м.) с. 49
медовничать (3 г. 5 м.) с. 54
метеоритнуться (5 л.) с. 41
мецкий (3 г. 5 м.) с. 43
мечтануть (4 г. 6 м.) с. 40
мешаха (3 г. 6 м.) с. 35
Мидия Лихайловна (школьн. возр.) с. 52
мизин (2 г. 5 м.) с. 31
мишица (3 г.) с. 33
мнушка (4 г. 6 м.) с. 53
мокромятка (\approx 8 л.) с. 53
мокрофрукты (6 л.) с. 48
молоточить (7 л.) с. 40
моркофель (Конч.) с. 50
морожёнка (11 л. 9 м.) с. 54
морячница (6 л.) с. 32
Мраченко (школьн. возр.) с. 52
мультиёнок (3 г. 6 м.) с. 31
Мухайлович (школьн. возр.) с. 52
мытель (4 г.) с. 35
мышекот (6 л. 2 м.) с. 54
мышух (7 л.) с. 33
мявкистый (5 л.) с. 46
мясоежка (6 л. 3 м.) с. 54
мясорубить (3 г.) с. 70
навитаминиться (3 г.) с. 42
наволосить (3 г. 8 м.) с. 41
Наказань (Касс.) с. 52
накалькулять (8 л.) с. 42
накомпотить (2 г. 7 м.) с. 41
намокнуть (3 г.) с. 42
нанасосить (5 л. 2 м.) с. 40
напасть (5 л.) с. 41
напетухать (3 г. 1 м.) с. 42
народка (2 г. 9 м.) с. 30
насарафаниваться (5 л.) с. 42
Настеедка (5 л.) с. 48
неблако (4 г. 1 м.) с. 51
невалировать (3 г. 8 м.) с. 41
негорка (3 г.) с. 32
негрызный (4 г.) с. 43
неестный (10 л. 4 м.) с. 43
незамечливый (6 л. 6 м.) с. 43
незаходчивый (5 л.) с. 43
некатуций (11 л.) с. 43
некрасавица (7 л.) с. 34
немешаха (3 г. 6 м.) с. 35
неорливый (6 л.) с. 43
неповидло (8 л.) с. 34
непомнилка (4 г. 6 м.) с. 35
несловатый (5 л.) с. 43
неслушно (2 г. 3 м.) с. 47
неубивательный (6 л. 1 м.) с. 43

нехрюковый (2 г.) с. 43
Никитос-Нос-Картос (9 л. 10 м.) с. 53
ногомойка (6 л. 8 м.) с. 48
ножить (11 л. 4 м.) с. 40
ножиха (4 г. 3 м.) с. 54
ножки-курножки (5 л. 8 м.) с. 53
ножонок (4 г. 3 м.) с. 54
нольный (3 г.) с. 44
носорога (4 г.) с. 32
носорожица (4 г.) с. 32
Обезьянович (школьн. возр.) с. 52
овосемь (Зах.) с. 52
овчарость (5 л.) с. 38
огорачить (6 л.) с. 42
огурбуз (Конч.) с. 50
огуреческий (11 л. 4 м.) с. 45
однёнок (3 г. 5 м.) с. 31
однойнельзяходительный с. 52
окнист (3 г.) с. 54
окномойка (13 л. 7 м.) с. 48
оливочный (12 л. 6 м.) с. 45
освещенник (Касс.) с. 52
осемь (Зах.) с. 52
осить (3 г. 5 м.) с. 41
остыться (3 г. 6 м.) с. 40
отберёзить (5 л.) с. 88
отбивательный (4 г. 5 м.) с. 46
отвесить (3 г. 4 м.) с. 39
открасться (3 г. 11 м.) с. 38
отонравиться (5 л. 2 м.) с. 39
оттяжение (11 л. 1 м.) с. 39
Очкана (дошкольн. возр.) с. 51
ошесть (Зах.) с. 52
падальщица (4 г.) с. 35
палкать (2 г. 9 м.) с. 40
пальмин (Павл.) с. 44
папонт (\approx 3 г.) с. 50
паровозист (3 г.) с. 33
пасучий (4 г. 5 м.) с. 46
пахнуться (4 г. 2 м.) с. 40
пашина (2 г.) с. 50
пельменно (4 г.) с. 47
перебегот (3 г.) с. 53
перемешка (3 г. 5 м.) с. 36
перепутка (4 г. 6 м.) с. 35
Песочи (дошкольн. возр.) с. 20
Петрица (5 л.) с. 32
петучиха (3 г. 5 м.) с. 32
петучонок (3 г. 5 м.) с. 32
печатальщик (6 л.) с. 36
печатательный (13 л. 7 м.) с. 46
пиндюк (3 г.) с. 50
писательный (5 л. 8 м.) с. 46
пистолетикин (Мих.) с. 44
пистолетый (4 г.) с. 44
плачение (5 л.) с. 36
плоховец (4 г. 5 м.) с. 37
плохость (2 г. 5 м.) с. 37
плюни (3 г.) с. 51
победильник (3 г. 11 м.) с. 35
поварица (10 л. 10 м.) с. 32
поверблюдить (5 л. 5 м.) с. 88
подаринчик (5 л.) с. 51
подволаз (4 г.) с. 51
подлючный (4 г. 3 м.) с. 45
подчеловечки (10 л. 5 м.) с. 28
по-дядински (\approx 5 л.) с. 47
поездёр (\approx 5 л.) с. 33
по-кукаречьи (4 г.) с. 47
полицейонер (6 л.) с. 50
по-машинному (4 г.) с. 47
помидыня (Конч.) с. 50
помогаться (3 г. 6 м.) с. 39
по-ослиному (4 г.) с. 47
попкорноделатель (11 л. 1 м.) с. 48
попланшетить (10 л.) с. 40
поросятый (3 г.) с. 44
портфеление (\approx 7 л.) с. 53
послух (3 г. 6 м.) с. 39
принцевский (6 л.) с. 44
присердить (4 г. 5 м.) с. 39
продавальщик (3 г.) с. 35
проёжичный (4 г. 6 м.) с. 45
пропоздать (4 г. 2 м.) с. 50
протыкалка (11 л. 3 м.) с. 36
процеживалка (5 л.) с. 36

пряничничать (3 г. 5 м.) с. 54
пугалка (5 л. 4 м.) с. 35
пузырёнок (4 г.) с. 20
пчелун (3 г.) с. 33
пылесосивание (11 л. 7 м.) с. 37
разбантить (4 г. 5 м.) с. 42
развратиться (5 л.) с. 39
разобнять (5 л. 2 м.) с. 39
ракушонок (10 л. 1 м.) с. 31
рановставание (9 л.) с. 48
раскатнуть (6 л. 5 м.) с. 40
раскипятить (3 г.) с. 39
распузатиться (4 г.) с. 42
рассолить (13 л. 8 м.) с. 39
редисвёкла (Конч.) с. 50
репуста (Конч.) с. 50
рисовнуть (5 л. 6 м.) с. 40
рубитель (4 г.) с. 35
ругачий (3 г. 4 м.) с. 46
рыба-дрель (5 л.) с. 47
рыба-молоток (4 г.) с. 47
рыба-точилка (7 л.) с. 47
рыба-фонарик (4 г.) с. 47
рыбачница (12 л.) с. 32
рыба-штопор (8 л. 8 м.) с. 47
рыдательный (4 г. 4 м.) с. 46
рюк (10 л. 6 м.) с. 49
рюкзачонок (3 г. 8 м.) с. 20
ряха (4 г.) с. 34
саяуга (7 л. 8 м.) с. 62
Салатович (школьн. возр.) с. 52
самолётчик (6 л.) с. 33
светильный (5 л. 8 м.) с. 46
свиновой (11 л. 4 м.) с. 45
свинятина (6 л.) с. 54
сгазонить (5 л.) с. 42
сголовый (4 г. 2 м.) с. 44
сдомный (5 л.) с. 44
сельдерошек (Конч.) с. 50
сестратый (5 л.) с. 44
сидяк (4 г. 8 м.) с. 35
силость (4 г.) с. 38
сильнонервный (8 л. 5 м.) с. 49
синичк (3 г. 10 м.) с. 33
скакалка (Усачёв) с. 36
слонокот (13 л.) с. 47
слунный (4 г. 11 м.) с. 44
смейнуться (6 л.) с. 40
снеговёныш (2 г. 5 м.) с. 33
сногий (6 л.) с. 44
соловечек (Яснов) с. 50
сольность (7 л.) с. 37
сочонок (3 г. 6 м.) с. 20, с. 31
спапный (4 г.) с. 44
спаржовник (Конч.) с. 50
спательный (3 г. 3 м.) с. 46
споткнуть (5 л.) с. 39
спрашивалка (10 л.) с. 35
сражалка (Усачёв) с. 36
средельник (5 л.) с. 50
срукавный (3 г. 7 м.) с. 44
срукий (3 г. 6 м.) с. 44
старости (5 л.) с. 53
старух (2 г. 4 м.) с. 33
стиральник (3 г. 10 м.) с. 35
страшнуть (13 л. 3 м.) с. 40
стройнуть (5 л. 4 м.) с. 40
строитель (4 г. 2 м.) с. 41
стучальщик (12 л.) с. 35
суперлопатка (13 л. 6 м.) с. 34
суперпельмень (13 л. 5 м.) с. 34
суперполёт (12 л.) с. 34
суперрубитель (6 л. 5 м.) с. 34
супрёнок (3 г.) с. 30
сусёл (3 г.) с. 31
сфиникачить (\approx 13 л.) с. 42
счастливень (Яснов) с. 50
счастный (2 г.) с. 43
считальник (4 г. 5 м.) с. 36
таксёр (3 г. 5 м.) с. 33
тантёнок (2 г. 5 м.) с. 31
танцевнуть (8 л.) с. 40
Твойдодыр (3 г.) с. 50
тихоговоритель (13 л. 3 м.) с. 49
толстобегий (3 г. 5 м.) с. 48
торговальщик (5 л.) с. 35

травмокат (2 г.) с. 15
 тракторёнок (5 л.) с. 31
 трубадура (4 г.) с. 32
 трусальник (5 л.) с. 53
 тупяк (13 л. 6 м.) с. 37
 тюрьмец (3 г. 6 м.) с. 33
 убольшиться (6 л.) с. 42
 удивитель (4 г.) с. 36
 удобец (5 л.) с. 37
 улигин (4 г. 2 м.) с. 44
 улыбачий (3 г. 5 м.) с. 46
 ушки-курушки (5 л. 8 м.) с. 53
 фонары (3 г. 5 м.) с. 50
 фотяра (6 л. 3 м.) с. 62
 фтяник (3 г.) с. 34
 хвальнуть (4 г. 2 м.) с. 40
 Хлебовна (школьн. возр.) с. 52
 ходиум (4 г.) с. 51
 хулигана (3 г.) с. 32
 царапистый (5 л.) с. 46
 царапливый (6 л. 7 м.) с. 46
 цветочно (4 г. 5 м.) с. 47
 церквяч (6 л.) с. 54
 церквячить (6 л.) с. 54
 чаёнка (11 л. 9 м.) с. 54
 Чебуран (3 г.) с. 31
 Чер (школьн. возр.) с. 49
 червякище (7 л.) с. 31
 челлук (Конч.) с. 50
 чинилка (4 г. 3 м.) с. 36
 чистилка (11 л.) с. 36
 читануть (12 л. 8 м.) с. 40
 чудетство (Яснов) с. 50
 шарёнок (7 л. 8 м.) с. 31
 шариколопание (4 г.) с. 48
 швейть (4 г.) с. 41
 шилица (3 г.) с. 35
 шитка (4 г. 5 м.) с. 19, с. 36
 шкафист (3 г.) с. 54
 шоферист (3 г. 5 м.) с. 33
 шпагатёр (5 л.) с. 33
 шьюха (5 л.) с. 35
 щёлкалка (11 л.) с. 36
 юлать (4 г. 7 м.) с. 53
 яблокогрыз (7 л.) с. 54
 яблокоед (7 л.) с. 54
 яблокоежка (6 л. 3 м.) с. 54
 яблокомясоежка (6 л. 3 м.) с. 54
 яблоконос (7 л.) с. 54
 яблокособиралка (13 л. 5 м.) с. 48
 Янична (дошкольн. возр.) с. 51
 Ямп (школьн. возр.) с. 49
 яркота (6 л.) с. 38

Окказиональные слова в речи взрослых

Разговорная речь

абори с. 76
 автобусник с. 63
 автобусовый с. 73
 айфониться с. 80
 айфонщик с. с. 80
 алкогольничать с. 70
 альфонситель с. 70
 антигрустный с. 72
 антидождливый с. 73
 антикошатник с. 64
 антилекарственный с. 72
 антимашинник с. 64
 антиогород с. 64
 антиполезный с. 72
 антирабочий с. 72
 антиресторанщик с. 64
 антишмоточник с. 64
 арбузник с. 63

архимобильный с. 72
архиположительный с. 72
архисочный с. 72
банкетщина с. 63
барник с. 63
барничать с. 70
барыжность с. 68
бассейничать с. 70
бегатель с. 81
бегливый с. 74
безавтомобильный с. 73
безбардак с. 78
беременюшка с. 15
бескартинный с. 73
бесключный с.
бескурточный с. 73
бесхозник с. 79
бесшапочный с. 73
бигудить с. 70
блудилка с. 66
Блуднёв с. 79
бродилка с. 66
бросун с. 66
брыкачий с. 74
будительный с. 74
бульдожник с. 63
бульдожонок с. 61
бусовый с. 73
бутеркофеть с. 81
вампирно с. 74
вдверьстучатель с. 81
велосипедский с. 73
вешатель лапши с. 66
вещеистребитель с. 75, с. 81
вискиться с. 71
вконтактный с. 73
вкричать с. 69
владелец с. 66
воплокофеть с. 78, с. 81
вороносчитатель с. 76
воспитательничать с. 70
враченция с. 62
встречальщик с. 80
выбрасывалка с. 66
выступатель с. 67
выхи с. 76
вялота с. 68
гаишничать с. 70
гденьги с. 78
глушно с. 74
Гнидовна с. 79
горячка с. 68
готовнуть с. 69
грехануть с. 69
грибособирательный с. 75
грибособирательство с. 75
грустёныш с. 68
грызки с. 67
гудильник с. 79
гулябельный с. 74
дальнота с. 68
дантировать с. 70
дворняжник с. 63
дез с. 76
дельфинозвуковыдаватель с. 81
Деньгисович с. 79
детейизбивательница с. 81
детолюб с. 75
джижник с. 63
джунгарёнок с. 61
дискотетничать с. 70
длиннюка с. 68
довключить с. 69
доедалки с. 67
докторка с. 68
Домкратов с. 79
домоубиралка с. 75
доступить с. 80
дотрога с. 65
дрыгатель с. 81
дымелка с. 65
дырявость с. 68
дюф с. 77
жаркота с. 68
жебра с. 76
жигульник с. 63

жуколов с. 75
заадидаситься с. 71
заб с. 77
заборостроитель с. 75
задиратель носа с. 66
заить с. 71
закатыватель истерик с. 66
заклубковернуться с. 79
закоферичневеть с. 76, с. 81
запонимать с. 69
запроверять с. 69
зарплата с. 20
защёчина с. 77
зимость с. 64
зрявато с. 74
зряплата с. 78
зубрилово с. 67
игрушколомательница с. 75, с. 81
изваныводупитель с. 81
извергиня с. 62
изинтернетный с. 73
измерялка с. 65
инженерить с. 70
интернетничать с. 70
камазник с. 63
картофан с. 62
кастрюлёнок с. 61
кастрюлин с. 73
катаник с. 80
ква с. 76
кефирник с. 63
клопушонок с. 78
клубщина с. 63
колбасник с. 63
кондитерствовать с. 70
конфетообожатель с. 75, с. 81
копячий с. 73
котазахвосттрогатель с. 81
кофелбасить с. 81
кофеманский с. 81
кофенедонасыщенный с. 81
кофешоколадный с. 81
кофперенапыщенный с. 81
крабка с. 68
красивёныш с. 68
кредитище с. 20
кривлючий с. 74
крутилка с. 65
крутяка с. 66
крысолуб с. 75
крысота с. 78
крысячий с. 73
кулинарщина с. 63
курортщина с. 64
кусатель с. 81
лабр с. 76
лампочкоменятельный с. 75
лгунёнок с. 61
лепетатель с. 81
ликёрничать с. 70
листатель с. 66
магазин с. 76
магазинёнок с. 61
магазиния с. 64
магазинница с. 63
магазинюха с. 61
магазинюшка с. 61
мазидла с. 67
майонезничать с. 70
макаронничать с. 70
машинёнок с. 61
машинкин с. 73
машинно с. 74
мебелёвина с. 62
мегажадный с. 72
меганаивный с. 72
мелодрамия с. 64
меняние с. 67
мечтануть с. 69
мобильский с. 73
мозгозапудривание с. 76
монстрёнок с. 61
мопедкин с. 73
мороженничать с. 70
морочилово головы с. 67
москвичиха с. 62

москвичонок с. 61
мутонка с. 68
мухосчитание 76
мышаться 71
мышиться 71
мясорубить с. 70
мяучий с. 74
надонджуаниться с. 71
Наждак Гуталинович с. 79
наколюга с. 62
накрасивиться 72
налореалиться с. 71
насарфаниться с. 71
началка с. 68
неврач с. 64
негодец с. 77
негулябельный с. 74
недовключить с. 69
недовольность с. 68
недодожь с. 65
недомесить с. 69
недонаказать с. 69
недопраздновать с. 69
недосахарить с. 69
недоснег с. 65
недофутбол с. 65
нежена с. 64
незакон с. 64
неинженер с. 64
немуж с. 64
неповар с. 64
непонятноговоритель с. 81
неправительство с. 64
нервотрепатель с. 76
нервотрепательница с. 81
несистема с. 64
неучитель с. 64
нечихательный с. 74
носибельный с. 74
ночьюбудитель с. 81
обещалка с. 66
обжирёнок с. 61
обниматель с. 81
обшуршать с. 69
овчарёнок с. 61
одарённый с. 68
одевалово с. 67
одевичить с. 71
одичахнуть с. 78
окабелить с. 71
оконьячиваться с. 71
омальчишить с. 71
опаркетить с. 71
оратель с. 81
отблошинный с. 73
отболгарить с. 70
отвиснуть с. 69
отгонятельный с. 74
отец-героинь с. 63
отревновать с. 69
отсолить с. 69
отучальщик с. 80
очкарюги с. 62
Падлыч с. 79
пантруссы с. 78
парооттягивалка с. 75
паскудёнок с. 61
пекинсёнок с. 61
переайфониться с. 80
переед с. 67
перекрасота с. 65
перенаказать с. 69
переобидеть с. 69
перепраздновать с. 69
пересекс с. 65
переубрать с. 69
перзамгендир с. 76
персёнок с. 61
персятник с. 63
пешеходница с. 62
пильнуть с. 69
писучий с. 74
планшетник с. 80
плюшевость с. 68
пляжничать с. 70
пниха с. 63, с. 80

поварить с. 70
подавальщик с. 67
подарище с. 62
поджарщица с. 66, с. 80
подлизёнок с. 61
пододевальник с. 78
подсказуха с. 66
Полканёнок с. 61
полканировать с. 71
помидорник с. 63
по-пусячьи с. 74
посудодробительница с. 75, с. 81
привольняться с. 69
приизолентить с. 70
приклубковертеться с. 79
принцессость с. 64
приплохеть с. 69
прискотчить с. 70
пристеплерить с. 70
пританцевать с. 69
пришурупить с. 70
проводниха с. 62
продавчиха с. 62
прокатнуть с. 69
промобилить с. 70
пропенопластить с. 70
просячий с. 74
прыгатель с. 81
прыгливый с. 74
пряталка с. 66
прятливый с. 74
пузожитель с. 15
пусячить с. 74
пылевытиралка с. 75
пылежеватель с. 75
пьяность с. 68
раздевальщик с. 67
размешивалка с. 65
ралореаленный с. 71
растолститься с. 72
ре с. 77
режницы с. 78
резинотянутель с. 76
ресторанщина с. 63
рожалка с. 66
ротвейлерша с. 62
рыбачиха с. 62
рюкзакон с. 62
салатничать с. 70
санузельный с. 73
свежота с. 67
семечник с. 63
сентябрёнок с. 77
сердюка с. 68
серьёзныш с. 68
сиамёнок с. 61
скакатель с. 81
сквадратиться с. 72
склубковертеться с. 79
скреплер с. 78, с. 19
слабёныш с. 68
слёзоглотание с. 76
слушалка с. 65
слушки с. 67
смотрелки с. 67
смыслица с. 65
снегокопалка с. 75
соба 76
собакоразведение с. 75
соглашатель с. 66
сокодавитель с. 75
соплежевание с. 76
соседораздражитель с. 75, с. 81
спан с. 76
спание с. 67
спокночь с. 67
спучий с. 74
стеклотёрка с. 75
стихоплётель с. 81
стоматологиня с. 62
стояльщик с. 66
страдануть с. 69
стропилка с. 68
супердешёвый с. 72
суперласковый с. 72
суперменище с. 62

суперчистоплотный с. 72
супершкодливый с. 72
суповарилка с. 75
сушиться с. 71
танцеватель с. 81
таскалка с. 65
тел с. 76
терялка с. 66
тискательный с. 74
топораты с. 77
тортничать с. 70
трамвайник с. 63
третатор с. 78
трусёнок с. 61
туалетница с. 63
туфляки с. 62
тушканить с. 71
тыквёнок с. 61
тянущий кота за хвост с. 66
убегалово с. 67
увнучатить с. 80
увнучить с. 80
угадывальщик с. 80
ужучить с. 80
укислиться с. 72
улыбучий с. 74
уматерить с. 80
умномань с. 80
умняка с. 69
универмажный с. 73
уплемянить с. 80
урокоделание с. 75
усыновиться с. 80
уходник с. 80
фей с. 63
фирмушка с. 61
фоль с. 76
фурник с. 63
хватка с. 65
хитрилово с. 67
хлоп с. 67
хоз с. 76
холоднота с. 68
хомяковод с. 75
хомячник с. 63
хотелка с. 15
хромач с. 80
хрючить с. 71
худельщик с. 66
художничать с. 70
цапалка с. 66
целователь с. 81
целовучий с. 74
чавкалка с. 65
чаезаваривание с. 75
червеискатель с. 75
черникожрательный с. 75
чихательный с. 74
чихуашник с. 63
чихуашонок с. 61
шампаниться с. 71
шиншилятник с. 63
шумняка с. 68
шурдыкалка с. 65
шуточник с. 80
ябедёнок с. 61
ягодособирательство с. 75
яйцезарочный с. 75

Публицистическая речь

автотромб (АиФ, 2014) с. 85
АГЕНПОП (ЛГ, 2013) с. 95
ай-невпопад (Задорн.) с. 98
Айфонушка (Ком., 2011) с. 84

аккомбайнемент (Ком., 2014) с. 97
алжиризация (Москв.) с. 86
АЛИМЕНТарно (НГ, 2009) с. 98
антиаппаратный (ЛГ, 2013) с. 90
антижизнь (Москв.) с. 85

антипобеда (Москв.) с. 85
антипоэтический (ЛГ, 2011) с. 90
антифутбол (ТВ) с. 85
античудо (ЛГ, 2014) с. 85
арабовладельческий (Рус. N., 2010) с. 97
арендовзять (Ком, 2015) с. 94
Б.А.Б (АиФ, 2013) с. 95
Баку-де-Жанейро (Сп.-экс., 2013) с. 94
бандидат (АиФ, 2013) с. 98
бедагог (РГ, 2010) с. 98
безавтобусный (Задорн.) с. 90
бездзюбый (Сп.-экс., 2014) с. 90
беззаборный (МК, 2014) с. 90
беззарплатный (АиФ, 1999) с. 90
безнагазанность (РГ, 2014) с. 97
безодёжный (РБК, 2014) с. 90
беспрезидентный (Ком, 2015) с. 90
Бил (Смена, 2014) с. 95
блинновация (Ком, 2011) с. 97
блюдный (Нов. Изв., 2011) с. 89
бонапартик (ЛГ, 2008) с. 84
БрООНовский (РГ, 2015) с. 97
бюджетообрезание (Мир нов., 2014) с. 92
Весиха с. 84
взлётность (ЛГ, 2013) с. 87
взятколюбивый (РГ, 2007) с. 93
взяткомания (АиФ, 2011) с. 93
внутриЕСовский (Васс.) с. 90
внутрихоккейный (НГ, 2012) с. 90
водрузитель с. 86
вождишко с. 84
выживательный (Ог., 2014) с. 89
вымодернизировать (Задорн.) с. 87
Газмяс (РБК, 2013) с. 95
гегемонистее (Задорн.) с. 90
генеральчик (МК, 2010) с. 84
гимнюк с. 84
гиперхозяйственный (ЛГ, 2011) с. 90
гитлероподобный (Изв., 2014) с. 93
Главмосдолгострой (Ком., 2009) с. 96
главноиграющий (Ком., 2015) с. 93
главноосматривающий (Ком., 2015) с. 93
главноуспокаивающий (МК, 2012) с. 93
глазность (РГ, 2010) с. 97
гламурняк (Задорн.) с. 84
голливудщина (РГ, 2009) с. 84
голлизм с. 85
госабсурд (Москв.) с. 99
госдама (Москв.) с. 99
Госфильмопонт (МК, 2011) с. 96
грекопадение (РГ, 2010) с. 92
грекопредставление (РГ, 2011) с. 93
гряземесилка (ТВ) с. 94
дамаска (РГ, 2016) с. 97
датка (ЛГ, 2013) с. 99
девландимиризация (Васс.) с. 99
дегазманизация (ЛГ, 2013) с. 86
демонократия (Задорн.) с. 99
деньгохлёб (Задорн.) с. 92
депардъировать (МК, 2013) с. 97
депетризация (Васс.) с. 99
депутатишко с. 84
ДИКий (АиФ, 2011) с. 98
диктантор (НГ, 2013) с. 97
диснейлендизация (Москв.) с. 86
ДНКовский (Задорн.) с. 89
договорняк с. 84
дойщик (МК, 2002) с. 86
доконсервный (Васс.) с. 90
долгоголик (РБК, 2015) с. 94
дообобрать (Задорн.) с. 87
дорублёвский (Москв.) с. 90
дубогрыз (Васс.) с. 92
дукесса с. 84
душинг (Задорн.) с. 86
евросердце (Труд, 2017) с. 85
евросказка (ЛГ, 2013) с. 85
евротрёпка (МК, 2012) с. 85
еврояичница (МК, 2012) с. 85
ЖАР (Москв.) с. 95
жераромания (Труд, 2013) с. 93
загарофобия (Труд, 2013) с. 93
задаватель (ЛГ, 2011) с. 86
зазаборный (ЛГ, 2013) с. 90
заикриться (РГ, 2013) с. 86
законоругатель (Ком., 2012) с. 92

закончик (Москв.) с. 84
закредитовать (Взгл., 2014) с. 87
ЗАПАДня (Задорн.) с. 98
запроцеДУРИТЬ (АиФ, 2011) с. 98
запуссено (МК, 2012) с. 97
звездунчик (Задорн.) с. 84
звездушка (Задорн.) с. 84
Зумми (ТВ) с. 95
интерДА (ЛГ, 2014) с. 98
КАЗИНОчь (МП, 2009) с. 97
КАСКОдёр (РГ, 2010) с. 97
Катастрофа-на-Амуре (НГ, 2013) с. 94
квазибразильский (Москв.) 90
квазигосударственный (ЛГ, 2011) с. 90
квазидобровольный (ЛГ, 2013) с. 90
квазидокументальный (ЛГ, 2009) с. 90
квазиэтнос (ЛГ, 2001) с. 85
кёнигсбергщина (ЛГ, 2013) с. 84
кибервеление (ЛГ, 2011) с. 85
киберхотение (ЛГ, 2011) с. 85
киновнук (Москв.) с. 85
киноначальник (ЛГ, 2008) с. 85
киприотизм (РБК, 2015) с. 84
киркоровщина (МК, 2010) с. 84
коммуняка-расстреляка (ТВ) с. 86
копъёвский с. 89
коровный (Ком, 2015) с. 89
коталажка (РГ, 2013) с. 98
кошколюб (ЛГ, 2011) с. 92
кумирчик (Москв.) с. 84
курасня (ТВ) с. 95
куценкизация (Москв.) с. 86
КЭШелёк (Нов. Изв., 2012) с. 98
лайт-демократия (Задорн.) с. 99
левосудие (Нов. Изв., 2015) с. 94
ленинопад (ТВ) с. 94
лениняка с. 84
лжевыпускник (СБ, 2013) с. 85
лицензионность (НГ, 2013) с. 87
ЛУКОЙЛОВый (МК, 2010) с. 97
майданизация (АиФ, 2014) с. 86
марксюк с. 84
машинопоцарапательница (ТВ) с. 92
мегавыборы (АиФ, 2014) с. 85
мегапремия (Труд, 2013) с. 85
микрополномочия (НГ, 2014) с. 85
минОборотеньсервис (ТВ) с. 96
МММаразм (МК, 2012) с. 97
Морггордума (НГ, 2014) с. 96
МУльТНый (АиФ, 2011) с. 97
мусульмания (Ком., 2015) с. 97
мухозасиживание (Задорн.) с. 93
МЭРзский (МК, 2011) с. 98
мясодел (АиФ, 2011) с. 92
Наболотинск (ТВ) с. 99
наипрезидентнейший (Москв.) с. 90
нампичмент (Задорн.) с. 98
нанокобыла (МК, 2010) с. 85
наноуспех (Труд, 2013) с. 85
народосбережение (РГ, 2012) с. 92
небомж (ЛГ, 2013) с. 85
невстреча (АиФ, 2011) с. 85
недогиб (ТВ) с. 85
недоистраченный (Задорн.) с. 88
недокнига (НГ, 2014) с. 85
недомирие (ЛГ, 2015) с. 85
недоотопление (АиФ, 2011) с. 85
недоприватизировать (ЛГ, 2013) с. 88
недопринцесса (ЛГ, 2015) с. 85
недосложившийся (Москв.) с. 88
недострахованный (ЛГ, 2010) с. 88
немиллионер (АиФ, 2008) с. 85
неновеллист (ЛГ, 2013) с. 85
нераспад СССР (АиФ, 2011) с. 85
нероманист (ЛГ, 2013) с. 85
нефтерэкет (Задорн.) с. 99
нефтесос (Задорн.) с. 100
нефтесправедливость (Задорн.) с. 100
нефтешабаш (Задорн.) с. 100
неэссеист (ЛГ, 2013) с. 85
новостюха (АиФ, 2013) с. 84
обарселонить (Эксп., 2010) с. 88
обвороваться (ЛГ, 2014) с. 87
оборонДАЧстрой (АиФ, 2011) с. 96
обустроитель (ЛГ, 2008) с. 86
овульфиться (Москв.) с. 88

одемократиться (АиФ, 2011) с. 88
окладоискатель (Ком., 2010) с. 94
Окновъевропинск (ТВ) с. 99
околоминистерский (Труд, 2013) с. 90
околосердюковский (АиФ, 2013) с. 90
олигархопровод (Задорн.) с. 94
оманкуртить (Задорн.) с. 88
опрезидентить (РГ, 2008) с. 88
орБЫТа (АиФ, 2011) с. 98
осагный (Проф., 2010) с. 97
оскаровский (АиФ, 2011) с. 89
отгламурить (Москв.) с. 88
отключительный (РБК, 2014) с. 89
отмедалить (Ком., 2013) с. 88
отрекламировать (Задорн.) с. 87
отреформатировать (Ком., 2012) с. 87
отрываемость (Задорн.) с. 87
парламентишко с. 84
Партгазактив (Ком., 2011) с. 96
переплан (Васс.) с. 85
переРосГрузка (НГ, 2010) с. 98
переукрепление (Ком., 2015) с. 85
перехудание (Задорн.) с. 85
пиарламент (МК, 2014) с. 98
пиаровод (Ком., 2015) с. 92
пинака (ТВ) с. 86
пираМММида (РБК, 2011) с. 97
пистолетинг (ТВ) с. 86
плевака (ТВ) с. 86
побарбосить (АиФ, 2015) с. 88
победность (Ком., 2012) с. 87
по-бушевски (МК, 2013) с. 91
по-газпромовски (НГ, 2004) с. 91
поджунглистей (Москв.) с. 90
подмышкомазалка (Задорн.) с. 92
подНАТОреть (АиФ, 2010) с. 98
подшельфный (РГ, 2013) с. 90
пожародушение (Ком., 2010) с. 94
пожарюга (МК, 2012) с. 84
пожинатель (ЛГ, 2011) с. 86
по-Жириновски (МК, 2011) с. 91
по-кличковски (МК, 2004) с. 91
политРАКЕТность (Задорн.) с. 99
помадопоглотительница (ТВ) с. 92
по-нерусски с. 91
пониматель (ЛГ, 2013) с. 86
по-обамовски (КП, 2009) с. 91
порнографиня (Чупр.) с. 84, с. 99
порнографичность (ЛГ, 2007) с. 87
портосовский (МК, 2014) с. 89
послемайдановский (МК, 2014) с. 90
посудопотребление (РГ, 2013) с. 92
по-timoшенковски (АиФ, 2011) с. 91
правдорубство (АиФ, 2014) с. 93
правокачание (Ком., 2012) с. 93
презиДЕДский (МК, 2008) с. 97
прикремленный (НГ, 2014) с. 90
припадание (Москв.) с. 86
прокурорчик с. 84
прохоровский (НГ, 2014) с. 89
псевдоголливудский (Задорн.) с. 90
псевдозолото (АиФ, 2011) с. 85
псевдоСССР (ЛГ, 2011) с. 85
псевдоучебник (ЛГ, 2011) с. 85
путаноцеп (ТВ) с. 92
пчелопокусывание (Задорн.) с. 93
реабилитатель (ЛГ, 2013) с. 86
реформолюбивый (РЖ, 2015) с. 93
решала (АиФ, 2011) с. 86
роботодатель (РГ, 2014) с. 92
РосИллюзия (ЛГ, 2013) с. 96
Росприродсбыт (Ком., 2014) с. 95
рыбалкомания (АиФ, 2011) с. 93
саакашвилизация (ЛГ, 2008) с. 86
сараеподобный (ЛГ, 2008) с. 93
сбыточно с. 91
свалинг (Задорн.) с. 86
сердюковщина (АиФ, 2013) с. 84
сериализм (Ком., 2014) с. 84
СКАзка (Смена, 2014) с. 98
скарлеттйоханссонинг (АиФ, 2013) с. 98
СНеп (ЛГ, 2013) с. 95
снюш (ТВ) с. 98
согласователь (АиФ, 2011) с. 86
писательный (Ком., 2013) с. 89
спортомания (АиФ, 2011) с. 93

СССРодство (АиФ, 2011) с. 97
станкоразрушение (NT, 2009) с. 94
Стыки-де-Жанейро (РГ, 2013) с. 94
суперкатолический (ЛГ, 2011) с. 90
суперсегоднешний (Задорн.) с. 90
СШАкал (Задорн.) с. 97
тамиздат (Чупр.) с. 99
тарифметика (Ком., 2015) с. 97
теледеление (ЛГ, 2011) с. 85
теннисёрка с. 84
трансжирный (МП, 2013) с. 89
трубопожатие (Ком., 2010) с. 94
убирательный (Ком., 201№) с. 89
уличность (Ком., 2012) с. 87
уползание (ЛГ, 2015) с. 86
Уралвагонзабой (Ком., 2013) с. 95
уткопад (ЛГ, 2015) с. 94
утопительный (НГ, 2013) с. 89
фальшивобольничник (МП, 2010) с. 94
фальшивомавродчик (МК, 2011) с. 94
фальшивоналётчик (Рус. N., 2010) с. 94
фальшивопереводчик (Ком., 2009) с. 94
фальшивотаблетчик (Итоги, 2013) с. 94
финансун (Задорн.) с. 86

фольксвагеновед (ТВ) с. 92
фольксвагеноведение (ТВ) с. 92
фронтменша с. 84
фуаграница (МК, 2014) с. 97
футболь в сердце (Ком., 2015) с. 97
хард-тирания (Задорн.) с. 99
харя-контроль (Задорн.) с. 99
хиппомания (ЛГ, 2009) с. 93
хлебность (АиФ, 2011) с. 87
хороняка (ТВ) с. 86
ЦСКАзка (Сов. сп., 2017) с. 97
чемоданиг (Задорн.) с. 86
черноМЭРский (Труд, 2011) с. 97
чипеть (ТВ) с. 95
шкафошубонабывательница (ТВ) с. 92
шляпопад (ТВ) с. 93
шмонинг (ТВ) с. 86
шпионинг (ТВ) с. 86
щелбаняка (ТВ) с. 86
элитка (ЛГ, 2013) с. 84
эпиграсня (ТВ) с. 95
юлизм с. 85
юлияtimoшенковский с. 98

Поэтическая речь

Авроров (Маяк.) с. 115
автомашинич (Март.) с. 132
автомобилище (Манд.) с. 103
азбучен (Цветк.) с. 114
аистиха (Павл.) с. 104
акмеистик (Маяк.) с. 102
алчь (Возн.) с. 109
ангелёнок (Возн.) с. 102
ангельскость (Цв.) с. 109
антиинтеллигенция (Возн.) с. 105
антиллерист (Выс.) с. 126
антимама (Выс.) с. 124

антимашина (Возн.) с. 105
Антиминфинович (Возн.) с. 125
антиординаты (Выс.) с. 124
антипапа (Выс.) с. 124
антиплавки (Возн.) с. 105
антипят (Выс.) с. 124
антиребята (Выс.) с. 124
архи-разиерархия (Маяк.) с. 105
архитекстор (Возн.) с. 123
астрономища (Возн.) с. 103
Багряныч (Март.) с. 130
Багрянтьте (Март.) с. 131

безграничье (Асеев) с. 107
беззимний (Манд.) с. 116
безмесячный (Апухт.) с. 116
безмясый (Маяк.) с. 116, (Ес.) с. 116
безорлый (Хл.) с. 116
белым-белеть (Ахмад.) с. 120
березь (Ес.) с. 106
бермутить (Выс.) с. 125
бермутно (Выс.) с. 125
бермutorно (Выс.) с. 125
бермуть (Выс.) с. 125
бескартузый (Маяк.) с. 116
бескрыший (Цв.) с. 116
бескудрый (Ес.) с. 116
беспогонный (Наг.) с. 116
беспопье (Сев.) с. 106
бессапожье (Цв.) с. 106
бессловье (Асеев) с. 107
бессолье (Цв.) с. 106
бестельный (Ес.) с. 116, (Маяк.) с. 116
бестинный (Сев.) с. 116
бесхлебье (Цв.) с. 106
бесцарёвый (Федорч.) с. 116
бесцерковный (Герм.) с. 116
босфорский (Мес.) с. 115
боярчоночек (Евт.) с. 102
бриллиантиться (Сев.) с. 111
булыжной (Март) с. 114
бумажность (Маяк.) с. 108
Бураныч (Март.) с. 130
бурноводье (Кирс.) с. 118
Буруныч (Март.) с. 130
бывь (Цв.) с. 109
бытик (Маяк.) с. 102
бытище (Маяк.) с. 103
бьюга (Хл.) с. 123
бюрократовский (Маяк.) с. 115
вбаливаться (Цв.) с. 124
вглатываться (Цв.) с. 124
великанка (Март.) с. 103
вербенёнок (Ес.) с. 103
вещин (Маяк.) с. 114
взмедведиться (Маяк.) с. 113
взморщив (Маяк.) с. 110
вкрикиваться (Цв.) с. 124
вмалчиваться (Цв.) с. 124
вниматель (Слуцк.) с. 107
вось (Ес.) с. 106
волосы-джунгли (Маяк.) с. 118
впадываться (Цв.) с. 124
впиджаченный (Амел.) с. 113
вплакиваться (Цв.) с. 110, с. 124
вплясываться (Цв.) с. 124
вранить (Ес.) с. 110
всеоружас (Выс.) с. 122
вулканов (Хал.) с. 115
вчувствываться (Цв.) с. 124
вщёпываться (Цв.) с. 110, с. 124
вштопоренный (Маяк.) с. 113
вщуршать (Ганд.) с. 110
вщупаться (Ход.) с. 110
вьямясь (Маяк.) с. 113
выжевать (Маяк.) с. 124
вызарить (Маяк.) с. 124
вызнакомиться (Маяк.) с. 124
вылюбить (Ес.) с. 110
выпеснить (Ес.) с. 113
высокогорность (Евт.) с. 108
выстонать (Выс.) с. 110
вытосковать (Цв.) с. 110
выхмуриться (Маяк.) с. 124
галифастый (Аст.) с. 115
гегемонский (Мориц) с. 115
гегемончик (Мориц) с. 102
гитаровый (Выс.) с. 115
Главгарпунотрест (Евт.) с. 121
глотатель (Сол.) с. 107
глыбастость (Евт.) с. 108
гонконговский (Евт.) с. 115
горохово (Наг.) с. 118
Горькович (Возн.) с. 125
госсоловей (Возн.) с. 120
гостиничий (Сельв.) с. 115
гранатно (Бун.) с. 118

гробувь (Евт.) с. 123
грядущестъ (Ахмад.) с. 108
гумский (Маяк.) с. 115
гусица (Выс.) с. 103
деревнин (Евт.) с. 114
держабль (Кирс.) с. 125, с. 129
десятикратье (Асеев) с. 119
дирижабры (Кирс.) с. 125, с. 129
дирижаворонок (Кирс.) с. 125, с. 129
дирижъяблоко (Кирс.) с. 129
диризяблик (Кирс.) с. 125, с. 129
дискоболша (Маяк.) с. 103
довольность (Аст.) с. 109
доголодать (Слуцк.) с. 110
до-жизнь (Ахмад.) с. 105
дыбоволосый (Выс.) с. 120
е.в.ж. (Возн.) с. 120
евпаторёнок (Маяк.) с. 102, с. 25
евпаторийка (Маяк.) с. 125
евпаторство (Маяк.) с. 125
евпаторьяк (Маяк.) с. 125
евпаторьянин (Маяк.) с. 125
евпаторьячий (Маяк.) с. 125
железобетонище (Возн.) с. 103
жестяно (Год.) с. 118
жизнь-качель (Горб.) с. 118
журавлино (Павл.) с. 117
журчей (Манд.) с. 123
заверещание (Возн.) с. 123
заглатыватель (Цв.) с. 107
задранность (Брод.) с. 109
завездье (Асеев) с. 107
закатище (Маяк.) с. 103
заклятыще (Цв.) с. 103
занебесье (Асеев) с. 107
занозиться (Евт.) с. 111
заполночный (Стрел.) с. 116
заратустричь (Хл.) с. 111
застепной (Ес.) с. 116
затрубадурить с. 121
заувлекаться (Маяк.) с. 110
звездь (Маяк.) с. 106
звоночище (Маяк.) с. 103
зеленокосый (Ес.) с. 119
зеленолистье (Бок.) с. 118
зеленорогий (Евт.) с. 119
Земшар (Кир.) с. 120
Зеркулес (Возн.) с. 122
ЗЕФЕК (Маяк.) с. 121
златозубый (Ес.) с. 119
змеино (Ес.) с. 117
зоологичность (Бун.) с. 109
иглясь (Маяк.) с. 111
игрочишко (Возн.) с. 103
извыться (Маяк.) с. 110
изглубье (Асеев) с. 107
имажинистик (Маяк.) с. 102
инфузорно (Март.) с. 117
ирландыш (Евт.) с. 122
иссмеяться (Хл.) с. 125
исчоканный (Маяк.) с. 110
иудить (Маяк.) с. 111
июневый (Сев.) с. 115
кURLыкать (Возн.) с. 123
каменнобровый (Цв.) с. 119
каменногрудый (Цв.) с. 119
каменнолобый (Цв.) с. 119
каметно (Евт.) с. 117
капиталов (Маяк.) с. 115
капучий (Ес.) с. 117
карк (Ес.) с. 108
Картинович (Возн.) с. 125
качелиться (Сев.) с. 111
кидатель (Наг.) с. 107
кижиха (Возн.) с. 103
кленёночек (Ес.) с. 103
клипса-лапка (Маяк.) с. 118
кондуктриса (Маяк.) с. 103
концертно (Павл.) с. 117
крестатый (Стад.) с. 115
кривопись (Мар.) с. 119
кричня (Ес.) с. 108
крохей (Выс.) с. 123
крылолёт (Сев.) с. 119
купоросно (Бун.) с. 118
лаец (Маяк.) с. 103

легендарь (Маяк.) с. 109
лесны (Сев.) с. 114
лешевелюра (Выс.) с. 122
лизолятор (Выс.) с. 123
листолёт (Ес.) с. 119
листошуршать (Дубин.) с. 119
литгарантул (Возн.) с. 120
лопухия (Матв.) с. 104
лопушонок (Матв.) с. 102
луночь (Март.) с. 130
льнянокудрый (Манд.) с. 119
любовишка (Маяк.) с. 103
любёночек (Маяк.) с. 103
людволна (Хл.) с. 120
людлуч (Хл.) с. 120
манекенский (Выс.) с. 115
медвежесть (Гриц.) с. 109
медногорлый (Маяк.) с. 119
междустрочье (Аник.) с. 107
мечтулька (Сельв.) с. 103
микробище (Вит.) с. 103
мимозность (Наг.) с. 109
миноносий (Маяк.) с. 115
миноносица (Маяк.) с. 104
миссисипиться (Маяк.) с. 112
молоткастый (Маяк.) с. 115
монтекарлик (Маяк.) с. 122
моревое (Сев.) с. 117
Мортирович (Возн.) с. 125
мотылёнок (Маяк.) с. 102
моцартить (Хл.) с. 111
мояблоня (Кирс.) с. 126
моягода (Кирс.) с. 126
моярышня (Кирс.) с. 128
мурлыбчивый (Выс.) с. 122
мычь (Сельв.) с. 108
мясь (Куц.) с. 106
мятич (Март.) с. 132
надкрестный (Ес.) с. 116
надсмехальный (Хл.) с. 125
настоящерица (Кирс.) с. 122, с. 128
небий (Маяк.) с. 115
не-гулянье (Цв.) с. 104
нежизнь (Слуцк.) с. 104, с. 105
некрик (Павл.) с. 104
нелицо (Цв.) с. 104
нерадость (Евт.) с. 104
несмерть (Слуцк.) с. 105
не-ум (Цв.) с. 104
неустаюноша (Евт.) с. 122
неуют (Ахмад.) с. 104
нечеловечество (Мориц) с. 104
ниточно (Наг.) с. 118
нотно (Павл.) с. 117
нынчесть (Маяк.) с. 109
нэпачка (Маяк.) с. 103
нэпский (Маяк.) с. 115
нэпчик (Маяк.) с. 102
нянь (Маяк.) с. 104
обдумыватель (Федорч.) с. 107
обезжемчужить (Цв.) с. 113
обеззвучеть (Сев.) с. 113
обезлюбленный (Маяк.) с. 113
обезноить (Цв.) с. 113
обесснеженный (Сопр.) с. 113
обосененный (Ес.) с. 112
обпечалить (Ес.) с. 110
обшептать (Евт.) с. 110
общежитьевский (Год.) с. 115
огуриться (Маяк.) с. 112
озлатонивить (Ес.) с. 120
омутовый (Салим.) с. 115
онелепленный (Манд) с. 112
опожаренный (Маяк.) с. 112
орлить (Слуцк.) с. 112
орло (Маяк.) с. 108
осенебри (Возн.) с. 122
Осётрович (Возн.) с. 125
оснегурить (Хл.) с. 112
осунь (Сельв.) с. 108
Отвёрткович (Возн.) с. 125
отворчаться (Март.) с. 111
оторвиголова (Выс.) с. 119
отосниться (Цв.) с. 110

отпророчить (Выс.) с. 111
отспешить (Ахмад.) с. 111
Офортovich (Возн.) с. 125
очерково (Возн.) с. 117
очки-велосипед (Маяк.) с. 118
память-падальщица (Гандлевск.) с. 118
папа-пугай (Выс.) с. 123
паучить (Маяк.) с. 111
пеклов (Маяк.) с. 115
пестроцветье (Асеев) с. 119
Петербургов (Маяк.) 15с. 1
пика-перо (Маяк.) с. 118
плачик (Маяк.) с. 102
плеватель (Возн.) с. 107
плюшик (Маяк.) с. 102
подвенечность (Евт.) с. 108
подгородний (Асеев) с. 116
по-демагожьи (Сельв.) с. 118
подзорье (Асеев) с. 107
подколонный (Сопр.) с. 116
подсматриватель (Евт.) с. 107
поинострание (Маяк.) с. 114
Политехничевич (Возн.) с. 125
полу-Гамлет (Евт.) с. 106
полугвардеец (Евт.) с. 106
полулюбовь (Евт.) с. 106
полумушкетёр (Евт.) с. 106
полумятеж (Евт.) с. 106
полумятежник (Евт.) с. 106
полуплач (Забол.) с. 106
полуподавитель (Евт.) с. 106
полупохабщина (Маяк.) с. 106
полу-Родина (Евт.) с. 106
полусовесть (Евт.) с. 106
полуугроза (Цв.) с. 106
полуумница (Слуцк.) с. 106
полу-Челкаш (Евт.) с. 106
полу-эшафот (Евт.) с. 106
по-мефистофельски (Евт.) с. 118
портосовкий (Наг.) с. 115
по-сардиньи (Маяк.) с. 118
послевойна (Слуцк.) с. 105
послевременный (Слуцк.) с. 116
послежизнь (Евт.) с. 105
по-улицегорьковски (Евт.) с. 120
поцелуишко (Маяк.) с. 103
пред-весна (Ахмад) с. 105
пред-война (Ахмад.) с. 105
предзноб (Цв.) с. 105
предновостройный (Шир.) с. 116
преднота (Цв.) с. 105
предрояльный (Ахмад.) с. 116
предслышать (Ахмад.) с. 110
предсмертной (Ахмад.) с. 114
предсмерть (Хор.) с. 107
привиденский (Цв.) с. 115
прогрессистик (Евт.) с. 102
пролежабль (Кирс.) с. 125, с. 129
пророзоветь (Возн.) с. 110
просинеть (Возн.) с. 110
прошляпленность (Евт.) с. 109
псовость (Слуцк.) с. 108
пурговый (Ес.) с. 115
пятилучие (Маяк.) с. 118
разбольничный (Звер.) с. 113
разбольшущий (Маяк.) с. 113
развеерить (Стрел.) с. 112
разглаживатель (Маяк.) с. 107
разизнасиловать (Маяк.) с. 110
разлунить (Маяк.) с. 112
размиллионер (Дост.) с. 105
разнесчастье (Ник.) с. 105
разночиться (Маяк.) с. 112
разнэп (Маяк.) с. 105
разработчий (Цв.) с. 113
ракетно (Возн.) с. 117
расканарейть (Маяк.) с. 112
раскиселиться (Маяк.) с. 112
распередовой (Аст.) с. 113
распрабабкин (Маяк.) с. 113
распровеликий (Цв.) с. 113
распрогромиться (Бок.) с. 112
распятость (Сев.) с. 109
расснайпер (Аст.) с. 105

рассоциализм (Маяк.) с. 105
расцветастый (Евт.) с. 113
рвище (Цв.) с. 103
рекламнейший (Асеев) с. 114
рифмишка (Возн.) с. 103
рыдалистый (Ес.) с. 117
самокатич (Март.) с. 132
санки-самолёты (Ес.) с. 118
саночь (Март.) с. 130
саранчиха (Возн.) с. 104
СверхВосток (Возн.) с. 106
СверхЗапад (Возн.) с. 106
сверхтолчок (Возн.) с. 106
свинцовоночие (Маяк.) с. 118
свистопад (Возн.) с. 119
сербость (Мориц) с. 109
серпастый (Маяк.) с. 115
серь (Возн.) с. 109
серьгастый (Кенж.) с. 115
сиятель (Маяк.) с. 107
скребучий (Бун.) с. 117
скрипкин (Маяк.) с. 114
словопад (Маяк.) с. 119
смейево (Хл.) с. 125
смертица (Маяк.) с. 103
смехач (Хл.) с. 125
смехоточивый (Меж.) с. 119
смешик (Хл.) с. 102
смеюнчик (Хл.) с. 125
смеяльно (Хл.) с. 125
смеянствовать (Хл.) с. 125
совмещанин (Возн.) с. 120
стеклодувша (Возн.) с. 103
стоглазье (Сельв.) с. 118
стотысячесабельный (Маяк.) с. 119
стошумный (Асеев) с. 119
страхус (Возн.) с. 123
стройкин (Евт.) с. 114
стукозубый (Выс.) с. 120
стукот (Евт.) с. 108
сугробёнок (Возн.) с. 103
сугробий (Сельв.) с. 115
тараканить (Цветк.) с. 111
тарел (Возн.) с. 104
твоярышня (Кирс.) с. 128
тебетанье (Кирс.) с. 128
тебетать (Кирс.) с. 128
теньк (Маяк.) с. 107
Тёртович (Возн.) с. 125
тигриность (Наг.) с. 109
тиниться (Маяк.) с. 111
толстодушие (Асеев) с. 119
тополино (Павл.) с. 117
топорёнок (Стрел.) с. 103
топориха (Стрел.) с. 104
торгфлотовский (Евт.) с. 115
транспорты-галошины (Маяк.) с. 118
Триумфович (Возн.) с. 125
туфлястый (Маяк.) с. 115
туча-борода (Маяк.) с. 118
тучкин (Маяк.) с. 114
тысячесвечовый (Слуцк.) с. 119
тысячехолмие (Манд.) с. 118
тыщевёрстный (Евт.) с. 119
тьмутараканьясь (Маяк.) с. 126
тюленица (Возн.) с. 103
увековечливый (Маяк.) с. 117
угольность (Бун.) с. 109
удушьице (Цв.) с. 103
урагангел (Возн.) с. 122
ушища-веники (Маяк.) с. 118
усмеяльно (Хл.) с. 125
ух (Ес.) с. 108
фаустыня (Возн.) с. 104
фашистить (Мориц) с. 111
Ферттович (Возн.) с. 124
фотографиня (Возн.) с. 104
футбольнейший (Евт.) с. 114
футуристик (Маяк.) с. 102
хвоститься (Маяк.) с. 111
хромучий (Евт.) с. 117
хрю (Сельв.) с. 108
цветь (Ес.) с. 106
чадь (Март.) с. 132

чайнее (Маяк.) с. 114
чахоткин (Маяк.) с. 114
чегубы (Хл.) с. 120
черепастый (Выс.) с. 115
чернолюдье (Манд.) с. 118
черноручье (Асеев) с. 118
чешире (Выс.) с. 122
чингисханить (Хл.) с. 111
чугунен (Возн.) с. 114
чучеловече (Возн.) с. 122
шаший (Сельв.) с. 115

шелестливый (Евт.) с. 117
штычий (Маяк.) с. 115
электроблестеть (Март.) с. 120
Эльбружонок (Кирс.) с. 121
эсерик (Маяк.) с. 102
ягнятище (Ес.) с. 103
ядило (Возн.) с. 108
язвило (Возн.) с. 108
язоил (Возн.) с. 122
ясь (Маяк.) с. 109

МГПУ им. И.П.Шамякина

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ И СОКРАЩЕНИЙ	3
ВВЕДЕНИЕ.....	7
ГЛАВА 1 ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ СЛОВА КАК ОСОБЫЙ РАЗРЯД ЛЕКСИКИ	9
1.1 Лексический окказионализм и его признаки.....	9
1.2 Соотношение окказионализма с другими категориями лексики	12
1.2.1 Окказионализм и неологизм	12
1.2.2 Окказионализм и потенциальное слово.....	16
1.3 Виды окказионализмов с функциональной точки зрения	19
1.4 Окказионализм и троп	21
Выводы	23
ГЛАВА 2 ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО В ДЕТСКОЙ РЕЧИ.....	25
2.1 Аспекты и направления исследований по детскому окказиональному словотворчеству	25
2.2 Процессы окказионального словотворчества в речи детей	28
2.2.1 Аффиксация и деаффиксация в детском окказиональном словотворчестве.....	30
2.2.1.1 Субстантивная деривация	30
2.2.1.2 Глагольная деривация	38
2.2.1.3 Адъективная деривация.....	43
2.2.1.4 Адвербиальная деривация.....	47
2.2.2 Сложение, аббревиация, усечение	47
2.2.3 Окказионализмы, образованные не характерными для языкового узуса способами	49
2.3 Детские окказионализмы и контекст	53
Выводы	55
ГЛАВА 3 ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО В РЕЧИ ВЗРОСЛЫХ	57
3.1 Специфичность окказионального словотворчества в речи взрослых	57
3.2 Процессы окказионального словотворчества в разговорной речи	58
3.2.1 Способы окказионального словотворчества в разговорной речи	59
3.2.1.1 Аффиксация и её виды	60

3.2.1.2 Сложение	74
3.2.1.3 Аббревиация и усечение	76
3.2.1.4 Окказионализмы, образованные не характерными для языкового узуса способами.....	77
3.2.2 Окказионализмы и контекст	79
3.3 Процессы окказионального словотворчества в книжной речи	82
3.3.1 Окказиональное словотворчество в публицистике	83
3.3.1.1 Способы окказионального словопроизводства в сфере публицистики	83
3.3.1.2 Соотношение окказионализма и публицистического контекста	99
3.3.2 Окказиональное словотворчество в поэтической речи	100
3.3.2.1 Способы окказионального словотворчества в поэзии	101
3.3.2.2 Поэтические окказионализмы и контекст	123
3.3.2.3 Окказиональные слова в системе поэтического текста	127
Выводы	134
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	138
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	140
СЛОВНИК.....	159

Научное издание

Ковалевич Ирина Олеговна
Ревуцкий Олег Игоревич

**РУССКОЕ ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВОПРОИЗВОДСТВО
В РЕЧИ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ
(СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

Корректор *Л. В. Журавская*
Оригинал-макет *Е. В. Юницкая*

Подписано в печать 25.05.2017. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 10,58. Уч.-изд. л. 10,77. Тираж 69 экз. Заказ 12.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Учреждение образования «Мозырский государственный
педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий N 1/306 от 22 апреля 2014 г.
Ул. Студенческая, 28, 247760, Мозырь, Гомельская обл. Тел. (8-0236) 32-46-29.